

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (14)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (14)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.
председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации

Рябов В.В.
заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.
заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.
главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жиряков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.В.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачёв С.П.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.
ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Агеев С.Е.* Благотворительная деятельность заводчиков
в области образования второй половины XIX века 8
- Черножуков А.С.* Московская городская дума
и революционные события в Москве в 1905 году 14

Новейшая история России

- Касаров Г.Г.* Меншевики в начале Гражданской войны
в России (апрель – май 1918 года) 19
- Бравина М.А.* Борьба с пьянством и алкоголизмом
в средневолжской провинции в условиях Революции
и Гражданской войны 30

Всеобщая история

- Давыдова А.Б.* Советская археологическая экспедиция
в Нубии 42
- Васин И.В.* Греческие союзы эпохи эллинизма в отражении
современной отечественной историографии (1990–2010 годы) 53
- Фурцев Р.В.* Техника противовесов как элемент поддержания
баланса сил в системе итальянских государств
второй половины XV в. 63
- Манухин А.А.* К вопросу о характере двусторонних отношений
США и России в начале 2000-х годов 75
- Рябота М.А.* Британская политика в Османской империи
в последней трети XIX века (историографический аспект) 83
- Агуреев С.А.* Развитие советско-эфиопских дипломатических
и культурных отношений в 1920–1950 годы 92

Методика преподавания истории

Михайловский Ф.А., Новикова С.Н. Изучение «Законов Хаммурапи» в 5 классе в свете требований ФГОС..... 102

Критика. Рецензии. Публицистика

Орлов А.А. Иностранцы — это вред или польза? Рецензия на книгу: Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть...». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861) (Смоленск: Смол. ГУ; Свиток, 2013. 256 с.)..... 112

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».

2014, № 2 (14)..... 120

Требования к оформлению статей..... 122

CONTENTS

History of Russia: From Ancient Times to 1917

- Ageev S.E.* The Charitable Activity of Factory-Owners in the Field of Education in the Second Half of XIXth Century.....8
- Chernozhukov A.S.* The Moscow City Duma and the Revolutionary Events in Moscow in 190514

Modern History of Russia

- Kasarov G.G.* Mensheviks in the Beginning of the Civil War in Russia (April – May 1918).....19
- Bravina M.A.* The Struggle against Drunkenness and Alcoholism in the Middle Volga Province under the Revolution and the Civil War30

General History

- Davydova A.B.* Soviet Archaeological Expedition in Nubia42
- Vasin I.V.* Greek unions Hellenistic Period in Reflection of Modern Russian Historiography (1980–2010).....53
- Furtsev R.V.* Technique of Balances as Part of Maintaining the Balance of Power in the System of Italian States in the Second Half of 15th Century63
- Manukhin A.A.* Toward the Essence of Russian – American Relations at the Beginning of the 21st Century75
- Ryabota M.A.* British Policy in Rivalry of Great States in Ottoman Empire in the Last 3d part of the XIX Century (Historiographic Aspect).....83
- Agureev S.A.* The Development of Soviet-Ethiopian Diplomatic and Cultural Relations in 1920–195092

Methodology of Teaching History

<i>Mikhailovsky F.A., Novikova S.N.</i> Study of «Laws of Hammurapi» in the 5 th Grade According to the Requirements of the FGOS	102
--	-----

Criticism. Reviews. Publicism

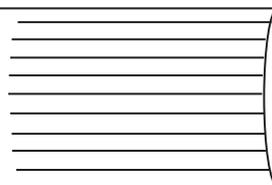
<i>Orlov A.A.</i> On the Professional Motivation of History Students (Bachelor Degree) within the Discipline «History of the West in Modern Times».....	112
---	-----

**Authors of «Vestnik of MCTTU», Series «Historical Studies»,
2014, № 2 (14).....**

120

Style Sheet.....	122
-------------------------	------------

**История России:
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
до 1917 года**

С.Е. Агеев

**Благотворительная деятельность
заводчиков в области образования
второй половины XIX века**

В статье говорится о благотворительной деятельности частных промышленников XIX века С.И. Мальцова и Т.С. Морозова в области просвещения и образования заводских рабочих и их детей.

Ключевые слова: частные промышленники XIX века; заводчики С.И. Мальцов и Т.С. Морозов; благотворительность частных промышленников XIX века.

В эпоху фабрично-заводского капитализма в России новые частные предприниматели успешно увеличивали свои капиталы не вследствие векового наследования дворянских усадеб и труда крепостных, а за счет собственных усилий, терпения, организаторских способностей и напористой энергии. Новые русские предприниматели не были временщиками. Они считали себя не только хозяевами своих заводов, но, имея глубокие национальные корни, не забывали об интересах всего народа и государства.

Создавая заводы, передовые российские промышленники радели не только о производстве, но и о повседневном благосостоянии своих рабочих, а также вкладывали немалые средства в развитие инфраструктуры заводских поселений и городов. Такая забота заводчиков на первый взгляд могла казаться своеобразной формой альтруизма либо «барским чудачеством». Однако в таком случае они не смогли бы сколотить миллионы, а продукция их заводов вряд ли бы была конкурентоспособной и передовой.

В создании инфраструктуры заводских поселений как своеобразного социального ядра особое место уделялось системе просвещения и образования своих рабочих и их детей.

Видные российские предприниматели уже во второй половине XIX века приступили к разработке на своих промышленных предприятиях комплексных мер, связанных с организацией начального образования.

В частности, в указанный период немалый вклад в процесс формирования учебных заведений внесли крупные русские промышленники Тимофей Саввич Морозов¹ и Сергей Иванович Мальцов², при этом строительство и функционирование школ осуществлялось исключительно по предпринимательской инициативе этих заводчиков.

В 80-х годах XIX века был утвержден обновленный Устав о промышленности [5: с. 1206–1207], согласно которому владельцам фабрик и заводов предоставлялось право открывать у себя начальные народные училища. Однако закон не обязывал заводчиков строить школы и заставлять малолетних детей посещать их. Такое положение в деле народного образования сохранилось в Российской империи вплоть до 1917 года [3: с. 190].

Первая фабричная школа (училище) в Никольском была открыта 7 мая 1864 года Тимофеем Саввичем Морозовым, который был до дня своей кончины ее бессменным попечителем. В тот год в училище было принято 49 детей, с которыми работало только два преподавателя (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 114, 117; Д. 339. Л. 12). В 1872 году Т.С. Морозов открывает школу при Вауловской фабрике, а в 1887 году — при Городищенской. Эти школы принадлежали к разряду начальных двухклассных народных училищ с четырехлетним курсом обучения. Учащиеся распределялись по четырем отделениям: подготовительному, младшему, среднему и старшему. В каждом классе занималось не более 50 человек. В школу дети поступали с восьми лет. В 1873 году при Никольском училище были открыты воскресные классы по рисованию для всех желающих. В начальный период своей деятельности они пользовались большой популярностью, в иные годы на занятия приходило свыше 200 человек (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 114, 117; Д. 339. Л. 12).

За первые десять лет существования Никольского училища его попечители и педагоги добились серьезных успехов. В 1874–1875 учебном году его уже посещало 707 учеников, а штат преподавателей вырос до 12 учителей. Училище, с каждым годом набиравшее все больше и больше учеников, уже не могло ютиться в маленьком доме. Ясно понимая это, Т.С. Морозов не стал дожидаться накоплений на счету капитала благотворительных сумм, а поставил перед правлением вопрос о строительстве нового, более крупного здания для училища и выделил безвозмездно на эти цели первые 25 тыс. рублей [3: с. 191]. За строительство нового здания взялись московские зодчие, которыми руководил из-

¹ Морозов Тимофей Саввич (1823–1889) — русский купец и промышленник из старообрядческого рода купцов и промышленников, соучредитель Московского и Волжско-Камского банков, председатель Московской биржи (1868–1876), руководитель крупнейшей текстильной мануфактуры в дореволюционной России.

² Мальцов Сергей Иванович (1810–1893) — русский промышленник из рода Мальцовых, генерал-майор (1849), почетный член Общества содействия торговли и промышленности.

вестный в купеческой среде архитектор А.С. Каминский¹. Сам же Т.С. Морозов внимательно следил за возведением здания, отдавая вовремя нужные распоряжения. Зимой 1877 года начались занятия в новом училище, а уже через 10 лет 14 преподавателей разных дисциплин проводили уроки в 13 классах [3: с. 191].

Деятельность Т.С. Морозова в области народного просвещения очень контрастно смотрится на фоне деятельности других заводчиков. Весьма красноречивые цифры свидетельствуют, что в начале 1880-х годов во всей Владимирской губернии насчитывалось 282 фабрики и завода, из них только 27 устроили у себя начальные училища. При этом в 1881–1882 учебном году в них обучалось 3177 учеников, из которых 942 (30 %) посещали две морозовские школы — в Никольском и Ваулове. Эта статистика наглядно подтверждает значительность вклада Т.С. Морозова в дело образования рабочего населения (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 6. Д. 153. Л. 2).

В 1878 году по инициативе Т.С. Морозова, стремившегося повысить уровень технических знаний своих подмастерьев, было организовано обучение в ремесленных классах подростков, окончивших начальное училище. Программа занятий в этих классах была приспособлена к потребностям Никольской мануфактуры: черчение, рисование и ремесла. Ученики получали практические знания и навыки в слесарном, токарном, кузнечном, столярно-модельном, ткацком и переплетном деле. В общей сложности в начале 1880-х годов в учебных мастерских числилось 47 подростков. Ремесленные классы оснащались соответствующими станками, инструментами, машинами и другим оборудованием, которое приводилось в действие паровыми двигателями [3: с. 192].

Т.С. Морозов, считая образование одним из самых высоких нравственных ценностей, пытался разными средствами ликвидировать неграмотность среди взрослых рабочих. С 1881 года при содействии Владимирского братства Св. Александра Невского и Московской комиссии по устройству народных чтений проводились воскресные общеобразовательные лекции с так называемым волшебным фонарем и туманными картинками, на которые собиралось до 800 слушателей (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 114, 117; Д. 339. Л. 12). Преподаватели Никольского училища выступали с обзорными докладами по русской истории, географии, литературе, а также вели духовно-нравственные беседы. Каждый воскресный день читалось по две лекции, после которых слушатели смотрели диапозитивы. В антрактах перед рабочими выступал церковный хор. С 1885 года было организовано три отделения вечерних классов для взрослых: przygotowительное, младшее и среднее. Рабочим преподавали Закон Божий, русский язык, славянское чтение и арифметику. Вечерние классы посещало около ста человек, и, как правило, взрослые проходили полный курс обучения (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 114, 117; Д. 339. Л. 12).

¹ Каминский Александр Степанович — русский архитектор, с 1867 г. старший архитектор Московского купеческого общества, автор первого здания Третьяковской галереи, Третьяковского проезда, а также десятков частных и общественных зданий в Москве.

В своей социальной политике промышленник Т.С. Морозов не был одинок. В связи с этим заслуживает внимание благотворительная деятельность Сергея Ивановича Мальцова, который, как и Т.С. Морозов, уделял большое внимание мероприятиям, направленным на развитие образования своих рабочих и служащих.

Исследователи А.П. Субботин¹ [8] и В.И. Немирович-Данченко² [2] в своих трудах отмечали, что промышленник С.И. Мальцов ценил грамотного мастера, считая грамотность основой человеческого развития и стимулом к сознательному труду. На каждом крупном заводе С.И. Мальцова была открыта школа. В результате рабочие мальцовских заводов по уровню образования и культуре поведения выгодно отличались от основной массы соседних вотчинных хозяйств. В «Дятькове почти невозможно встретить неграмотного мужчину» [6: с. 23], — красноречивый факт реальной заботы С.И. Мальцова по просвещению своих рабочих и их детей на фоне тотальной неграмотности русского населения того времени.

Современник С.И. Мальцова публицист Л.А. Ухтомский³ свидетельствовал, что, например, в Людиновской школе обучалось 154 человека, которых учили «читать, писать, Закону Божьему и четырем правилам арифметики» [9: т. 3 кн. 12 с. 280].

Школа при Дятьковском заводе занимала два этажа большого трехэтажного здания. Обучение длилось три года и было приближено по программе к образцовому трехклассному училищу, рисование преподавали в объеме курса реального училища. Каждому классу отводилось обширное помещение, имелась отдельная комната для рисования и пения. С детьми занимались три учителя и одна учительница с помощницей, а также отдельно педагоги по пению, рисованию и Закону Божьему. Учителя получали от 20 до 30 руб. жалованья в месяц, некоторые — бесплатное питание и жилье, кроме того, два раза в год они получали подарки. При школе имелась довольно большая библиотека, в которой имелись даже сочинения промышленной и технической направленности. Библиотека выписывала также четыре педагогических журнала. В школе обучалось 260 мальчиков и 85 девочек (последние только из зажиточных семей: конторских служащих, приказчиков, старших мастеровых и т. д.) [6: с. 23–24].

В 1878 году при школах в Людинове и Дятькове были открыты воскресные рисовальные классы для взрослых рабочих и детей, не имеющих возмож-

¹ Субботин Андрей Павлович (1852–1906) — русский экономист, писатель на экономические темы, издатель «Экономического журнала» (1885–1894).

² Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) — русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немирович-Данченко.

³ Ухтомский Леонид Алексеевич (1829–1909) — русский морской офицер из рода Ухтомских, вице-адмирал, литератор.

ности из-за стесненных материальных условий посещать регулярные занятия в школе [7: с. 23].

На мальцовских заводах существовала и система профессионального образования. Так, в Людинове было основано техническое пятигодичное училище, прозванное местным университетом, где на 62 ученика приходилось семь учителей [1: с. 174]. В Дятьковском техническом училище дети фабричных рабочих на протяжении пяти лет помимо общих предметов углубленно изучали рисование и черчение, подготавливаясь к работе в стеколделии и металлообработке [4: с. 185]. Обучение было ориентировано на формирование профессионального мышления и навыков, благодаря чему достигалась практическая направленность получения знаний.

Уровень образованности работников был прямо связан с возможностью выполнения ими сложнейших технических задач. За предприятиями Сергея Ивановича Мальцова прочно закрепилось звание пионеров производства. Просвещение давало свои плоды, на всех участках сложного производства мальцовских заводов работали выпускники этого училища, занимая даже посты управляющих [7: с. 25].

Все школы и училища содержались на личные средства С.И. Мальцова. О его внимании к проблеме образования народа говорит тот факт, что даже в своем завещании он распорядился часть своего состояния направить на распространение грамотности и просвещения [10: с. 31].

С.И. Мальцов и Т.С. Морозов были предпринимателями новой формации и чувствовали свою силу не только в экономике. Они стремились воспроизвести определенную культурную среду, быт, образ жизни, соответствующие их внутренним устремлениям и душевным порывам. Преодолевая косность и невежество, они нашли отражение своего мировосприятия в образовательной политике, проводимой на своих заводах и ставшей частью их долговременной предпринимательской стратегии. С.И. Мальцов и Т.С. Морозов ценили грамотного мастерового, считая просвещение основой человеческого развития, кардинально меняющим облик рабочего человека и являющимся стимулом к созидательному труду. Будучи патриотами и передовыми промышленниками России, эти заводчики одними из первых в стране оценили колоссальные возможности грамотного и профессионально подготовленного работника, без которого невозможен качественный скачок в развитии не только их предприятий, но и всей промышленности Российской империи в целом.

Литература

1. Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М.: Терра, 1996. 319 с.
2. Немирович-Данченко В.И. Америка в России. М.: Русская Мысль, 1982. 448 с.
3. Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 384 с.

- 4 Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. М.: РОССПЭН, 1997. 344 с., ил.
5. Сводъ Законовъ Российской Имперіи. Т. XI. Ч. 2. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. С. 1206–1207.
6. Сергей Иванович Мальцов и Мальцовское промышленно-торговое общество. СПб., 1880. 42 с.
7. С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Историко-краеведческий очерк. Брянск: Грани, 1994. 101 с.
8. *Субботин А.П.* Мальцовский заводский район: История и настоящее экономическое положение. СПб.: Типография Северного Телеграфного Агентства, 1892. 96 с.
9. *Ухтомский К.Л.* Несколько дней на заводах г. Мальцова // Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом. СПб., 1857. Т. 3. № 12. 512 с.
10. *Хохлов В.Г., Нихуткина В.Г.* Духовное завещание С.И. Мальцова // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. II. Сборник материалов II и III историко-краеведческой конференций. Брянск: Грани, 1994. 141 с.

References

1. *Gavlin M.* Rossijskie Medichi. Portrety' predprinimatelej. M.: Terra, 1996. 319 s.
2. *Nemirovich-Danchenko V.I.* Amerika v Rossii. M.: Russkaya My'sl', 1982. 448 s.
3. *Potkina I.V.* Na Olimpe delovogo uspeha: Nikol'skaya manufaktura Morozovy'x, 1797–1917. M.: Izd-vo Glavarxiva Moskvy', 2004. 384 s.
4. Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii: ot istokov do nachala XX veka. M.: ROSSPE'N, 1997. 344 s., il.
5. Svod'' Zakonov'' Rossijskoj Imperii. T. XI. Ch. 2. SPb.: Russkoe Knizhnoe Tovarishhestvo «Deyatel'», 1912. S. 1206–1207.
6. Sergej Ivanovich Mal'czov i Mal'czovskoe promy'shlenno-torgovoe obshhestvo. SPb., 1880. 42 s.
7. S.I. Mal'czov i istoriya razvitiya Mal'czovskogo promy'shennogo rajona. Istoriko-kraevedcheskij ocherk. Bryansk: Grani, 1994. 101 s.
8. *Subbotin A.P.* Mal'czovskij zavodskij rajon: Istoriya i nastoyashhee e'konomicheskoe polozhenie. SPb.: Tipografiya Severnogo Telegrafnogo Agenstva, 1892. 96 s.
9. *Uxtomskij K.L.* Neskol'ko dnej na zavodax g. Mal'czova // Morskoj sbornik, izdavaemy'j morskim ucheny'm komitetom. SPb., 1857. T. 3. № 12. 512 s.
10. *Xoxlov V.G., Nixutkina V.G.* Duxovnoe zavesshhanie S.I. Mal'czova // S.I. Mal'czov i istoriya razvitiya Mal'czovskogo promy'shennogo rajona. Ch. II. Sbornik materialov II i III istoriko-kraevedcheskoj konferencij. Bryansk: Grani, 1994. 141 s.

S.E. Ageev

The Charitable Activity of Factory-Owners in the Field of Education in the Second Half of XIXth Century

The article discusses the activities of private charitable industrialists XIX century S.I. Maltsova and T.S. Morozov in educational factory workers and their children.

Keywords: private industrialists XIX century; breeders S.I. Maltsev and T.S. Morozov; charity private industrialists XIX century.

А.С. Черножуков

Московская городская дума и революционные события в Москве в 1905 году

В статье анализируется реакция Московской городской думы на революционные события 1905 года. Раскрывается роль Думы как мощного либерального органа, имеющего свою позицию по различным актуальным политическим вопросам.

Ключевые слова: Московская городская дума, либерализация, самоуправление.

Городское самоуправление в России возникло во времена правления Екатерины Великой. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» предусматривала создание в Москве и Петербурге Общей думы, избираемой жителями города, разделенными на шесть разрядов. Она формировалась как орган, состоящий из представителей от каждого разряда, поэтому и получила название Шестигласная. Начало работы Думы было положено 15 января 1786 года. В 1862 году по положению Александра Второго Московская Дума стала распорядительным органом, состоящим из 180 гласных, исполнительная власть принадлежала Городской Управе. Общеизвестно, что политическими делами местному самоуправлению заниматься было запрещено. Однако в начале XX века Россию сотрясли революционные события, Москва не осталась в стороне. Еще в 1901 году в городе развернулись выступления и демонстрации студентов и рабочих, тут и там возникали комитеты и отделения разных партий. В сентябре 1905 года Москва окончательно становится центром революционных событий, здесь начинается стачка, закрываются множество предприятий, в декабре начинается вооруженное восстание под руководством большевиков.

В этих условиях Дума не могла остаться в стороне. 22 февраля 1905 года собирается чрезвычайное заседание Думы под председательством Московского Городского Головы князя В.М. Голицына. На заседании обсуждается решение императора о предварительной разработке и обсуждении проектов народного представительства, депутаты решают послать в адрес императора письмо с выражением благодарности за такое решение. «Вы даруете народу Своему драгоценное право отныне присылать нарочито выбранных им излюбленных людей своих к Престолу Вашему для совместного с правительством Вашего императорского Величества высокого служения родине, ее лучшим заве-

там и идеалам» — говорится в послании (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 37). И хотя заседание выходит под грифом «с разрешения министра внутренних дел», это уже проявление либеральной политической позиции. В период революционных потрясений работа Городской Думы становится все интенсивнее, кажется, что решения повседневных проблем, рутинные заседания следуют одно за другим, но даже здесь видна позиция гласных. Например, положительно решается вопрос о повышении окладов для слесарей, маляров и столяров, отдаются распоряжения поручить отдельным службам и произвести необходимые улучшения в квартирах рабочих, на «обстоятельное исследование» выносятся вопросы «о понижении рабочего дня до 8 часов, о месячных окладах, об учреждении сберегательной кассы», причем определяются сроки — в течение лета (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 105). Жаркие споры вызывает в Думе предложение Московского градоначальника от 5 июня 1905 года обсудить на закрытом заседании доклад «Об основаниях организации народного представительства в России». Консервативно настроенные гласные предложили отложить рассмотрение доклада как выходящего за пределы компетенции органа местного самоуправления, начинается борьба консервативного и либерального представительства, однако большинством голосов было принято постановление отвергнуть отсрочку обсуждения (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 106). В результате было принято беспрецедентное решение рекомендовать сенату следующее: «Народное представительство должно быть организовано из двух отдельных палат, из коих первая должна состоять из представителей избранных всем населением Империи... а вторая из представителей, избранных органами местного самоуправления, преобразованными на демократических началах и распространенными на всю Российскую империю. Избирателем в первую палату может быть всякий русский подданный мужского пола, если он достиг 25-летнего возраста...» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 106–107). Думается, что подобные решения приводили к противостоянию не только с генерал-губернатором Москвы, но и вступали в противоречие со всей властной системой России того времени.

Активизация работы Московской городской думы происходит в условиях эскалации революционного движения в Москве в сентябре – октябре 1905 года. В обращении Городского Головы князя Голицына к гласным Думы, в частности, говорилось: «Ввиду тяжелых событий, которые приходится переживать городу в настоящее время, необходимо... просить гласных приезжать в Думу ежедневно для участия в заседаниях» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2 Д. 2905 Л. 160). При этом он заявил, что будет не против представителей печати и делегатов от служащих и рабочих на заседаниях. В этот период Дума всячески пытается стабилизировать ситуацию в городе, принимая решения, которые способствуют облегчению материального положения рабочих и слу-

жащих. Одним из острых в Москве оставался жилищный вопрос, и Дума принимает решение разработать план «постепенного устройства жилищ для рабочих в городских учреждениях, имея в виду нужды и семейных рабочих» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп 2. Д. 2905. Л. 161). Гласные выступили с инициативой уничтожить квартиры рабочих и низших служащих, находящиеся в помещениях и подвалах и не удовлетворяющие требованиям гигиены, условиям семейной жизни, а также лицам, не имеющим квартир, предоставить жилье от города. Предпринимаются попытки периодического прибавления заработной платы на всех городских предприятиях из бюджета города (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2 Д. 2905 Л. 161 об.). Дума принимает постановление «уполномочить Городскую Управу немедленно приводить в исполнение все решения... об улучшении быта» населения города (ЦХД до 1917 года. Ф. 179 Оп 2. Д. 2905. Л. 162). Понимая нужды рабочих и служащих, Дума одновременно отрешивается от радикалов, призывающих к изменению существующего строя. Она постановляет принять меры к учреждению милиции для стабилизации ситуации в Москве, охраны спокойствия и безопасности граждан. Предлагается также вести разъяснительную работу о правильных целях и задачах освободительного движения.

Поворотным событием в работе Думы становится отставка с поста городского головы князя В.М. Голицына. При Голицыне Городская дума вышла за пределы хозяйственных функций, став заметной силой в политической жизни всей страны. Свое решение Голицын мотивировал тем, что грозные события революции и отсутствие у него необходимых сил не позволяют ему больше руководить городом (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2 Д. 2905. Л. 163). Учитывая нарастающее стачечное движение, Дума принимает решение «пригласить на совещание общественных групп и организаций представителей Рабочего Правления и представителей Стаечной Комиссии на правах отдельной курии... и выслушать представителей стачечной комиссии, ввиду того, что именно эта Комиссия по-видимому руководит общей забастовкой, столь губительно отражающейся на жизни города» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 163 об.). Постановление было принято большинством голосов. С одной стороны, таким образом Дума проявила свою политическую позицию, с другой стороны, в результате подобных действий была создана Комиссия по урегулированию забастовки, которая смогла наладить работу коммунальных служб города и обеспечивать в Москве нормальные условия жизнедеятельности.

Революционные события продолжают развиваться по восходящей линии. Московская Дума пристально следит за событиями в России. Принимается постановление безусловно «осудить насилие и убийства, допускаемые некоторыми партиями как средства политической борьбы, находить, что мятеж, осуществленный в Севастополе некоторыми воинскими частями, является

тяжелым преступлением перед Родиной и Государем», но признать также и то, что эти люди, «охваченные общей смутой умов, господствующей в нашем отечестве, вовлечены подстрекателями на путь насилия и мятежа без ясного сознания своей тяжкой вины» (ЦХД до 1917 года. Ф 179 Оп. 2 Д. 2905. Л. 216). В этих условиях Дума принимает решение ходатайствовать о смягчении вины мятежников. Не революционеров поддерживали гласные, наоборот, они проявили четкую негативную позицию насильственной борьбе против самодержавия со стороны революционных партий, но, на их взгляд, простые рабочие и солдаты, одурманенные революционной пропагандой, были достойны помилования.

Тем временем Московский совет рабочих депутатов, комитет большевиков постановили начать в Москве с 7 декабря всеобщую стачку. Вскоре забастовка принимает политический характер: рабочие не выдвинули никаких экономических требований, они разоружали полицию. В разных районах города проходят манифестации. 8–9 декабря 1905 года на Садово-Кудринской, Садово-Сухаревской, Большой Никитинской и других улицах возникли баррикады. 11 декабря руководство движением переходит к районным советам и боевым штабам. Самым действенным оказался Пресненский совет. Именно на Пресне восставшие держались дольше всего и успешно противостояли силам правительства. Против пресненцев была применена артиллерия; оказались разрушены Прохоровская мануфактура, фабрики Шмидта и Мамонтова. 18 декабря восстание на Пресне было организованно прекращено. Обратимся к действиям Московской Городской Думы в этот драматический момент российской истории. Наиболее интересны отчеты заседаний от 13–16 декабря 1905 года.

На заседании 13 декабря под председательством нового городского головы Н.И. Гучкова гласные констатировали тот факт, что в городе началась политическая стачка и нет возможности найти компромисс с митингующими. (ЦХД до 1917 года. Ф 179. Оп. 2. Л. 216 об.) Было принято решение созвать чрезвычайное заседание по ситуации в городе, при этом планировалось смягчить противостояние путем экономических мероприятий: помощь беднейшему населению города, благотворительным учреждениям, поддержание должного санитарно-гигиенического состояния Москвы. Напряженная ситуация заставляет Думу в эти дни поддерживать правительство в его решимости подавлять революционные выступления. На заседании 14 декабря «председатель доложил о своих личных переговорах с Московским генерал-губернатором о положении дел в городе и по вопросам, возбужденным в заседании Думы 13 декабря. При этом было указано, что... артиллерийская стрельба будет производиться только в здания, где будет обнаружено сосредоточие революционеров...» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 224). 16 декабря Дума поддерживает решение правительства об увеличении численности городской

полицейской и введении в Москву Семеновского, Ладужского полков, Железнодорожного батальона, конной артиллерии и конных гренадеров. Либеральная оппозиция предложила «заявить Московскому генерал-губернатору, что при разрушении баррикад, подавлении беспорядков и несении караульной службы воинские и полицейские чины стреляют в мирных граждан и их жилища, причиняя населению города неисчислимые и неисправимые бедствия», но большинством голосов предложение было отвергнуто (ЦХД до 1917 года. Ф 179. Оп. 2. Д. 2905 Л. 225). Отвергнуто также было заявление о требованиях сурового и беспощадного подавления бунта. Дума заняла «центристскую» позицию, поддержав, с одной стороны, все мероприятия правительства по подавлению восстания, с другой стороны, она была готова к открытому диалогу с восставшими, работала, стараясь смягчить остроту социальных противоречий в городе.

Таким образом, проведя анализ архивных документов, можно с уверенностью сказать, что позиция Московской городской думы по политическим вопросам всегда оставалась активной. В Думе сложилась мощная либеральная группа гласных, способствующая принятию самых разных политических постановлений и решений, именно поэтому Дума в начале XX века становится не просто марионеткой в руках правительства, а органом власти, практические действия которого оказали заметное влияние на ситуацию в городе в условиях развития революционной ситуации.

При этом нельзя не отдать должного деятельности В.М. Голицына на посту городского головы. Именно в период его нахождения у власти Дума становится крупнейшим либеральным органом власти в России, к которому прислушиваются не только генерал-губернатор Москвы, но и правительство.

A.S. Chernozhukov

The Moscow City Duma and the Revolutionary Events in Moscow in 1905

The purpose of this paper is to show a significant role of the Moscow Duma in the revolutionary events of 1905. The article draws on archival documents confirming the position of the author.

Keywords: Moscow City Duma; liberalization; government.

Г.Г. Касаров

Меньшевики в начале Гражданской войны в России (апрель – май 1918 года)

В данной работе рассматривается политическая деятельность лидеров меньшевистской партии в условиях начавшейся Гражданской войны в советской России, их цели и задачи.

Ключевые слова: Россия; Гражданская война; политика меньшевиков.

Весной 1918 года политическая ситуация в Советской России была крайне противоречивой. Все антисоветские силы активно выступили против диктатуры пролетариата и Советской власти, развязав в отдельных районах страны Гражданскую войну. В антибольшевистской деятельности активное участие принимали лидеры меньшевистской партии.

В данной статье рассматривается политическая деятельность меньшевиков в условиях начавшейся Гражданской войны в России. Именно весной 1918 года контрреволюционные силы сумели воспользоваться недовольством народных масс для борьбы с Советским правительством, призвав в союзники немецкую интервенцию и страны Антанты. Не последнее место в этой борьбе занимали и лидеры меньшевистской партии. Задача данной статьи — всесторонне проанализировать стратегию и тактику борьбы меньшевиков против большевиков в первые два месяца Гражданской войны в России.

Необходимо отметить, что истории меньшевистской партии в отечественной историографии был посвящен значительный ряд научных трудов. Среди них выделяются монографии Л.М. Спирина, С.А. Павлюченко, Е.В. Тищенко, С.В. Тютюкина, книга «Непролетарские партии России: Урок истории», в которых раскрываются отдельные аспекты деятельности меньшевиков в рассматриваемый период. В конце 1990-х годов были опубликованы сборники документов, посвященные деятельности меньшевиков в 1918 году.

В конце апреля в нарушение Брестского мира войска Германии вторглись на территорию Области Войска Донского, 27 апреля захватили Таганрог. Пять дней отряды Красной Армии защищали Ростов. 8 мая город пал [19: с. 149].

Движение по дороге, соединяющей Северный Кавказ и Центральную Россию, по которой доставляли хлеб из Ставрополя, оказалось парализованным.

Под прикрытием немецких войск в казачьих районах Дона начала формироваться армия П.А. Краснова, в южных районах Донской области сосредоточилась Добровольческая армия А.И. Деникина [19: с. 150].

В конце мая вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, охвативший огромную территорию от Пензы и Сызрани до Тихого океана. С лета 1918 года Гражданская война принимает затяжной характер, появляются военные фронты, бои ведут регулярные армии. Положение осложняется вмешательством в Гражданскую войну иностранных государств, появлением вооруженных сил стран Антанты, особенно в конце 1918 года. Без их помощи белогвардейские армии не смогли бы довольно долго оказывать упорного сопротивления Красной Армии [15: с. 53].

Гражданская война расколола российское общество на два противоборствующих лагеря. Голод, начавшийся весной 1918 года в Центральной России, заставил Советское правительство принять ряд декретов, провозгласивших продовольственную диктатуру. Центр военно-политической борьбы переместился из города в деревню. Доводы «левых коммунистов», представителей партии меньшевиков и эсеров, доказывавших малую эффективность продовольственной диктатуры, не убедили В.И. Ленина и его коллег. По их мнению, отказ от нее означал бы немедленное крушение социализма [12: с. 66].

Провозглашенный В.И. Лениным лозунг учета и контроля встретил на местах упорное сопротивление, в том числе и в тех Советах, где власть находилась в руках большевиков. Вооруженный поход продовольственных отрядов в деревни обострил противоречия между центральной властью и губернскими Советами, между рабочим классом и крестьянством. В течение марта – мая 1918 года Советы Астраханской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Тамбовской, Вятской и других губерний приняли решения об отмене твердых цен и восстановили свободную торговлю [12: с. 66]. Большевики губерний Среднего и Нижнего Поволжья понимали, что если не предоставить крестьянам права свободной торговли, то в данных районах непременно начнутся антисоветские мятежи. Совет Народных Комиссаров и ВЦИК не согласились с продовольственной политикой, проводимой Советами Поволжских губерний. 13 мая СНК и ВЦИК приняли декреты о введении продовольственной диктатуры, 27 мая — о реорганизации Народного Комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов. Декрет от 27 мая устанавливал подчинение всех губернских и уездных продовольственных органов не местным Советам, а Наркомату продовольствия. Центральная власть сосредотачивала в своих руках управление продовольственными ресурсами в России.

В условиях Гражданской войны, охватившей большую территорию России, продовольственный вопрос стал одним из самых главных в политике Советского правительства. 11 июня 1918 года ВЦИК принял декрет о повсемест-

ном создании комитетов деревенской бедноты, общее руководство которыми полностью возлагалось на Наркомпрод и ВЦИК. В задачу комбедов входило: «1) Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий. 2) Оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев» [20]. Созданием комитетов бедноты Советское правительство предприняло попытку расколоть крестьянство и, опираясь на его беднейшую часть, победить в Гражданской войне.

Продовольственная политика Совнаркома вызвала негативную реакцию не только российского крестьянства, но и части рабочих, лидеров партий эсеров и меньшевиков. Недовольные политикой Советской власти, они поддержали выступление чехословацкого корпуса. В Поволжье и на Урале рабочие вливались в состав контрреволюционных сил под лозунгом борьбы за Учредительное собрание. Об их контрреволюционной политике сообщал в Центральный Комитет партии Н.И. Подвойский: «Этот лозунг пользуется здесь огромной популярностью. Нигде за все время революции ни один лозунг не охватил так глубоко массы, как это имеет место в областях, являющихся ареной чехословацкой трагедии. Даже рабочие, сохранившие свой заработок, попадают под его влияние, не говоря уже о безработных, железнодорожниках и крестьянах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 4. Л. 13).

Усиление противостояния в Гражданской войне, массовое недовольство рабочих и крестьян политикой большевистской партии весной и летом 1918 года привели к кризису Советской власти. Усилилась ее критика политическими противниками.

Уже в апреле 1918 года на пленуме Московского областного комитета РСДРП были приняты тезисы, предложенные меньшевиком И.А. Исувом. В тезисах говорилось, что, «чуждая с самого начала истинно пролетарского характера, политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер. Под флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов, под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьмичасового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тейлора». В тезисах И.А. Исуба указывалось, что такая политика большевиков лишит пролетариат основных экономических завоеваний и сделает его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии. И.А. Исуб обвинил Советскую власть в «неспособности исполнить данные ею обещания», в неумении «справиться с хозяйственной разрухой» [2; 6: с. 360–362].

Резкой критике подверг декрет о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов на заседании ВЦИК 27 мая 1918 года один из лидеров меньшевистской партии Р.А. Абрамович. Он оценил его как банкротство

идеи Советов. Обращаясь к большевикам, Р.А. Абрамович сказал, что Советской власти «приходится возвращаться к старой, испытанной бюрократизации, вам приходится передавать всю страну в руки центральной бюрократии, т. е., другими словами, вы доказываете этим новым проектом только то, что Россия сейчас не способна управляться методом обыкновенной человеческой демократии и что, следовательно, она и может управляться только как встарь, бюрократическим аппаратом» [16: с. 250]. Абрамович не учел того факта, что в России идет Гражданская война.

В конце весны – начале лета 1918 года перед Советской властью стояли задачи неимоверной трудности — мобилизовать все силы на разгром внутренней контрреволюции и интервентов. В этих условиях усилилось колебание в рядах меньшевистской партии. «Третий путь», провозглашенный меньшевиками, вел их в никуда. Гражданская война поставила вопрос четко и ясно: либо в лагерь белых, либо — красных. На территории, оккупированной немецкими войсками, свирепствовал террор карательных отрядов или созданных под прикрытием немцев «местных» правительств. Там же, где устанавливалась власть контрреволюционных сил, начались массовые расстрелы рабочих и крестьян, сочувствовавших Советской власти.

Оценивая сложившуюся обстановку, ЦК партии меньшевиков 12 апреля 1918 года принял резолюцию, в которой говорилось, что германский империализм «не прекратил военных действий на территории России», «продолжает расширять сферу своей оккупации; он заставляет народы России участвовать во всемирной войне в роли поставщика сырья для германского империализма, он с логической необходимостью уже привел к новым осложнениям на Дальнем Востоке, на Кавказе и на Крайнем Севере, к угрозе новых разделов России и создает для империалистов всего мира соблазн закончить войну всеобщим соглашением за счет нашей страны» [6: с. 356].

Не признав Брестского мира, ЦК меньшевиков рекомендовал партийным организациям на оккупированной территории действовать по обстоятельствам. Во-первых, меньшевики исходили из особенностей этих регионов. Во-вторых, местные партийные организации должны были требовать в пределах каждой части расчлененной России распространения на граждан тех политических и гражданских прав, которыми пользуются местные жители, в том числе в области рабочего и аграрного законодательства [13: с. 12].

Меньшевики отвергли партизанскую войну против немецких войск, занявших Украину, значительную территорию Белоруссии и Крыма. Лидеры меньшевизма считали, что подобная борьба не имеет никаких шансов на успех. Созданные для этой цели отряды будут малочисленными и не выдержат столкновений с регулярными частями [13: с. 13]. Об этом свидетельствовали многочисленные жертвы в Николаеве, где оккупанты расстреляли восставших рабочих [13: с. 12], об этом говорили события в Екатеринославле,

где меньшевики, находившиеся в городской управе, высказались о подготовке к свержению гетманской власти, в Юзовке, где были арестованы члены городской думы за аналогичную резолюцию. Многие меньшевики были арестованы немецкими властями и заключены в концентрационные лагеря [13: с. 13].

Активную антисоветскую агитацию вели самарские меньшевики. 1 мая 1918 года они вышли на демонстрацию с лозунгом «Власть Учредительному собранию!». В ответ городской исполнительный комитет Самарского Совета закрыл меньшевистскую газету «За свободу». 11 мая в пределы Самарской губернии ворвались казаки атамана Дутова. В городе был сформирован штаб для борьбы с казаками. Меньшевики и интернационалисты уклонились от работы в нем [24: с. 219–221].

Весной 1918 года меньшевики активизировали борьбу против Советов как органов власти. Они настаивали на том, чтобы строить систему власти, опираясь на органы демократического самоуправления. По этому поводу Ю.О. Мартов писал, что власть Советов «превратилась в безответственную, бесконтрольную, несправедливую, тираническую и дорогостоящую власть комиссаров, комитетов, штабов» [10: с. 9]. Весной 1918 года меньшевики усилили борьбу за созыв «собраний уполномоченных от фабрик и заводов», рассчитывая с их помощью создать оппозицию из рабочих Советскому правительству. Такие собрания возникли в Петрограде, Москве, Туле, Харькове, Екатеринославле, Самаре и в некоторых других городах [7: с. 160].

Наиболее упорную борьбу с большевиками вела Тульская меньшевистская организация, пользовавшаяся среди рабочих большим влиянием. Их организация располагала опытными политическими работниками, насчитывала 2330 человек, в то время как большевиков было 1550 [8]. Используя свое численное преимущество и поддержку рабочих Патронного завода, в начале марта 1918 года меньшевики и примкнувшие к ним эсеры созвали Тульскую рабочую конференцию, образовали комитет и исполком, предприняв попытку превратить их в органы власти, противостоящие губисполкому и Тульскому Совету рабочих и солдатских депутатов. 21 марта ВЧК предупредил Тульский Совет о контрреволюционном заговоре. В апреле в Тулу были направлены отряды пехоты и кавалерии, артиллерийский дивизион, бронеотряд, бронепоезд и другие специальные части. 19 апреля за контрреволюционную агитацию ВЧК закрыло меньшевистскую газету «Новый народный голос» [17: с. 174–175]. Попытка меньшевиков на общем собрании рабочих Патронного завода организовать «Самостоятельный Совет рабочих депутатов» [25: с. 89], провести через него решение о созыве Учредительного собрания и восстановлении органов местного самоуправления [8] не увенчалась успехом. Тульский губисполком направил во все советские и партийные организации письмо о борьбе с меньшевиками. Было предложено их арестовать и передать суду как сеющих смуту клеветников [25: с. 13]. В городе и губернии были произведены массовые аресты мень-

шевики. На Второй губернский съезд Советов, проходивший 13–14 апреля 1918 года, было избрано всего 2 меньшевика [8].

Активную политическую работу вели брянские меньшевики. Они возглавляли Совет, подготовили «беспартийную рабочую конференцию» и сделали попытку создать автономный «Совет крестьянских депутатов» [18: с. 41]. Аналогичная картина наблюдалась в Саратове. Здесь на очередных выборах в Саратовский Совет рабочих и красноармейских депутатов меньшевики провели 116 человек. На первом пленарном заседании большевики сделали все, чтобы не допустить меньшевиков в исполком Саратовского Совета [26: с. 260, 262]. Однако они не сдались. Развернув агитацию на промышленных предприятиях города и в воинских частях, меньшевики и эсеры организовали в мае 1918 года мятеж, который был быстро подавлен [3: с. 26–27]. За участие в мятеже 15 членов Саратовского меньшевистского комитета были привлечены к суду [26: с. 387].

Большую агитационную работу вела среди рабочих и железнодорожников Ярославская меньшевистская организация. Меньшевики добились переизбрания местного Совета, провели резолюцию в поддержку требований «Петроградского собрания уполномоченных» [1: с. 31]. В апреле они организовали политическую стачку, в которой приняли участие железнодорожники, трамвайщики, печатники и рабочие некоторых мелких предприятий. Во время перевыборов в Совет из 162 мест меньшевики получили 26. На первом же пленарном заседании они потребовали утвердить ряд мандатов меньшевиков, избранных от предприятий, где за них проголосовало большинство избирателей. Совет отклонил это требование. В знак протеста меньшевики и правые эсеры покинули заседание [4: с. 14]. Меньшевики усилили работу среди местных рабочих, стремясь организовать «движение уполномоченных».

Крупных успехов в борьбе с большевиками добились костромские меньшевики. На выборах в городской Совет 21–25 апреля 1918 года им вместе с эсерами удалось получить большинство мест. В исполком Совета меньшевики войти отказались. 23 мая 1918 года они организовали забастовку рабочих и массовую демонстрацию под лозунгом «Долой Советскую власть и хлебную монополию!». Исполком Совета запретил проводить в городе собрания, ввел военное положение и предложил ЧК провести расследование, чтобы привлечь к ответственности виновных в организации стачек [11: с. 160].

Активную политическую деятельность в апреле – мае 1918 года вели меньшевистские организации Урала. Так, во время выборов в Златоустовский Совет меньшевики и правые эсеры получили 16 мандатов, в то время как большевики всего 2. Новый состав восстановил земскую управу и городскую думу, передав им власть. В ответ Екатеринбургский губернский Совет распустил Златоустовский Совет [21: с. 307–308].

Аналогичная картина наблюдалась в Ижевске. Большинство голосов Ижевский Совет, который возглавляли меньшевики и эсеры, потребовал

передать всю власть Учредительному собранию, разорвать Брестский мир, восстановить земские управы и городские думы. По требованию большевиков состоялись перевыборы Совета. Однако большинство мест в нем вновь получили меньшевики и эсеры [23: с. 130].

Таким образом, накануне мятежа чехословацкого корпуса в местных Советах шла упорная идейная и политическая борьба между большевиками и меньшевиками за влияние на рабочий класс, крестьянство, солдат. На собраниях, в Советах, профсоюзах меньшевики прилагали огромные усилия, чтобы дискредитировать Советскую власть, сорвать создание Красной Армии, не останавливались перед клеветой и призывали к вооруженным восстаниям. На состоявшемся в конце мая 1918 года Всероссийском партийном совещании меньшевиков в Москве М.И. Либер выдвинул стратегический лозунг «Мимо Советов!». В журнале «Новая заря» 10 июня 1918 года была опубликована директивная статья «Под знаком голода и народных восстаний». В ней лидеры меньшевизма сформулировали очередную задачу: «Мы не должны забывать, что мы вступили в полосу народных восстаний, неудержимо развивающихся. Назад мы ничего не повернем, то, что движется, мы должны организовать. Наша задача — создавать свободную арену для организации движения, порывая с погибающими Советами и обеспечивая стихии организованной и политически плодотворной выход на демократические позиции» [6: с. 482–483].

25 мая 1918 года восстал чехословацкий корпус. Восставшие заняли железнодорожные станции в Мариинске и Новониколаевске. 26 мая захватили Челябинск, 28 мая — Пензу, 4 июня — Томск, 7 июня — Омск, 8 июня — Самару. Чехословаки установили контроль над всей Транссибирской магистралью. Советская власть почти везде была свергнута [14: с. 306–307; 22: с. 229–232].

8 июня 1918 года в Самаре было объявлено, что власть переходит в руки членов Учредительного собрания из пяти человек: В.К. Вольского, И.М. Брушвита, П.Д. Климушкина, И.П. Нестерова и Б.К. Фортунатова. Все они были членами партии правых эсеров. Председателем Комуча был В.К. Вольский. К августу 1918 года в Самару прибыли многие члены Учредительного собрания. В августе их было в Комуче 29 человек, в сентябре — 70, в том числе лидер партии эсеров В.М. Чернов [22: с. 253–254].

ЦК партии меньшевиков воздержался от поддержки «самарской авантюры». Одновременно ЦК меньшевиков разрешил в конкретных случаях отдельным членам партии и целым организациям действовать по своему усмотрению [5: с. 327].

В начале июня 1918 года меньшевики были в достаточном количестве представлены в Советах России. Они находились примерно в ста уездных Советах [22: с. 174], во многих губернских и в столице. Общее количество их сокращалось. Многие были арестованы, некоторые выходили из состава Советов из-за невозможности в них работать.

Создание членами партии правых эсеров Комуча, начавшего военные действия против Советской власти, неопределенная политика меньшевиков заставили большевиков принять решительные меры. 14 июня 1918 года постановлением ВЦИК представители партии правых эсеров и меньшевиков были исключены из Советов всех уровней. Их обвинили в стремлении свергнуть Советскую власть. В резолюции ВЦИК утверждалось, что «присутствие в советских организациях представителей партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым» [20].

15 июня ЦК меньшевиков принял резолюцию, в которой резко протестовал против постановления ВЦИК об их исключении из Советов. Меньшевицкий ЦК призвал членов партии организовать борьбу за срыв этого решения. Если же меньшевики-депутаты будут исключены из Советов, то им предлагалось «вести агитацию на всех фабриках и заводах за отзыв из Советов всех официальных представителей, какого бы направления они ни были». Одновременно ЦК предложил меньшевикам развернуть широкую кампанию за подготовку «всероссийского рабочего съезда» [6: с. 548; 9].

Исключение из Советов всех уровней членов меньшевистской партии создало двойственное ее положение, завершился целый этап деятельности партии как относительно терпимой оппозиции. В условиях усиления Гражданской войны, создания кольца фронтов вокруг Центральной России, массовых мятежей и восстаний Советское правительство стало принимать самые жесткие меры, чтобы сохранить власть в своих руках.

В рядах меньшевистской партии под влиянием обострения Гражданской войны, общего международного положения усилился процесс поляризации партийных сил. Значительная часть меньшевиков стала леветь. Летом 1918 года ЦК меньшевиков констатировал, что военно-технические и материальные средства для свержения большевиков сосредотачиваются в руках либо элементов недемократических, а то и открыто контрреволюционных, либо в руках международного империализма, от которого Россия попадет в зависимость. При таком положении дел передовые рабочие не могли взять на себя инициативу по насильственному свержению большевистской власти. Меньшевики не считали возможным поставить непосредственной задачей рабочего класса в тот момент организацию восстаний для свержения большевистской власти [23: с. 66].

Таким образом, меньшевики не сумели определиться в своем отношении к большевистской власти, а также четко сформулировать собственную политическую линию, их пугали набиравшая обороты Гражданская война и иностранная интервенция. В результате такой нерешительности меньшевики утратили сколько-нибудь значительное влияние в среде пролетариата России.

Литература

1. Бухарин Л.А. Борьба ярославской организации большевиков с меньшевиками за укрепление диктатуры пролетариата и единство рабочего класса (октябрь 1917 – 1918 гг.) // Ученые записки Калининского государственного университета. Вып. 99. Калинин, 1971. С. 18–48.
2. Вперед. 1918. 25 апреля.
3. Губчека. Сборник документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1980. 267 с.
4. Р. Июльские дни 1918 г. в Ярославле // Из истории Ярославского белогвардейского мятежа (6–22 июля 1918 г.). Сборник второй. Ярославль: Изд-во Ярославского губкома РКП, 1922. С. 10–18.
5. История Политических партий России. М.: Высшая школа, 1994. 447 с.
6. Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1918 году. М.: РОССПЭН, 1999. 799 с.
7. Меньшевики / Ред. Ю.Г. Фельштинский. Вenson: Изд. Чалидзе, 1988. 209 с.
8. Новый народный голос. Тула, 1918. 7 марта; 1918. 14 апреля.
9. Новый луч. 1918. 18 июня.
10. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч. I: Политические партии России. Гомель: Б / изд-ва, 1993. 181 с.
11. Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1976. 404 с.
12. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: РКТ-История, 1997. 270 с.
13. Партия меньшевиков после Октябрьской революции. Одесса, 1920. 47 с.
14. *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 1994. 584 с.
15. Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 40–54.
16. Протоколы заседания Всероссийского Центрального Исполнительного комитета 4-го созыва. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1920. 442 с.
17. Путь борьбы и побед. Хроника Тульской организации КПСС. 1883–1978: в 2-х кн. Кн. 1: 1883–1937. Тула: Приокское кн. изд-во, 1978. 372 с.
18. Панков Гр. Игнат Фокин и Брянская партийная организация // Сборник памяти товарища Игната Фокина. Брянск, 1922. С. 39–42.
19. Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е годы XIX в. – 1987 г.). Ростов-н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1988. 509 с.
20. Собрание узаконений. 1918. № 43. Ст. 524; № 44. Ст. 56.
21. Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: AN SSSR, 1967. 419 с.
22. Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М.: Мысль, 1967. 438 с.
23. Тищенко Е.Г. Меньшевики в 1917–1921 годах. М.: МАДИ(ТУ), 1996. 206 с.
24. Троицкий В.В. Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции. Ч. I: От империалистической войны до чехословаковщины. 1914–1918 гг. Самара: Губком ВКП(б), 1927. 240 с.

25. Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Сборник документов и материалов. Тула: Книжное изд-во, 1961. 439 с.
26. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917–1918 гг. Саратов: Приволжское изд-во, 1968. 419 с.

References

1. *Buxarin L.A.* Bor'ba yaroslavskoj organizacii bol'shevikov s men'shevikami za ukreplenie diktatury' proletariata i edinstvo rabocheho klassa (oktyabr' 1917–1918 gg.) // *Ucheny'e zapiski Kalininskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vy'p. 99. Kalinin, 1971. S. 18–48.
2. Vpered. 1918. 25 aprelya.
3. Gubcheka. Sbornik dokumentov i materialov iz istorii Saratovskoj gubernskoj chrezvy'chajnoj komissii (1917–1921 gg.). Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1980. 267 s.
4. *R.* Iyul'skie dni 1918 g. v Yaroslavle // *Iz istorii Yaroslavskogo belogvardejskogo myatezha (6–22 iyulya 1918 g.)*. Sbornik vtoroj. Yaroslavl': Izd-vo Yaroslavskogo gubkoma RKP, 1922. S. 10–18.
5. *Istoriya Politicheskix partij Rossii*. M.: Vy'sshaya shkola, 1994. 447 s.
6. *Men'sheviki v bol'shevistskoj Rossii. 1918–1924 // Men'sheviki v 1918 godu*. M.: ROSSPE'N, 1999. 799 s.
7. *Men'sheviki / Red. Yu.G. Fel'shtinskij*. Benson: Izd. Chalidze, 1988. 209 s.
8. *Novy'j narodny'j golos*. Tula, 1918. 7 marta; 1918. 14 aprelya.
9. *Novy'j luch*. 1918. 18 iyunya.
10. *Oktyabr' 1917 i sud'by' politicheskoy oppozicii*. Ch. I: *Politicheskie partii Rossii*. Gomel': B / izd-va, 1993. 181 s.
11. *Ocherki istorii Kostromskoj organizacii KPSS*. Yaroslavl': Verxne-Volzhskoe izd-vo, 1976. 404 s.
12. *Pavlyuchenkov S.A.* Voenny'j kommunizm v Rossii: vlast' i massy'. M.: RKT-Istoriya, 1997. 270 s.
13. *Partiya men'shevikov posle Oktyabr'skoj revolyucii*. Odessa, 1920. 47 s.
14. *Pajps R.* Russkaya revolyuciya. Ch. 2. M.: ROSSPE'N, 1994. 584 s.
15. *Polyakov Yu.A.* Grazhdanskaya vojna: nachalo i e'skalaciya // *Grazhdanskaya vojna v Rossii: perekrestok mnenij*. M.: Nauka, 1994. S. 40–54.
16. *Protokoly' zasedaniya Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo komiteta 4-go sozy'va*. Stenograficheskij otchet. M.: Gosizdat, 1920. 442 s.
17. *Put' bor'by' i pobeid*. Xronika Tul'skoj organizacii KPSS. 1883–1978: v 2-x kn. Kn. 1: 1883–1937. Tula: Priokskoe kn. izd-vo, 1978. 372 s.
18. *Pankov Gr.* Ignat Fokin i Bryanskaya partijnaya organizaciya // *Sbornik pamyati tovarishha Ignata Fokina*. Bryansk, 1922. S. 39–42.
19. *Skvoz' vetry' veka*. Ocherki istorii Rostovskoj oblastnoj organizacii KPSS (80-e gody' XIX v. – 1987 g.). Rostov-n/D.: Rostovskoe knizhnoe izd-vo, 1988. 509 s.
20. *Sobranie zakononij*. 1918. № 43. St. 524; № 44. St. 56.
21. *Sovety' v pervy'j god proletarskoj diktatury'*. Oktyabr' 1917 – noyabr' 1918. M.: AN SSSR, 1967. 419 s.
22. *Spirin L.M.* Klassy' i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii. M.: My'sl', 1967. 438 s.
23. *Tishhenko E.G.* Men'sheviki v 1917–1921 godax. M.: MADI(TU), 1996. 06 s.

24. *Troickij V.V.* Samarskaya organizaciya VKP(b) v gody' vojny' i Oktyabr'skoj revolyucii. Ch. I: Ot imperialisticheskoy vojny' do chexoslovakovshhiny'. 1914–1918 gg. Samara: Gubkom VKP(b), 1927. 240 s.

25. Uprochenie Sovetskoj vlasti v Tul'skoj gubernii. Sbornik dokumentov i materialov. Tula: Knizhnoe izd-vo, 1961. 439 s.

26. Xronika revolyucionny'x soby'tij v Saratovskom Povolzh'e. 1917–1918 gg. Saratov: Privolzhskoe izd-vo, 1968. 419 s.

G.G. Kasarov

**Mensheviks in the Beginning of the Civil War
in Russia (April – May 1918 g.)**

This paper considers the political activities of the leaders of the Menshevik party in the civil war in Soviet Russia, their goals and objectives.

Keywords: Russia; Civil War; the policy of the Mensheviks.

М.А. Бравина

Борьба с пьянством и алкоголизмом в средневожской провинции в условиях Революции и Гражданской войны

В статье рассматривается проблема роста деструктивного поведения населения в условиях Революции и Гражданской войны, одним из факторов которого стала массовая алкоголизация общества. Анализируется специфика пьянства в провинции, выявляются меры власти по борьбе с этим негативным явлением.

Ключевые слова: пьянство; алкоголизм; деструктивное поведение; «сухой закон».

Революционные потрясения и начало Гражданской войны оказали значительное влияние на весь психологический настрой человеческой личности, на систему морально-этических норм россиян, их нравственные представления и установки сознания. Происходит трансформация повседневности, ставшая частью системного кризиса российского общества. «Любой действительно крупный общественный катаклизм, как правило, приводит к духовному кризису, душевному смятению, кардинальной ломке идеалов, смене морально-этических ценностей» [10: с. 113]. Изменения морально-нравственных ценностей определялись характером и масштабами системного кризиса, потрясшего все российское общество, разрушительными явлениями, наблюдавшимися во всех сферах человеческого существования в годы революции и Гражданской войны. Все это в значительной степени представляло собой последствия постепенной эволюции морально-нравственных представлений россиян с конца XIX – начала XX века. Как отмечал В.В. Шульгин, «в этом царстве XX века, неозверинном, люди опять ощущают справедливость старинной поговорки “Человек человеку волк”» [14: с. 56].

Политические, социальные причины имели определяющий характер в процессе изменения морально-нравственных ориентиров российского общества. Они же во многом стали определять повседневную человеческую жизнь, поведение индивида в окружающем его мире.

Началом процесса видоизменения морально-нравственных норм, нравов и этических характеристик российского общества стала масштабная дезориентация сознания, произошедшая вслед за революционными переменами 1917 года. Уже с Февраля сознание россиян утратило четкие морально-нравственные ориентиры. Бесконечная проповедь вражды, злобствование,

открытое, поначалу неуверенное, а затем всё более решительное поправление общечеловеческой морали. Все это, как сильнодействующий наркотик, приглушало разум и совесть. Вместе с разрушением привычного, знакомого мира и его системы ценностей стали размываться и трансформироваться моральные установки личности. Рухнула складывавшаяся веками система базовых ценностей, в этих обстоятельствах возник глубочайший ценностный вакуум, который стал заполняться теми представлениями морально-нравственного порядка, появление которых обуславливалось кризисной действительностью. А.И. Деникин отмечал в своих воспоминаниях: «Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и к родине, и к революции, и к интернационалу и не собиралась ни за одну из этих ценностей проливать свою кровь и жертвовать своей жизнью. Толпа шла за реальными обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинктам» [4: с. 128].

Большое значение в этом процессе имели социокультурные обстоятельства, сопутствующие Первой мировой войне, а затем наступивший революционный хаос, потрясший сами основы российской государственности. За годы мировой войны российское общество свыклось с насилием, оно стало частью повседневной жизни многочисленных участников военных действий. Как справедливо отмечает Е.С. Сенявская, «жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянных факторов...» [9: с. 16]. Мировая война с ее практикой повседневного уничтожения сотен тысяч людей, выработавшейся привычкой к малоценности индивидуальной человеческой жизни, весьма специфическими представлениями о морали и нравственности обусловила и во многом задавала направление трансформации морально-нравственных представлений россиян в последующие годы. Особенно ярко эти изменения проявились во время революционных потрясений в России и в последующий за ними период Гражданской войны. Как отмечал в своих воспоминаниях С. Е. Трубецкой, «нельзя не признать, что это была эпоха морального разложения» [12: с. 206].

Одним из крайне негативных проявлений общественной жизни является пьянство. В порядке предварительного суждения следует подчеркнуть, что в данной статье проблему пьянства и алкоголизма мы будем рассматривать в основном с точки зрения поведенческой модели. С одной стороны, подобное асоциальное поведение является одним из факторов глубокого социокультурного кризиса, вылившегося в революционные потрясения 1917 года, результатом которых и стали в конечном итоге социально-политические изменения. С другой стороны, сами социальные изменения, особенно носящие длительный характер, порождают стресс, радикальной и неадекватной реакцией на который становится тяжелая алкоголизация. Кроме этого, необходимо отметить, что существует и имеет огромное значение историко-культурный аспект изучения таких форм девиантного поведения, как пьянство и алкоголизм. Строго говоря, теперь уже вполне можно утверждать, что формирование обычаев и

традиций потребления алкоголя, ценностных ориентаций и морали, связанных с этим потреблением, является одним из основополагающих этнических признаков. Под влиянием самых разнообразных условий (природно-климатических, экономических, этнокультурных, религиозных и др.) складывается определенная культура употребления спиртного, различная не только у различных народов, но также и внутри одного этноса. Различные социальные группы дают различные поведенческие реакции, связанные с потреблением алкогольных напитков. Всё это в итоге становится своеобразной социальной нормой.

В российском ментальном типе на протяжении многих веков присутствовало как негативное отношение к пьянству, сочетающееся со снисходительным, покровительственным взглядом на него, так и настороженное отношение к абсолютной трезвости, позитивная оценка умеренно пьющих. Политика Российского государства также носила противоречивый характер: с одной стороны, оно было заинтересовано в изготовлении и продаже алкоголя как важном источнике пополнения государственного бюджета, тем самым вольно или невольно способствуя алкоголизации населения. С другой стороны, алкоголизация населения на определенном этапе начинает угрожать самому государству.

Ко времени победы Советской власти бытовая культура, повседневная жизнь населения и Европейской, и Азиатской частей России имела длительную и весьма устойчивую традицию употребления алкоголя. К внешним факторам влияния относятся, прежде всего, большое количество православных праздников в календаре и использование алкоголя как средства оплаты наемного труда. Немалую роль в качестве внутреннего фактора играла элементарная привычка.

Уровень алкоголизации населения, несмотря на различные колебания, оставался достаточно высоким. Душевое потребление хлебного вина (водки) в пореформенной России колебалось весьма существенно: в середине XIX века составляло ~15 литров, но к началу XX века сократилось почти вдвое. Продажа алкогольных напитков в натуральном выражении на душу населения в 1913 году составила 3 литра, доля крепких напитков в ней составляла 90,8 % [1]. В связи с начавшейся Первой мировой войной 2 августа 1914 года правительство впервые в истории России пошло на беспрецедентный шаг — прекратило производство горячительных напитков, направив этиловый спирт на нужды фронта, т. е. в России вводился «сухой закон», не распространявшийся на Финляндию и царство Польское. Однако введенный «сухой закон» особо не соблюдался. Во время всеобщей мобилизации в августе – сентябре 1914 года страну охватил пьяный разгул. Особенно печальными оказались события в Барнауле, где многотысячная толпа резервистов штурмом взяла винный склад, а затем в течение целого дня громила город. При усмирении беспорядков погибло более ста человек. Пьяные

погромы повторились (но в меньших масштабах) во время новых воинских призывов в 1915–1916 годах — в Волхове, Михайлове, Гомеле и др. Летом 1917 года волна погромов в очередной раз прошла не только по столице, но и прокатилась по провинциальным городам. 6–7 июля в Липецке солдаты-резервисты разгромили ликерный завод, причем трое от переизбытка поглощенного спирта скончались. 8 июля в Новочеркасске войска отбили один штурм нападавших на винные склады, но второй отразить не смогли. Мало того, в начавшееся повальное пьянство включились в итоге даже солдаты, посланные для наведения порядка. В начале сентября в Карсунском уезде Симбирской губернии на станции Глотовка было похищено 260 ведер спирта. Участие в этом принимали местные жители, объединяясь в банды и действуя групповыми методами. Употребление же спиртного вообще принимало огромные масштабы. «Пьянство шло огульное. Несколько волостей принимало самое деятельное участие в нем». Особенно страшные дни пьяных беспорядков пришлось на 1917 год — год безвластия и анархии в стране, год «политического вакуума». В первые же дни и часы революции разгул мужицкой стихии проявился в волне прокатившихся по стране винных погромов, особенно захлестнувших Петроград, да и всю страну в октябре 1917 года.

Пьяные погромы 1917 года возникли не на пустом месте — сказалось проявление разбуженных социальных инстинктов, примитивно-плебейского понимания свободы как возможности вволю попить-погулять. Здесь, кстати, не обошлось без помощи революционных партий, которым была выгодна внутренняя напряженность.

Как мы все помним еще из советских учебников по истории, в которых события Октября изложены чуть ли не почасово, накануне 25–26 октября в Петрограде шли бои за обладание телеграфом, почтамтом, вокзалами, мостами. При этом ничего не говорилось о том, что не меньшие бои разгорелись вокруг винных складов и погребов столицы. Ничто и никто не мог противостоять этому разгулу пьяных страстей. По воспоминаниям людей из ленинского окружения, Владимир Ильич находился в эти дни в полной растерянности, «судорога подергивала его лицо». Один из организаторов революции 1917 года, Троцкий, заявил в книге «Моя жизнь»: «Вино стекало по канавам в Неву, пропитывая снег. Пропойцы лакали прямо из канав» [11: с. 287]. Однако, хотя и с большим трудом, большевикам все-таки удалось восстановить порядок.

То же самое происходило и в провинции. Так, 21 ноября разгрому подвергся винный склад в Борисоглебске Тамбовской губернии. Погром, в котором участвовало до 4 тыс. солдат и горожан, перекинулся в город — грабили все магазины, что попадались под руку, частные дома. В конце 1917 года пьяные погромы произошли в Ярославле, Моршанске, Сарапуле, Вышнем Волочке, Гжатске и др. [5: с. 133]. 26 октября 1917 года, то есть уже на следующий день после взятия большевиками власти в Петрограде, на центральных улицах Симбирска начался

винный погром. Газета «Симбирское слово» за 27 октября того же года сообщила: «Вчера, с двух часов дня, начался разгром магазинов. Начав с магазина Подругина, где было разграблено вино, толпа пошла громить все подряд. Пьяные солдаты тащат все, что попадается: меха, корсеты, кружева, конфеты. В 8 часов вечера, как нам сообщили, толпа громит уже Волжско-Камский банк. Приняты меры с применением вооруженной силы. Слышны выстрелы». Один из очевидцев симбирского винного погрома большевик И. Самойлов сохранил воспоминания о страшных октябрьских событиях той осени: «Толпы людей разбивали окна и двери магазинов и складов, расхищали содержимое, на улицах возникали драки, в городе усилился бандитизм. Помню, как я вышел на Гончаровскую улицу, чтобы выяснить, что происходит. У одного из магазинов пьяные тащили из погреба бутылки, разбивали их и пили тут, обрезая себе руки и лица». В Самаре была образована «партия алкоголиков», выпустившая листовку в ходе избирательной кампании: «Граждане и гражданки!!! Голосуйте за список 18. Наш девиз: “Алкоголики всех стран, соединяйтесь! Лишь в опьянении обретешь ты утешенье”. Мы требуем: 1. Свободной повсеместной продажи питья. 2. Всеобщего, прямого, равного, тайного и явного распития спиртных напитков во всех видах и во все посуды. 3. Свободного выбора разного рода питья и закусок к ним. 4. Гласного все-народного суда алкоголиков над представителями старой власти за прекращение ими винной продажи и строгого их наказания вплоть до ссылки на каторжные работы без срока. 5. Полной амнистии и немедленного освобождения из всех мест заключения, при старом и новом режимах посаженных производителей, продавцов ханжи, политуры, денатурата, кислушки, самогонки. 6. Всеобщего бесплатного лечения всех пострадавших на почве алкоголизма...» [8: с. 125–126].

Пытаясь остановить волну разрушений и массовое пьянство, комиссары расстреливали штабеля бутылок и бочек из пулеметов, ходили мокрые, насквозь пропахшие букетом лучших вин. А.М. Горький, описывая истребление винных погребов, замечал, что пьяная толпа и с новой властью считаться не желала. Но ответные меры Смольного заставили писателя ужаснуться: «Во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего» [2: с. 44]. Лишь через несколько месяцев, после того как все винные склады были уничтожены, в столице был установлен относительный порядок. Хотя нарождавшаяся советская власть в декабре 1917 года подтвердила наличие «сухого закона», а в июле 1918 года запретила самогонварение, в действительности проследить за исполнением этих указов не могла. Вместо водки народ использовал заменители спиртной продукции, употребляли одеколон, лаки, политуру, денатурат.

Советская власть унаследовала отрицательное отношение государства к спиртному, но теперь в основу этого был положен классовый подход: пьянство в новом обществе объявлялось пережитком капитализма. Программа РКП(б) причислила злоупотребление спиртным к социальным болезням, раз-

вивавшимся на почве общественной несправедливости. В связи с этим и первые декреты Советской власти о национализации винопроизводства и введении винной монополии не уделяли внимания борьбе с пьянством. Некоторым образом это было связано с идеализацией, романтизацией рабочего класса. В.И. Ленин, по воспоминаниям Клары Цеткин, всерьез полагал, что «пролетариат — восходящий класс... не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало» [13: с. 50]. Губернские и городские органы власти, партийные комитеты всячески стремились реализовать указания свыше, проявляя при этом и собственную инициативу. Принимались зачастую и совершенно анекдотические директивы. Так, в начале 1921 года Новгородский губком РКСМ постановил: «К февралю 1921 года все члены губкома должны бросить пить, для рядовых комсомольцев — срок 1 апреля» [6: с. 36].

В годы Гражданской войны масштабы пьянства и связанных с ним различных форм социальной девиантности выросли. Тем самым партия большевиков и возглавляемое ею советское государство столкнулось с проблемой пьянства и социального контроля над ним в том аспекте, который программными документами не предусматривался. На Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 года Ленин заявлял: «В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, как бы они ни были выгодны для торговли, но они ведут нас назад к капитализму...» [7: т. 43, с. 326]. Следовательно, само производство и потребление алкогольных напитков не только выводились из сферы экономических интересов государства, но и рассматривались как такой «пережиток капитализма», который естественным образом будет отмирать по мере продвижения к социализму. Наиболее существенным шагом на пути к решению этой проблемы было принятие 19 декабря 1919 года Декрета СНК РСФСР «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих средств», не запрещавшего потребление спиртных напитков, а лишь воспрещавшего продажу спирта для «питьевого потребления» и допускавшего для вина крепость не более 12 градусов [3: т. 3, с. 34]. В то же время декретом оговаривались и наказания за употребление алкогольных напитков. Например, за «распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные в том лица подвергаются лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года». Еще раньше, в мае 1918 года, был принят декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях комиссара по продовольствию. Декрет предусматривал уголовную ответственность за самогонование в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества. Самогонование было отнесено к наиболее опасным нарушениям социалистической

законности. Исполкомом Карсунского уездного Совета Симбирской губернии 17 июля 1919 года было принято Обязательное Постановление о борьбе с самогонварением: «...замеченные в этом граждане будут во всеобщем сведении объявляться врагами Социалистической Республики... и... привлекаться к ответственности как преступники:

1) граждане, уличенные в выгонке самогонки... приговариваются к тюремному заключению до 10 лет, изгоняются навсегда из общины, имущество их конфискуется, причем заключение в тюрьме будет сопряжено с принудительными работами;

2) граждане, уличенные в распитии самогонки... караются заключением в тюрьму до 6 месяцев.

Советские служащие, которым поручено наблюдение и скрывающие тем или иным путем выгонщиков самогонки и пьяниц... будут предаваться суду Революционного Трибунала» (ГАНИ УО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 257. Л. 32).

Все эти властные мероприятия стали основанием для вывода, сделанного еще в советское время, в период горбачевской борьбы с пьянством и алкоголизмом: в Советской России был принят «сухой закон». На самом деле такой закон в России никогда не принимался и не устанавливался. В действительности декрет 19 декабря 1919 года был направлен прежде всего на сохранение хлеба и не запрещал спиртных напитков. Подобно своим предшественникам, этим декретом советское правительство пыталось установить контроль за производством и потреблением спиртосодержащих напитков и тем самым преодолеть стихию широкомасштабного пьянства и его последствий. Молодое советское государство пыталось по-новому решить традиционную для России задачу: власть должна контролировать производство и потребление алкоголя. Кроме того, эти решения фиксировали индивидуально-личностную ответственность за производство, потребление спиртных напитков и связанное с ним поведение. Они фиксировали социальную норму, рассматривавшую алкоголизм и пьянство как слабость, моральную неустойчивость человека, способствующего своим антисоциальным поведением контрреволюции.

Несмотря на все принимаемые меры, во время Гражданской войны и первых лет после нее пьянство достигало необычайных размеров. Так, в Алтайской губернии в первые месяцы 1918 года хлебопашцы израсходовали на самогон около 15 млн пудов зерна. Печально известным продотрядам, изымавшим у деревни зерно, крестьяне дали прозвище «пропойц народного доверия», а их способность потреблять дары Бахуса в неограниченном количестве приводила в удивление даже закоренелых сельских самогонщиков. В отчете председателя местного губернского исполкома Саратова общее положение в городе и округе летом – осенью 1919 года выглядело следующим образом: «Пили все — и крестьяне, и милиция, и должностные лица, вплоть до председателя исполкома» [8: с. 125–126].

В нашей стране водка всегда была больше, чем обыкновенная простая выпивка. Исходя из этого, требовалось создать жесткий контроль над массовым потреблением алкоголя в России. Для достижения поставленной цели советской власти пришлось сражаться с не меньшим упорством, чем на фронтах Гражданской войны.

В отсутствие свободной продажи водки процветало самогонование. В провинциальных городах оно было распространено даже больше, нежели в столицах. В условиях экономического кризиса и неразвитости товарных отношений самогон в деревне превращается в суррогат денег. Им расплачиваются по определенной таксе за оказанные услуги, предоставленный транспорт. Резко возрастает обрядовое пьянство. Печальной тенденцией стало пьянство комсомольцев и членов РКП (б), особенно выдвинутых. Способствовало распространению подобного порока и утвердившееся в обществе представление о морали как о простых нормах целесообразности. В Сенгилеевском уезде Симбирской губернии было вынесено порицание председателю волиспокома за «двухнедельные пьяные поминки». Пили все, включая несовершеннолетних работников аппарата. Широко распространилось пьянство в частях Восточного фронта, штаб которого долгое время размещался в Симбирске и где, судя по архивным данным, уровень пьянства был гораздо выше, чем в действующих частях. Как следует из рапорта о политической подготовке, подготовленного весной 1919 года, постоянно устраивались банкеты «по случаю», «командиры пили небольшими группами по частным квартирам» (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 620. Л. 12). Показательными являются и материалы протоколов общих собраний Симбирской организации РКП (б) 1919–1920 годов. Практически на каждом заседании (а они происходили не реже одного раза в месяц) стоял вопрос об исключении из партии за пьянство на рабочем месте, самогонование, спаивание несовершеннолетних. В этот период членства в партии лишались за указанные правонарушения до 10–12 человек на каждом партсобрании. Некоторые дела за злостность были переданы в революционный трибунал. Выделенные на Симбирский патронный завод имени Володарского в производственных целях «три с половиной бутылки чистаго спирта» были распиты руководством заводской партячейки (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134, 136). Открытую и непримиримую борьбу с этим пороком пытались вести руководители партийной организации Симбирской железной дороги. Организация и проведение новых праздников, попытка создания новых традиций (прежде всего речь идет о субботниках), поощрение трезвого образа жизни, активная пропаганда против спиртного — вот методы деятельности коммунистов на местах. При этом более чем очевидны неспособность и неготовность местного партийного руководства решить те проблемы, которые и служили первопричиной пьянства.

По данным сводок, пьянство, поборы, злоупотребления служебным положением имели особенно широкое распространение среди местных советских и партийных работников различного уровня, коммунистов, авторитет которых

существенно падал. По докладу сотрудника комендатуры города Мелекесса С. Горецкого, прибывшего в Симбирск в командировку, 3 июня 1919 года комиссара Иванова «двое вели под руки, который сам уже идти не мог. И кругом все говорят, что понятно куда пропали две бочки спирта неведомо куда» (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 21 об.).

Пьянство охватило и значительную часть молодежи. По информации ЦК ВЛКСМ в феврале 1926 года: «Пьянство захватывает и рядовых, и актив союза. Пьют по всякому торжественному случаю, на Петра и Ануфрия. Пьют по случаю религиозного праздника. Пьянством отмечают день революционного праздника, напиваются после “благополучных” выборов бюро ячейки, райкома, пьют просто потому, что получена зарплата. Пьянство, как правило, сопровождается крайне бессмысленными хулиганскими выходками, драками и кулачными боями с поножовщиной, бессмысленным “матовым” словоизвержением, которое обрушивается на головы совершенно посторонних людей».

Основные причины и личные мотивы подобных асоциальных явлений в 1917–1920-е годы более чем очевидны — российское общество переживало одну из самых глобальных социокультурных катастроф практически за все время своего существования. События, ставшие причиной всего этого, вполне могут считаться совершенно невиданными и происходившими к тому же впервые не только в России, но и в мире. Первая мировая война, установление нового режима – Советской власти и, как следствие, приход к власти большевиков, Гражданская война, когда в России за несколько лет произошло крушение всего дореволюционного русского общества, глубокая трансформация базовых социальных ценностей.

Рост бытового пьянства и алкоголизма имел различные мотивы у различных социальных слоев общества. Для партийной и государственной номенклатуры — от высшего до низшего уровня — употребление спиртных напитков было средством своеобразной психологической релаксации, ухода от сложностей и даже опасности пребывания во власти. Кроме того, у руководящих работников в определенный момент происходила некая трансформация сознания. Они становились уверенными в собственной исключительности, ощущение вседозволенности и безнаказанности определяли их поведение. Для подавляющего большинства населения бытовое пьянство было также средством психологической разгрузки, с его помощью пытались компенсировать тяготы повседневной жизни, стремились подменить массовое разочарование чувством радости и повышенным возбуждением. В упоминавшемся уже докладе сотрудника комендатуры города Мелекесса С. Горецкого сообщается и о таком привычном уже для горожан явлении: «...проходя по городу, увидел: масса ходит по городу в нетрезвом виде, особенно на берегу реки Свяги (это будет в конце Московской улицы). ...Местная власть, которая сейчас есть в Симбирске, совершенно никаких мер не принимает» (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 21).

Но и с началом мирной жизни ситуация принципиально не изменилась. По итогам 1921 года в отчете Губисполкома о состоянии дел в Симбирской губернии были сделаны следующие выводы: «Борьба с самогонщиками желательных результатов не дает, так как на рынке пуд хлеба стоит 10–11 млн руб., а из него выгоняется полторы четверти самогона стоимостью 60–75 млн. Особенно больших размеров достигла выделка самогона перед рождественскими праздниками, между тем голод в губернии усиливается. В настоящее время голодающих насчитывается 200 тыс. чел.» (ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 24. Л. 30).

Предполагалось, что центрами безалкогольной жизни станут коммуны и общежития, но пьянство поразило и их. Даже наоборот, жизнь в социалистических общежитиях просто способствовала развитию пьянства. Практически весь досуг рабочие, служащие, студенты проводили за бутылкой водки.

В июле 1922 года вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР, статья 140 которого послужила основанием для борьбы с самогоноварением. В ней фиксировалась норма, предусматривающая за приобретение с целью сбыта и непосредственный сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без разрешения лишение свободы на срок не менее одного года с конфискацией части имущества. В ноябре 1923 года эта статья была дополнена более жесткими мерами: лишением свободы на срок не менее трех лет с конфискацией имущества при рецидивном производстве, хранении спиртных напитков. Приобретение спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без цели сбыта, а также хранение не оплаченных акцизом напитков и веществ карались штрафом до 500 руб. золотом или принудительными работами до 6 месяцев. Одновременно было принято решение о премиальных отчислениях милиции из штрафов. Началась массовая кампания по борьбе с самогоноварением. В результате только по РСФСР в 1923 году было изъято 115 тыс. самогонных аппаратов, в 1924 году — 135 тыс.

Утверждаясь, новая власть постепенно ставила под жесткий контроль употребление спиртного.

Литература

1. *Бордюгов Г.А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии. Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е гг. // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73.
2. *Горький А.М.* Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
3. Декреты Советской власти. В 5 т. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1957–1971.
4. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 5-ти т. М.: Наука, 1991. 1395 с.
5. *Канищев В.В., Протасов Л.Г.* Допьем романовские остатки: пьяные погромы в 1917 г. // Родина. 1997. № 8. С. 62–66.
6. *Лебина Н.Б.* Теневые стороны жизни советского города 20–30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
8. Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль / Отв. ред. П.В. Волобуев. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 124–143.
9. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 232 с.
10. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 109–113.
11. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Вагриус, 2006. 576 с.
12. Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. 336 с.
13. Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1955. 62 с.
14. Шульгин В.В. Три столицы. М.: Современник, 1989. 559 с.

References

1. Bordyugov G.A. Social'ny'j parazitizm ili social'ny'e anomalii. Iz istorii bor'by' s alkogolizmom, nishhenstvom, prostituciej, brodyazhnichestvom v 20–30-e gg. // Istorija SSSR. 1989. № 1. S. 60–73.
2. Gor'kij A.M. Nesvoevremenny'e my'sli: zametki o revolyucii i kul'ture. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 400 s.
3. Dekrety' Sovetskoj vlasti: v 5-ti t. M.: Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS, 1957–1971.
4. Denikin A.I. Oчерки russkoj smuty': v 5-ti t. M.: Nauka, 1991. 1395 s.
5. Kanishhev V.V., Protasov L.G. Dop'em romanovskie ostatki: p'yany'e pogromy' v 1917 g. // Rodina. 1997. № 8. S. 62–66.
6. Lebina N.B. Tenevy'e storony' zhizni sovetskogo goroda 20–30-x gg. // Voprosy' istorii. 1994. № 2. S. 30–42.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы', 1967.
8. Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль / Отв. ред. П.В. Волобуев. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 124–143.
9. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 232 с.
10. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 109–113.
11. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Вагриус, 2006. 576 с.
12. Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. 336 с.
13. Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1955. 62 с.
14. Шульгин В.В. Три столицы. М.: Современник, 1989. 559 с.

M.A. Bravina

**The Struggle against Drunkenness and Alcoholism
in the Middle Volga Province under the Revolution and the Civil War**

The problem of growth of destructive behavior of the population under the Revolution and the Civil War, one of the factors that alcoholism was a mass society. The specific character of drunkenness in the province, authorities identified measures to combat this scourge.

Keywords: drunkenness; alcoholism; destructive behavior; «prohibition».

А.Б. Давыдова

Советская археологическая экспедиция в Нубии

Экспедиция, возглавляемая Б.Б. Пиотровским, была первой и на протяжении многих лет (до 2001 года, когда археологические исследования на территории страны стали осуществляться Центром египтологических исследований РАН) единственной русской археологической миссией, работавшей в Египте. Советским исследователям за столь короткое время удалось достичь значительных результатов. Ими был изучен и опубликован ряд интереснейших памятников, таких как, например, раннединастическое поселение в Хор-Дауде, сделан ряд важных научных открытий.

Ключевые слова: Борис Борисович Пиотровский, Нубия, советская археологическая экспедиция.

В следующем, 2015 году, исполнится 25 лет со дня смерти выдающегося отечественного исследователя-востоковеда Бориса Борисовича Пиотровского. Обладая огромной эрудицией, Б.Б. Пиотровский прекрасно ориентировался в широком круге научных проблем, связанных с древней историей, языками и культурой Евразии, стран Ближнего Востока и Африки. Биография Бориса Борисовича была не менее многогранной: он был заведующим кафедрой Древнего Востока на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, с 1964 года руководил Эрмитажем, был академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, возглавлял Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Одним из основных достижений Б.Б. Пиотровского является то, что он стал первым (и единственным) советским египтологом, получившим возможность провести археологическую экспедицию на территории Египта, о которой и пойдет речь в данной статье.

В 1960 году в районе первого порога Нила началось строительство новой Асуанской плотины, вследствие чего многие древнеегипетские и нубийские памятники должны были уйти под воду. В том же году ЮНЕСКО объявило о начале кампании по сохранению памятников Нубии. В Академии наук СССР было принято решение поддержать эту кампанию и направить в страну советскую археологическую экспедицию под руководством д.и.н. Б.Б. Пиотровского,

являвшегося в то время представителем СССР в Международном консультационном комитете экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии.

Советские исследователи выбрали малоизученный прежде район от Герф-Хуссейна до Махарраки протяженностью по долине Нила около 30 км, за исключением деревни Куббан, где уже работала экспедиция Миланского университета. Исследования они проводили также в Вади Аллаки, через который в древности пролегал путь к золотым рудникам страны Вават. Выбор, сделанный руководителем экспедиции Б.Б. Пиотровским, оказался крайне удачным — на территории советской концессии был обнаружен ряд уникальных памятников, на основании изучения которых впоследствии были сделаны выводы об особенностях развития Нубии начиная с первобытности и заканчивая периодом египетского Нового царства. Работали советские исследователи на протяжении двух сезонов — в 1961–1962 и 1962–1963 годах.

На территории, выбранной Б.Б. Пиотровским, в 1908–1911 годах, во время строительства старой Асуанской плотины, уже проводились археологические исследования под руководством Ч. Фэрта, раскопавшего ряд некрополей и некоторые древние поселения, находившиеся ниже отметки 123 м над уровнем моря [6: с. 88]. Памятники, обнаруженные английским ученым, были частично затоплены после завершения строительства старой плотины, а точно местонахождение остальных определить не удалось. Из-за нехватки времени советским археологам пришлось приступить к раскопкам в незнакомом им месте без проведения предварительной археологической разведки [9: с. 3].

Территория Вади Аллаки до начала работы в ней советской археологической экспедиции также не подвергалась тщательному исследованию, хотя скалы вади покрыты многочисленными петроглифами, наскальными изображениями и надписями, которые вырезались там на протяжении нескольких тысячелетий — от первобытности до периода Нового царства; кроме того, в Вади Аллаки встречаются греческие, латинские и арабские надписи. Лишь 34 египетских текста, сфотографированные в 1940 году супругой директора Топографической службы Судана Г.У. Мюррея, были опубликованы Я. Черны [13]¹. Б.Б. Пиотровский связывал отсутствие интереса египтологов к этим надписям с тем, что они могли показаться исследователям малоинформативными, так как в них отсутствовали новые сведения по истории египетских царей [10: с. 94].

На протяжении первого сезона советским ученым удалось провести в вади только разведочные работы, углубившись от берега Нила на расстояние около 90 км [8: с. 240]. Более подробно надписи и изображения были изучены во время второго полевого сезона, в ходе которого экспедиции удалось обследовать вади на расстоянии 80 км от берега Нила — до впадения в него

¹ Большая часть из опубликованных Я. Черны текстов (за исключением трех) относится к эпохе Нового царства, ко времени правления XIX–XX династий [13: р. 56].

Вади Кулейб. Далее была проведена разведка до Умм Карейат, где в древности располагались золотые рудники [12: с. 155].

Во время работы экспедиции в 1961–1962 годы был открыт ряд памятников, датированных эпохами палеолита (ашельский и мустьерский периоды) и мезолита (себильская культура). В частности, исследователи обнаружили 11 мустьерских местонахождений, расположенных на правом (в районе деревни Коштамна Восточная), а также на левом берегах Нила (рядом с деревнями Курта, Дакка и Коштамна Западная). Всего было собрано 231 изделие из камня [4: с. 33]. Следует отметить, что прежде объекты, датированные эпохой мустье и обнаруженные в средней части Нубии, не изучались.

Одним из наиболее интересных памятников, обнаруженных советскими археологами на правом берегу Нила, является Хор-Дауд (ему присвоен номер I, чтобы отличать его от местонахождения Хор-Дауд II, находящегося в 200–300 м к северо-востоку), расположенный примерно в 500 м от деревни Коштамна Восточная, в 600 м от берега Нила. Чаще всего в Хор-Дауде находили отщепы и пластины (встречаются как изготовленные в технике леваллуа, так и обладавшие случайной формой, а также отщепы, получившиеся при обивке и ретушировании бифасов и орудий, ударных площадок ядрищ) [4: с. 38]. Подобные палеолитические орудия труда встречаются в Нубии довольно редко. Их находка позволяет охарактеризовать прежде малоизученные археологические культуры, существовавшие на этой территории.

Участники экспедиции предположили, что в период нижнего палеолита на территории Хор-Дауда находилась своего рода первобытная мастерская (она же являлась стоянкой), где почти не осуществлялась первичная обработка камня. В.П. Любин полагает, что «часть сырьевого материала расщеплялась на стороне и доставлялась на место поселения в виде полуфабрикатов и готовых заготовок» [4: с. 43].

Когда советские исследователи приступили к планомерным раскопкам памятника, выяснилось, что там расположено довольно специфическое «поселение», аналоги которого неизвестны на территории Африки. Культурного слоя в обычном понимании этого термина в Хор-Дауде не было, все слои песка оказались стерильны. На территории местонахождения обнаружены лишь многочисленные ямы (открыто 578 ям). Большинство из них оказались пустыми, но в 65 были найдены фрагменты керамики и целые сосуды, изделия из камня, в том числе кремниевые, предметы из слоновой кости.

Н.Я. Мерперт и О.Г. Большаков сделали вывод о том, что на месте Хор-Дауда находилось не само поселение, а его хозяйственная периферия [5: с. 85]. Изучив результаты раскопок, Б.Б. Пиотровский предположил, что там располагалась стоянка скотоводов, свозивших молоко для переработки. Как пишет исследователь, на территории памятника находились тростниковые постройки и хозяйственные ямы, покрытые плетеными щитами [6: с. 91–92]. Основное

поселение с более прочными жилищами, по его мнению, стояло на противоположном берегу Нила [11: с. 187].

Б.Б. Пиотровский отмечает, что остатков пищи в Хор-Дауде найдено немного, причем в основном это финиковые косточки, плоды пальмы-дум и унаби. Небольшое количество зерна (ячменя, а также мягких и твердых сортов пшеницы) было обнаружено только в одной яме [11: с. 186].

Ямы, расположенные двумя скоплениями — по западной и восточной сторонам хора, — были подразделены на несколько категорий. К первой, наиболее распространенной, отнесены круглые в плане с вогнутыми стенками с плоским или уплощенным дном. Они крупные, тщательно обмазанные глиной. Во вторую вошли круглые в плане ямы, более глубокие и тщательно отделанные, с вогнутыми стенками и округлым дном. К третьему типу отнесены круглые ямы с отвесными стенками и уплощенным дном, отделанные хуже, чем относящиеся к предыдущему типу; к четвертому — круглые ямы с отвесными стенками и округлым дном, небольшие, сконцентрированные в северной части западного скопления; к пятому — круглые ямы, сужающиеся книзу, с уплощенным дном [5: с. 113–114]. В ямах меньшего размера, лишенных обмазки, хранили один большой сосуд. В более крупных расставляли (или аккуратно складывали горизонтально) несколько сосудов.

Кроме того, исследователи выделили тип двойных ям. Одна из них являлась основной, вторая — вспомогательной, «входной», и была меньших размеров, без характерной для основной ямы глиняной обмазки. Ямы были соединены проемами в стенках, нередко заложенными каменными плитами [5: с. 116].

Советские археологи отнесли «поселение» к периоду перехода от додинастической эпохи ко времени правления в Египте первых династий [5: с. 85], а именно к рубежу IV–III тыс. до н.э. Памятник был датирован на основании изучения керамики.

В Хор-Дауде были обнаружены сосуды, относящиеся к нескольким категориям додинастической керамики, выделенным Ф. Питри в ходе изучения находок из погребений культуры Нагада [14: р. 3]. В первую очередь, это так называемая *black-topped red pottery* — красные лощеные сосуды с черным верхом. Из найденной в Хор-Дауде керамики к этой категории относятся плоскодонные сосуды, стаканы, горшки, яйцевидные круглодонные сосуды с широким устьем (всего 18 образцов). Данный тип керамики был распространен по всему Верхнему Египту додинастического времени и, почти полностью исчезнув в Египте в раннединастический период, сохранился в Нубии [5: с. 134]. В то же время в Хор-Дауде была обнаружена керамика типично нубийских форм, появившихся в раннединастический период (например, большие тыквообразные сосуды).

Наиболее распространена на памятнике красная, тщательно обработанная и хорошо обожженная керамика (найденно 65 сосудов), которую Ф. Питри отнес к категории *polished red pottery*. Форма сосудов, найденных в Хор-Дауде и

относящихся к этой группе, разнообразна. Это и большие, вытянутые, круглодонные, сигарообразные сосуды (на некоторых имеются знаки и изображения, процарапанные после обжига), и яйцевидные плоскодонные сосуды с короткой шейкой и округленным венчиком. Кроме того, в ямах были обнаружены плоскодонные сосуды с волнистыми ручками, туловом в форме перевернутого усеченного конуса, прямыми, округленными лишь у плечиков боками и хорошо выраженной шейкой — wavy handled pottery Ф. Питри.

В Хор-Дауде была также обнаружена керамика, относящаяся к категории decorated pottery: сосуды с приземистым округлым туловом, низким венчиком и двумя маленькими ручками с горизонтальным отверстием посередине. Они украшены геометрическим орнаментом из концентрических колец, спиралей, волнистых линий и т. д.; редко встречаются изображения животных и птиц.

Другим типом керамики, находка которой позволила датировать памятник, стали различные грубые лепные сосуды (rough-faced pottery Ф. Питри) (26 образцов). В глине часто встречается примесь соломы, обожжена она слабо. Наиболее характерны для этой категории крупные сосуды с широким устьем, округлым венчиком и острым дном. Тулово равномерно сужается книзу. Эта форма появилась в Верхнем Египте в конце додинастического периода и получила широкое распространение в Нубии [5: с. 157].

В Хор-Дауде были также обнаружены различные орудия труда и украшения. К их числу относятся кремниевые вкладыши серпов, обработанные с одной стороны, скребки, два кремниевых ножа, два терочника, пест, проколка, шиферная палетка для растирания косметических средств; из украшений — только браслет из слоновой кости и глиняные бусы.

Первобытная мастерская, аналогичная Хор-Дауду, была обнаружена во время раскопок некрополя Среднего царства в районе деревни Дакка, в местности Хор-Набрук. Однако предметы, найденные здесь (более 1500 экземпляров), относятся к более позднему периоду — к эпохе мезолита. Они представляют собой отходы, полученные при обработке нуклеусов. В частности, на территории памятника обнаружены небольшие кремниевые гальки с одним или несколькими сколами, которые по той или иной причине не были использованы в качестве нуклеусов, а также необработанные отщепы [3: с. 70]. Вероятно, после первичной обработки заготовки переносились из Хор-Набрука к месту поселения.

На памятнике найдены миниатюрные нуклеусы с одной или двумя ударными площадками. Подобные изделия характерны для себильской культуры и хорошо известны исследователям по комплексам в Ком Омбо, а также в Нубии.

К немногочисленным готовым орудиям труда, найденным в Хор-Набруке, относятся небольшие острия подтреугольной формы, обработанные у рабочего края с одной или нескольких сторон, а также проколки и сверла, скребки различных типов, микролитические изделия. Весь комплекс инвентаря, как и приемы обработки отщепов и ножевидных пластин, также свидетельствует

о том, что в эпоху мезолита в Хор-Набруке изготавливали орудия труда носители себильской культуры, причем большинство находок относится к самому концу палеолита — началу неолита [3: с. 76].

Аналогичные находки были сделаны в районе деревень Коштамна Западная и Курта. Материал, найденный в Курте, датируется более ранним временем [3: с. 81].

Как было сказано выше, мезолитические изделия в Хор-Набруке были обнаружены в ходе раскопок некрополя эпохи Среднего царства. Судя по предварительным отчетам Ч. Фэрта, часть погребений была исследована им в 1910–1911 годы. Однако никто из местных жителей не смог указать, где именно производились эти раскопки [2: с. 180]. На месте предполагаемых исследований советской экспедицией была произведена разведочная расчистка, в результате которой обнаружены два погребения. Изучение некрополя, располагавшегося у деревни Курта, проводилось на протяжении обоих сезонов работы.

Основные археологические работы велись на территории южного поля, где вследствие того, что жители деревни брали оттуда песок, стали видны части кольцевых каменных оградок могил. Там, на участке площадью 900 кв. м, обнаружено и раскопано в общей сложности около 150 погребений [10: с. 98]. Большинство из них было разграблено.

Могильные ямы прямоугольные или овальные в плане, глубокие и узкие. Они перекрыты каменными плитами, а на поверхности окружены сложенными из камней оградками цилиндрической формы. Подобные погребения характерны для периода Среднего царства [2: с. 181]. Умершие лежали в скорченном положении на правом боку, головой на восток.

В ходе первого сезона работы экспедиции были найдены лишь бусины, небольшой керамический диск, створки крупных морских раковин. К числу находок, обнаруженных позднее, относятся миниатюрное изображение ибиса, фаянсовая пуговичная печать со спиральным рисунком, скарабеоид, браслеты из камня и слоновой кости, костяные иглы. В северо-западной части некрополя найдена большая стела (высота — 2,33 м), около которой зафиксированы следы жертвенника [10: с. 98]. На поверхности, у внешней стены каменных выкладок могил, с восточной ее стороны, обнаружены целые сосуды, располагавшиеся, как правило, группой или цепочкой, иногда с небольшими отклонениями к северо- или юго-востоку [2: с. 188].

Большая часть найденной на территории некрополя керамики представлена круглодонными полусферическими сосудами. Внешняя поверхность некоторых из них является краснолощеной, а внутренняя — чернолощеной. У большинства из них прямые вертикальные венчики с округлыми бортиками, но у многих имеется небольшая шейка, а край венчика слегка отогнут. К этой же категории относятся сосуды со слегка суженным горлом. Изред-

ка встречались нелощенные чаши. По верхнему краю некоторых из них идет черная неровная полоса. Также встречались черные или коричневато-черные миниатюрные чаши, покрытые геометрическим орнаментом, нанесенным тонкой заостренной палочкой и имитирующим плетение.

Кроме того, на территории некрополя найдены неровно обожженные сосуды с шаровидным или овальным туловом, изготовленные из грубого теста, а также большие вытянутые сосуды с заостренным дном («зир») и тонкими стенками.

На северной окраине деревни было обнаружено еще несколько разновременных захоронений.

Два некрополя, западный и восточный, были также обнаружены у деревни Западная Коштамна. Последний находился в 500 м к востоку от первого, ближе к деревне. Изучив найденную на обоих памятниках керамику, советские исследователи пришли к выводу, что западный некрополь следует датировать эпохой Древнего царства, а восточный — периодом Нового царства.

Всего на западном некрополе обнаружено 19 погребений, причем 11 из них образовывали скопление и тесно примыкали друг к другу [1: с. 206]. Сохранились остатки колец, выложенных из камня и окружавших могилы. Большинство ям овальные или прямоугольные с закругленными углами. Умершие лежали в скорченном положении, на левом или правом боку; иногда — на спине. Могилы были ориентированы в основном на запад с отклонениями на юго- и северо-запад.

В 13-ти могилах обнаружен погребальный инвентарь — бусины, фрагменты керамики, раковины, кремниевая ножевидная пластина и отбойник. Был найден туалетный набор — овальная палетка из желтого песчаника, небольшая заостренная палочка из слоновой кости и кусок охры. В керамическом материале преобладали круглодонные лощеные полусферические сосуды с прямым обрезанным венчиком, который иногда загибался вовнутрь.

Восточный могильник был полностью разграблен. Ориентированы погребения в основном по линии север – юг. Могильные ямы подпрямоугольной или овальной формы, причем восточная половина их дна углублена больше западной. В восточных стенах могил имелся небольшой подбой [1: с. 223]. Эти признаки также позволяют датировать некрополь периодом Нового царства. Советские археологи предположили, что погребенные лежали в скорченном положении, но это, по мнению исследователей, не может опровергнуть позднюю датировку [1: с. 228].

В засыпке могильных ям и на поверхности обнаружены фрагменты больших, вертикально вытянутых сосудов с туловом в форме усеченного конуса и круглым или заостренным дном, а также полусферических сосудов с круглым или слегка утолщенным дном, на поверхности которых проведены параллельные горизонтальные полосы.

На территории, выделенной советским археологам для проведения исследований, находились и более поздние памятники, в частности руины крепостей римского и византийского времени. Участникам экспедиции удалось

выявить план крепости, располагавшейся на скале, возле деревни Западная Коштамна. На склоне этого холма ими были раскопаны две жилые постройки, сложенные из сырцовых кирпичей [11: с. 187]. У крепости обнаружены надписи эпохи Среднего царства, носящие частично заздравный, частично заупокойный характер¹. Среди них не только тексты, вырезанные по приказу крупных чиновников, таких как некий Деми, занимавший пост начальника воинов, или Себекхерихеб, писец дома и начальник работ, но и надписи рядовых членов экспедиции.

Наскальные надписи обнаружены участниками советской экспедиции и у деревни Дакка, а также в расположенной недалеко от нее местности Абу-Дурва. Тексты, вырезанные в районе Дакки, относятся к периодам Древнего, Среднего и Нового царств. В частности, недалеко от Хор-Дауда найдена надпись начальника переводчиков Туи, датированная эпохой Древнего царства [8: с. 231]. Тексты периода Среднего царства также вырезаны на расположенной на берегу Нила скале возле деревни Западная Коштамна. Кроме того, на ее вершине помещено изображение Хора Нехенского в короне Верхнего Египта [8: с. 231].

Изучение надписей было продолжено на протяжении второго сезона работы экспедиции. Основное внимание ее участники сосредоточили на текстах и изображениях, вырезанных на скалах и отдельно стоящих камнях Вади Аллаки в местах стоянок, где под скальными навесами караваны отдыхали после дневного перехода. В вади было изучено около 200 надписей, относящихся в основном к периодам XVIII, XIX и XX династий [7: с. 3]. Тексты нередко сопровождаются изображениями бога Хора, владыки страны Бак, а также других божеств: Мина, Себека, Аписа, почитавшейся в Нубии богини Аникет. Встречаются наскальные рисунки от доисторических, которые были датированы по темной патине, покрывавшей поверхность изображения, до современных. К числу рисунков, вырезанных в фараоновские времена, относятся, например, изображение охоты на страуса с колесницы, найденное в Умм Ашире [10: с. 96]; различных лодок; человека с поднятыми руками, стоящего перед устройством, позволяющим определять время по звездам; животных, лучника и т. д.

Наибольшее количество надписей и изображений сосредоточено в Умм Агайбе (около 25 км от Нила) и Умм-Ашире (другое название — Бир-аль-аскери; местность расположена примерно в 60 км от реки). Также наскальные изображения были обнаружены в местности Гебель-Мабрум, а надписи — в местностях Абу-Нудаф, причем в одной из них упоминаются имена писца Пентаура (рядом с датой «Год 52-й»), жившего во времена Рамсеса II [7: с. 28], и Хукаб Хашм ат Таргоми, где советские археологи обнаружили граффити писца Небнечеру, сына Хори, оставившего о себе память практически на всех стоянках Вади Аллаки [7: с. 29].

¹ Б.Б. Пиотровский предположил, что это было связано с высокой смертностью участников экспедиции — многие из них погибли от жажды [11: с. 188].

По надписям был установлен состав экспедиций, отправлявшихся по Вади Аллаки к рудникам страны Вават. Чаще всего упоминаются имена различных писцов, жрецов (с титулами «хемнечер» и «уаб»), всевозможных начальников (начальник скота, начальник закромов, начальник конюшен). Нередко встречаются должности «начальник шемсу», иногда на скалах вади вырезаны имена самих шемсу, рядовых участников экспедиций. Реже упоминаются различные военные должности. Б.Б. Пиотровский связывает данный факт с тем, что во времена правления XIX и в начале царствования XX династии (этим временем датируется большинство надписей) передвижение по вади было безопасным и значительной охраны не требовалось [7: с. 39].

Одной из важнейших задач, которую поставили перед собой участники экспедиции, стали поиски колодца, вырытого по приказу Рамсеса II и сооружению которого посвящена стела, найденная возле селения Куббан. В Умм Ашире был обнаружен котлован. По мнению проводника экспедиции Ибрагима Хусейна Швейни, местного жителя, пасшего в вади верблюдов, в этой местности в XIX веке во время махдистского движения находился английский военный лагерь, и котлован вырыли солдаты в поисках воды [10: с. 98]. Однако среди блоков, обнаруженных на месте лагеря, были найдены фрагменты стелы с изображением Рамсеса II, делающего подношение богу Мину. В нижней части пятистрочной надписи сохранился лишь конец четвертой строки: «Колодец Рамсес Мериамон, доблестный в жизни». В Куббанской стеле упоминается это же название [7: с. 30]. Кроме того, о том, что колодец находился именно здесь, косвенно свидетельствует следующее: в Умм Ашире сосредоточены 2/3 всех надписей, обнаруженных участниками экспедиции Вади Аллаки, а значит, там, рядом с источником воды, располагалась наиболее важная стоянка.

Одним из наиболее примечательных текстов, найденных в Умм Ашире, стала надпись, в которой упоминается имя и перечисляются титулы Мери-меса, наместника Нубии, жившего во времена царствования Аменхотепа III. Текст сопровождался изображением чиновника в парадном одеянии с конем.

Чуть дальше Умм Аширы, на противоположной стороне вади, найдены надписи двух знаменитых сановников эпохи Древнего царства (период правления царей VI династии) — «семера единственного, херихеба, начальника экспедиции Хунеса» и «известного царю, почтенного начальника каравана Уны».

Большая часть находок, обнаруженных в ходе археологических исследований, была передана Академии наук СССР. Египетская сторона оставила для Египетского музея только 18 образцов различных видов объектов [6: с. 93].

Литература

1. *Виноградов А.В.* Раскопки могильников в районе сел. Западная Коштамна // Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 205–228.

2. *Виноградов А.В.* Могильники эпохи Среднего царства в районе сел. Курта // Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 180–204.
3. *Виноградов А.В.* Себильская культура в районе Дакки // Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 69–82.
4. *Любин В.П.* Нижний палеолит в районе Дакки-Коштамны // Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 32–68.
5. *Мерперт Н.Я., Большаков О.Г.* Раннединастическое поселение Хор-Дауд // Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 83–177.
6. *Пиотровский Б.Б.* Археологическая экспедиция в Нубии // Вестник Академии наук СССР. 1962. № 8. С. 88–93.
7. *Пиотровский Б.Б.* Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М.: Наука, 1983. 183 с.
8. *Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки // Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 229–260.
9. *Пиотровский Б.Б.* Древняя Нубия: Результаты работы археологической экспедиции Академии наук СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961–1962. М.; Л.: Наука, 1964. 261 с.
10. *Пиотровский Б.Б.* Нубийская археологическая экспедиция // Вестник Академии наук СССР 1964. № 11. С. 93–98.
11. *Пиотровский Б.Б.* Нубийская археологическая экспедиция Академии наук СССР (1961–1962) // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 185–188.
12. *Редер Д.Г.* Рецензия на книгу: Пиотровский Б.Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи (М.: Наука, 1983. 184 с.) // Вестник древней истории 1985. № 3. С. 155.
13. *Černý J.* Graffiti at the Wadi Allaki // Journal of Egyptian Archaeology. 1947. № 33. P. 52–57.
14. *Petrie W.M. Flinders.* Prehistoric Egypt. London: British School of Archaeology in Egypt; Bernard Quaritch, 1920. 54 p., LIII pl.

References

1. *Vinogradov A.V.* Raskopki mogil'nikov v rajone sel. Zapadnaya Koshtamna // Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arheologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962 / Pod red. B.B. Piotrovskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 205–228.
2. *Vinogradov A.V.* Mogil'niki e'poxi Srednego czarstva v rajone sel. Kurta // Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arheologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR

v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962 / Pod red. B.B. Piotrovskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 180–204.

3. *Vinogradov A.V.* Sebil'skaya kul'tura v rajone Dakki // Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arxeologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962 / Pod red. B.B. Piotrovskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 69–82.

4. *Lyubin V.P.* Nizhnij paleolit v rajone Dakki-Koshtamny' // Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arxeologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962 / Pod red. B.B. Piotrovskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 32–68.

5. *Merpert N.Ya., Bol'shakov O.G.* Rannedinasticheskoe poselenie Xor-Daud // Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arxeologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962 / Pod red. B.B. Piotrovskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 83–177.

6. *Piotrovskij B.B.* Arxeologicheskaya e'kspediciya v Nubii // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1962. № 8. S. 88–93.

7. *Piotrovskij B.B.* Vadi Allaki — put' k zoloty'm rudnikam Nubii. M.: Nauka, 1983. 183 s.

8. *Piotrovskij B.B.* Drevneegipetskie nadpisi v rajone sel. Dakka i Vadi-Allaki // Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arxeologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962 / Pod red. B.B. Piotrovskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 229–260.

9. *Piotrovskij B.B.* Drevnyaya Nubiya: Rezul'taty' raboty' arxeologicheskoy e'kspedicii Akademii nauk SSSR v Ob''edinennoj Arabskoj Respublike, 1961–1962. M.; L.: Nauka, 1964. 261 s.

10. *Piotrovskij B.B.* Nubijskaya arxeologicheskaya e'kspediciya // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1964. № 11. S. 93–98.

11. *Piotrovskij B.B.* Nubijskaya arxeologicheskaya e'kspediciya Akademii nauk SSSR (1961–1962) // Vestnik drevnej istorii. 1963. № 2. S. 185–188.

12. *Reder D.G.* Recenziya na knigu: Piotrovskij B.B. Vadi Allaki — put' k zoloty'm rudnikam Nubii. Drevneegipetskie naskal'ny'e nadpisi (M.: Nauka, 1983, 184 s.) // Vestnik drevnej istorii 1985. № 3. S. 155.

13. *Černý J.* Graffiti at the Wadi Allaki // Journal of Egyptian Archaeology. 1947. № 33. P. 52–57.

14. *Petrie W.M. Flinders.* Prehistoric Egypt. London: British School of Archaeology in Egypt; Bernard Quaritch, 1920. 54 p., LIII pl.

A.B. Davydova

Soviet Archaeological Expedition in Nubia

The expedition headed by Boris Piotrovsky was the first and during many years the sole Russian archaeological mission (before 2001, when the Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences started to carry out archaeological work in the country's territory), working in Egypt. Soviet scholars managed to achieve considerable results in a very short time. They studied and published a number of interesting monuments, such as, for example, Early Dynastic settlement at Hor Daoud, and made some important scientific discoveries.

Keywords: Boris Borisovich Piotrovskij; Nubia; soviet archaeological expedition.

И.В. Васин

Греческие союзы эпохи эллинизма в отражении современной отечественной историографии (1990–2010 годы)

В статье подробно анализируется современная отечественная историография, посвященная исследованию греческих союзов эпохи эллинизма. На основе рассмотренной историографии можно представить основные черты федеративных государств эллинистической Греции. Отечественная античная историография все чаще обращается к проблемам развития эллинистических федераций и в большей мере рассматривает развитие федеративных государств в эллинистической Греции как позитивный опыт политического развития эллинов.

Ключевые слова: Ахейский союз; Этолийский союз; федерация; историография; эллинистическая эпоха.

В последние три десятилетия в отечественной историографии наблюдается рост интереса российских исследователей к проблемам изучения греческих союзов эллинистического периода. Появился ряд исследований, касающихся проблемы развития крупнейших федераций эллинистической эпохи – Ахейского и Этолийского союзов. Учитывая тот факт, что до 90-х годов XX века в отечественной историографии уделялось слабое внимание эллинистическим союзам, актуальность обзора современной отечественной историографии по данной проблеме представляется бесспорной.

Истории и развитию Этолийского союза посвящено диссертационное исследование С.Ю. Власюкова «Этолийский союз эллинистического времени (социально-экономические отношения и политическая организация)» [4]. В своем исследовании автор прослеживает начало развития *τὸ κόνον τῶν Αἰτωλῶν* [4: с. 85] с начала V в. до н. э., уделяя особое значение развитию рабовладения в Этолийском союзе. Так, в исследовании С.Ю. Власюкова почти целая глава посвящена развитию рабовладения в Этолии, подробному анализу причин социальной борьбы в Этолии во второй половине III – первой трети II в. до н. э. [4: с. 48–83]. Причину имущественной и социальной дифференциации свободного населения Этолийского союза автор видит в развитии рабовладения, втягивании северо-западной Греции в товарно-денежные отношения с эллинистическим миром и поступлении в Этолию значительных материальных средств, захваченных в результате успешных военных походов и пиратских набегов [4: с. 72]. Действительно, пиратство этолийцев в период расцвета Этолийского союза достигло внушительных масштабов

и стало одним из основных источников дохода федерации, следовательно, и основной причиной имущественного расслоения населения. Развитие рабовладения в Этолии стимулировали также интенсивные военные походы этолийского ополчения. Только в одном из походов на Пелопоннес в 242 г. до н. э. этолийцы увели из Спарты около пятидесяти тысяч обращенных в рабство военнопленных (*πέντε μυριάδας ἀνδραπόδων* Plut. Cleom., 18, 3).

В целом можно согласиться с классификацией форм политических объединений полисов Эллады в классическую эпоху, данной С.Ю. Власюковым. Автор подразделяет их на четыре вида: племенные союзы с зарождавшимися классовыми отношениями (союз фаонов, феспротов, молоссов); симмахии, в которых одному из ее членов принадлежало исключительное право предводительства на войне (Делосский и Пелопоннесский союзы); союзы, в которых один из членов осуществлял экономическую и политическую гегемонию над остальными участниками объединения (Первый Афинский морской союз), и федеральные образования преимущественно в рамках одной этнокультурной общности или области (Аркадия, Беотия, Фессалия) [4: с. 85]. Думается, что следует отнести Пелопоннесский и Афинский союзы в разряд симмахий (*συμμαχία* — оборонительно-наступательный военный союз), поскольку и то и другое объединение в первую очередь опиралось на военную силу гегемона и изначально строилось как военный союз. Отнесение данных союзов к разным категориям греческих политических объединений представляется искусственным.

Автор справедливо утверждает, что термин *συμπολιτεία* указывает на федеративные принципы построения Этолийского военно-политического объединения [4: с. 89–90]. Также автор уделяет внимание важнейшему вопросу, который до сих пор остается до конца не решенным в изучении эллинистических федераций. С.Ю. Власюков считает, что право *ἐγκτησις* (приобретение недвижимости в пределах федерации в любом союзном городе) в Этолийском союзе существовало и входило в основу федерального гражданства как одна из основных союзных норм [4: с. 94]. Основа же федеративного устройства Этолийского союза включала в себя: во-первых, отсутствие гегемонии одного из членов союза; во-вторых, федеративное гражданство, подразумевающее право участия граждан лиги в заседаниях народного собрания, право избрания их в состав высших законодательных и исполнительных органов и, по видимому, право приобретения земли (*ἐγκτησις*), движимого имущества и право взаимных браков в городах и общинах союза (*ἐπιγαμία*); в-третьих, общесоюзный аппарат власти и управления (*ἐκκλησία*) [5]; в-четвертых, автономию членов федерации во внутренних делах с сохранением местного гражданства, аппарата управления, законодательства, финансов, право посылки своих представителей в общесоюзный синедрион [4: с. 121].

Наличие права *ἐγκτησις* и *ἐπιγαμία* существенно укрепляло структуру Этолийского союза, но все же не позволило в итоге избежать упадка федерации.

Главной же причиной упадка Этолийского союза автор считает имущественное расслоение, которое породило острые социальные конфликты и помешало этолийцам эффективно сопротивляться римской экспансии на Балканах [4: с. 147–150].

Следует выделить ряд работ С.К. Сизова, посвященных развитию Этолийского и Ахейского союзов.

К причинам расцвета эллинистических федераций автор относит международную обстановку, связанную с постоянным желанием Антигонидов господствовать в Греции, и неравномерность распространения кризиса полиса в Элладе, что дало возможность окраинным районам Греции (Этолии, Ахайе, Акарнании) создать равноправные федерации [20: с. 86–87].

Полис, как главная структурная единица федеративных объединений эллинистического периода, претерпевает в данную эпоху существенные метаморфозы. На смену классическому полису, с его замкнутостью гражданского коллектива, исключительным правом граждан на земельную собственность и тенденцией к самообеспечению, пришел эллинистический полис, в котором превалировала поляризация собственности и расслоение гражданского коллектива по имущественному признаку, ослабление связи гражданских прав с земельной собственностью и хронический дефицит общинного бюджета [28: с. 86]. Вслед за изменениями полисов изменились и структуры союзов полисов. На смену гегемонистским союзам (Афинский, Пелопоннесский) и федерациям, основанным на гегемонии ведущего полиса (Беотийский, Аркадский, Халкидский союзы), приходят эллинистические федерации (Ахейский и Этолийский союзы) [28: с. 88–104]. Ахейский и Этолийский союзы основывались на полном равноправии участников федерации, хотя, безусловно, базировались на опыте строительства федеративных государств классического периода [20: с. 72–74; 28: с. 124–155]. Так, присоединение новых членов к Ахейскому союзу [16; 20: с. 75] не обходилось без насилия и принуждения [28: с. 279–280], но при этом в рамках союза полисы сохраняли многие признаки государственного суверенитета [16: с. 72; 28: с. 279–280]. Все граждане Ахейского союза имели «двойное гражданство», что является главной отличительной чертой греческих федераций, подобных Ахейскому и Этолийскому союзам, поскольку «двойное гражданство» невозможно ни в независимом полисе, ни в симмахии [28: с. 280, 393].

Подробно анализируя эпиграфические и нарративные источники, С.К. Сизов реконструирует федеративную организацию эллинистических союзов. Союзные органы Ахейской федерации имели следующую форму и функции:

– *σύνδοτος* (синод) и *σύνκλιτος* (синклит) — два вида народного собрания ахейцев, в совокупности представляющие верховный законодательный орган союза (*σύνδοτος* — регулярное собрание, *σύνκλιτος* — чрезвычайное собрание [16: с. 51; 28: с. 220; 26];

– *στρατηγός* (стратег) — высший магистрат Ахейской федерации, имел очень широкие полномочия (от командования вооруженными силами союза до созыва *σύννοδος* и *σύγκλιτος*) [16: с. 54; 28: с. 247]. Одним из прославленных стратегов Ахейского союза был Арат Сикионский, непосредственно участвовавший в создании Ахейского союза и избравшийся на должность стратега больше семнадцати раз [15; 18; 24];

– *δημιουργοί* — совещательный орган при стратеге, состоявший из 10 демиургов [16: с. 60; 28: с. 242];

– *βουλή* — совет булевтов, присутствующий на синклитах. О функциях совета ничего конкретного сказать нельзя из-за отсутствия достаточной эпиграфической и нарративной базы [16: с. 63; 28: с. 243];

– *ἵππαρχος* и *ναύαρχος* — гиппарх и наварх, командующий конными отрядами и командующий флотом. Гиппарх имел большее политическое влияние, чем наварх ввиду того, что Ахейский союз имел немногочисленный флот [16: с. 67; 28: с. 250];

– *νομόγραφοι* — коллегия из 25 номографов, отвечающая за редактирование и регистрацию постановлений ахейского народного собрания [28: с. 251].

Все магистраты, за исключением номографов и секретаря (*γραμματεὺς*) [23], составляли единую колледию *συναρχίαи* (сюнархов) [16: с. 68; 28: с. 255]. Подобные союзные органы существовали и в Этолийском союзе [27: с. 52–66; 28: с. 324–357]. Помимо союзных органов власти эллинистических федераций имели общую федеральную казну [16: с. 60; 25], монету [1], святилище [31] и армию [23].

Обращаясь к проблеме наличия прав *ἐγκτησις* и *ἐπιγυμία* в Ахейском и Этолийском союзах, автор склонен предполагать, что данные права существовали в эллинистических федерациях, но с полной уверенностью утверждать этого нельзя, поскольку нет достаточных сведений о юридической основе подобных прав [21; 28: с. 284, 391]. От разрешения этого вопроса зависит вывод о том, какое влияние оказало федеративное движение на развитие полиса. Если федеративное движение имело результатом уничтожение привилегий и обособленности гражданского коллектива в каждой союзной общине, то тем самым федерализм явился катализатором кризиса полиса. Если же нет, то федерация, напротив, способствовала сохранению полисных устоев [21: с. 209].

И.П. Никитина, исследуя форму государственного устройства в Ахейском союзе, приходит к заключению, что создание единого общесоюзного государства, с общим гражданством (при сохранении местного), общностью мер, весов, монет, общими центральными органами власти, единым войском, равноправием всех членов и их участием в союзном собрании на равных, позволяет характеризовать Ахейский союз как федеративное государство. Федерация еще не совершенна: федеральные органы еще не занимаются вопросами внутренней жизни, только внешними, но это уже есть признак федерализма [7: с. 26]. Все же Ахей-

ская федерация при чрезвычайных обстоятельствах вмешивалась во внутренние дела членов союза. Примером может служить эпизод с дроблением Мессении в 181 г. до н. э. при ее попытке выйти из состава союза. Принимая Мессению обратно в состав федерации, союзные власти отторгли от нее Абию, Фурию и Фары, которые вошли в состав союза как самостоятельные общины (*iidíad théμεναι στήλην ἐκάστη μετείχεν της κοινής συμπολιτείας* Polyb. XXIII, 17, 2).

Ряд работ Н.Ю. Сивкиной касается военно-политической истории Ахейского союза при анализе развития Эллинской лиги, созданной Антигоном Досоном как инструмент подчинения Эллады. После окончания Клеоменовой войны прослеживается зависимость Ахейского союза от воли македонских царей. Тем не менее Антигон Досон при создании Эллинской лиги в 224 г. до н. э. отказался от силовой политики предшественников и насаждения промакедонских тиранов в Пелопоннесе [13: с. 127–128]. Находившемуся в зависимости от Македонии Ахейскому союзу удавалось проводить самостоятельную политику настолько, насколько это позволяла сложившаяся ситуация. Так, поводом к Союзнической войне 220–217 гг. до н. э. послужило то, что благодаря усилиям Арата Мессения разорвала союзные отношения с Этолийским союзом и заявила о намерении вступить в Эллинскую лигу [9: с. 140–141]. Дипломатия Арата спровоцировала два грабительских рейда этолийцев в Пелопоннес, что послужило отличным поводом для обращения за помощью к македонскому царю Филиппу V [9: с. 144, 149–150; 10]. Арат решал сразу две задачи: во-первых, выступал на войну с этолийцами как на борьбу против агрессоров, во-вторых, при помощи македонских войск ослабил социальную напряженность в городах Ахейского союза [11: с. 121; 12]. Н.Ю. Сивкина утверждает, что война затевалась Ахейским и Этолийским союзами, а Филипп V вступил в нее в силу союзнических обязательств [9: с. 148]. Думается, что и Македонии, и Ахейскому союзу было выгодно ослабить Этолийский союз, что в итоге и произошло. Ахейцы, как и македонцы, использовали Эллинский союз в своих целях, которые в данный период совпадали [8: с. 165].

Борьбе Ахейского союза с «тучами с Запада» (Polyb. V, 104, 3) посвящены работы И.И. Бахшиева и В.Н. Томкарова. И.И. Бахшиев в статье «Проблема Ахейской войны 146 г. до н. э.» делает для понимания сути Ахейской войны важнейший вывод: это была национально-освободительная война, хотя и осложненная внутренними факторами, экономическими, социальными, политическими [3: с. 56]. Главная же причина ослабления Греции перед лицом внешней угрозы заключалась в невозможности построения единого эллинского союза. Слишком часто союзы для решения своих «внутренних» проблем прибегали к «помощи» других государств, что вело к сужению политической автономии обоих греческих союзов [2: с. 64]. Расширяет данный тезис В.Н. Томкаров, констатируя, что эллины не рассматривали римлян как серьезную силу и реальную опасность, а потому предпочли своекорыстно пойти на союз с ними в отстаивании своей независимости [29: с. 286].

Следует отметить статью Г.А. Кошеленко «Греция в эллинистическую эпоху», в которой подробнейшим образом описана политическая история Греции в эпоху эллинизма — от рождения Этолийского и Ахейского союзов до падения Эллады в 146 г. до н. э. [6].

Э.Д. Фролов в статье «Явление федерализма в политической жизни античной Греции» анализирует понятие «федерализм» и доказывает правомерность применения данного термина к структурам, возникшим в Древней Греции [30: с. 13]. Развитие договорных союзных отношений в Древней Греции было спонтанным явлением [30: с. 14]. Региональные союзы, опиравшиеся на исконное племенное родство и соседские связи, носили название *tà κοινά*. Это союзы, проявившие себя в позднеклассическое время: Халкидский союз (вокруг Олинфа), Фессалийский союз (возрожденный на авторитарной основе Ясоном Ферским, а потом и самими городами), Фокидский союз (возобновившийся для противостояния беотийскому давлению), Беотийский союз, Аркадский союз [30: с.15–20].

На основе проанализированной историографии можно с уверенностью представить основные черты федеративных государств эллинистической Греции. Федерации эллинистического времени являлись прямыми «наследниками» классических федераций, но внесли множество новшеств в союзную организацию. Моноэтнические федерации классического периода (Беотийский, Халкидский, Акарнанский, Фессалийский) сменяются полиэтническими союзами, которые охватывают не только одно племя, но и включают в себя множество разных народностей (Ахейский и Этолийский союзы). Формы союзной организации Ахейской и Этолийской федераций весьма схожи, хотя имеют незначительные отличия. Это объясняется тем, что в основу федеративного управления союзами легли властные институты отдельно взятого полиса, которые были в основном схожи у греков эллинистического периода. Прочность Ахейского и Этолийского союзов обеспечивалась рядом факторов, главный из которых заключался в поддержке федеральной власти аристократическими кругами полисов. Политическая и экономическая стабильность требовалась не только полисной аристократии, но и демосу. В условиях же кризиса полиса и постоянной угрозы со стороны эллинистических монархий федеративное объединение для эллинов являлось своего рода «спасательным кругом».

Современная отечественная историография заметно продвинулась в изучении Ахейского и Этолийского союзов, тем не менее в исследовании федеративного движения эпохи эллинизма еще присутствует ряд дискуссионных вопросов, которые требуют внимательного изучения.

Литература

1. *Абрамзон М.Г.* Клад гемидрахм Ахейского союза из Диоскуриады // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 63–66.
2. *Бахшиев И.И.* Проблема взаимоотношений Ахейской лиги и Этолийского союза (к вопросу о политическом сепаратизме древних греков) // От древности к новому времени: (Пробл. Истории и археологии). Вып. 9. Уфа, 2006. С. 61–64.
3. *Беликов А.П.* Проблема Ахейской войны 146 г. до н. э. // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. Социально-гуманитарные науки. Вып. 4. Ставрополь, 1996. С. 49–57.
4. *Власюков С.Ю.* Этолийский союз эллинистического времени (социально-экономические отношения и политическая организация): дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 323 с.
5. *Власюков С.Ю.* Этолийское народное собрание // *Antiquitas aeterna*. Вып. 1. Казань и др., 2005. С. 107–121.
6. *Кошеленко Г.А.* Греция в Эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 141–185.
7. *Никитина И.П.* О форме государственного устройства в Ахейском союзе // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 19–30.
8. *Сивкина Н.Ю.* «Общий враг» эллинской лиги в 222–220 гг. до н. э. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, Средние века, Новое время. Вып. 2. Арзамас, 2004. С. 159–164.
9. *Сивкина Н.Ю.* Два этолийских рейда в Пелопоннес накануне Союзнической войны 220–217 гг. до н. э. // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 140–150.
10. *Сивкина Н.Ю.* Инцидент в Кинифе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 1. Н. Новгород, 2002. С. 32–39.
11. *Сивкина Н.Ю.* Социальная борьба в Мессении в конце III в. до н. э. // Из истории античного общества. Вып. 7. Н. Новгород, 2001. С. 119–130.
12. *Сивкина Н.Ю.* Социальный фактор политической борьбы в греческих государствах конца III в. до н. э. // Античная история и классическая археология. Вып. 2. М., 2006. С. 138–153.
13. *Сивкина Н.Ю.* Эллинская лига 224 г. до н. э. как инструмент подчинения Греции // Из истории античного общества. Вып. 13. Н. Новгород, 2010. С. 125–140.
14. *Сизов С.К.* Аркадия и Ахейский союз в 40–30-х годах III в. до н. э. // Из истории античного общества. Горький, 1986. С. 50–65.
15. *Сизов С.К.* Начало политической деятельности Арата: освобождение Сициона // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 105–115.
16. *Сизов С.К.* Ахейский союз. М.: Прометей, 1989. 170 с.
17. *Сизов С.К.* Военная организация и военная реформа в Ахейском и Беотийском союзах (III–II вв. до н. э.) // Власть и общество в античности: мат-лы междунар. конф. антиковедов СПбГУ. СПб., 2001. URL: www.centant.pu.ru/index.html/centrum/publik/confcent/2001-03/sizov_d.htm.
18. *Сизов С.К.* Загадочный рассказ Павсания о войне в Пелопоннесе в середине III в. до н. э. Обзор дискуссии и попытка интерпретации // Вестник древней истории. 2011. № 3. С. 123–140.

19. *Сизов С.К.* Источники пополнения городской и федеральной казны в полисах эллинистической Беотии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 6 (1). Н. Новгород, 2011. С. 238–244.
20. *Сизов С.К.* О причинах расцвета федеративных государств в эллинистической Греции // Вестник древней истории. 1992. № 2. С. 72–86.
21. *Сизов С.К.* Права *enktesis* и *epigamia* в федерациях эллинистической Греции // Античный мир: Проблемы истории и культуры: сб. ст. / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 209–235.
22. *Сизов С.К.* Религиозный аспект федералистских объединений Греции эллинистического периода // Из истории античного общества: сб. науч. тр. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Вып. 9/10. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2007. С. 284–295.
23. *Сизов С.К.* Секретари в федерациях эллинистической Греции // Из истории античного общества: межвуз. сб. Вып. 6. Н. Новгород, 1999. С. 112–134.
24. *Сизов С.К.* Тайная дипломатия в годы Клеоменовой войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58–71.
25. *Сизов С.К.* Федерализм и религия в эллинистической Греции // Из истории античного общества. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 264–285.
26. *Сизов С.К.* Федеральное собрание в союзе акарнанов (III–II вв. до н. э.) // Из истории античного общества. Вып. 13. Н. Новгород, 2010. С. 106–124.
27. *Сизов С.К.* Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз / Нижегородский государственный ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 1990. 80 с.
28. *Сизов С.К.* Федеративные государства эллинистической Греции: Ахейский и Этолийский союзы: дис. ... докт. истор. наук. СПб., 1993. 659 с.
29. *Томкаров В.Н.* Рим и Македония в споре за Элладу: варвары покоряют греков // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 243–289.
30. *Фролов Э.Д.* Явление федерализма в политической жизни античной Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. СПб., 2008. С. 13–22.

References

1. *Abramzon M.G.* Klad gemidraxm Axejskogo soyuza iz Dioskuriady' // Vestnik drevnej istorii. 2005. № 1. S. 63–66.
2. *Baxshiev I.I.* Problema vzaimootnoshenij Axejskoj ligi i E'tolijskogo soyuza (k voprosu o politicheskom separatizme drevnix grekov) // Ot drevnosti k novomu vremeni: (Probl. Istorii i arxeologii). Vy'p. 9. Ufa, 2006. S. 61–64.
3. *Belikov A.P.* Problema Axejskoj vojny' 146 g. do n. e'. // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Social'no-gumanitarny'e nauki. Vy'p. 4. Stavropol', 1996. S. 49–57.
4. *Vlasyukov S.Yu.* E'tolijskij soyuz e'llinisticheskogo vremeni (social'no-e'konomicheskie otnosheniya i politicheskaya organizaciya): dis. ... kand. ist. nauk. M. 1991. 323 s.
5. *Vlasyukov S.Yu.* E'tolijskoe narodnoe sobranie // Antiquitas aeterna. Vy'p. 1. Kazan' i dr., 2005. С.107–121.

6. *Koshelenko G.A.* Greciya v E'llinisticheskuyu e'poxu // E'llinizm: e'konomika, politika, kul'tura / *Otv. red. E.S. Golubczova.* M.: Nauka, 1990. С. 141–185.
7. *Nikitina I.P.* O forme gosudarstvennogo ustrojstva v Axejskom soyuze // *Politicheskaya organizaciya i pravovy'e sistemy' za rubezhom: istoriya i sovremennost'.* Sverdlovsk, 1987. S. 19–30.
8. *Sivkina N.Yu.* «Obshnij vrag» e'llinskoj ligi v 222–220 gg. do n. e'. // *Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy': antichnost', Srednie veka, Novoe vremya.* Vy'p. 2. Arzamas, 2004. S. 159–164.
9. *Sivkina N.Yu.* Dva e'tolijskix rejda v Peloponnes nakanune Soyuznicheskoy vojny' 220–217 gg. do n. e'. // *Vestnik drevnej istorii.* 2003. № 3. S. 140–150.
10. *Sivkina N.Yu.* Incident v Kinefe // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* Vy'p. 1. N. Novgorod, 2002. S. 32–39.
11. *Sivkina N.Yu.* Social'naya bor'ba v Messenii v konce III v. do n. e'. // *Iz istorii antichnogo obshhestva.* Vy'p. 7. N. Novgorod, 2001. S. 119–130.
12. *Sivkina N.Yu.* Social'ny'j faktor politicheskoy bor'by' v grecheskix gosudarstvax konce III v. do n. e'. // *Antichnaya istoriya i klassicheskaya arxeologiya.* Vy'p. 2. M., 2006. S. 138–153.
13. *Sivkina N.Yu.* E'llinskaya liga 224 g. do n. e'. kak instrument podchineniya Grecii // *Iz istorii antichnogo obshhestva.* Vy'p. 13. N. Novgorod, 2010. S. 125–140.
14. *Sizov S.K.* Arkadiya i Axejskij soyuz v 40–30-x godax III v. do n. e'. // *Iz istorii antichnogo obshhestva.* Gor'kij, 1986. S. 50–65.
15. *Sizov S.K.* Nachalo politicheskoy deyatel'nosti Arata: osvobozhdenie Sikiona // *Problemy' politicheskoy istorii antichnogo obshhestva.* L., 1985. S. 105–115.
16. *Sizov S.K.* Axejskij soyuz. M.: Prometej, 1989. 170 s.
17. *Sizov S.K.* Voennaya organizaciya i voennaya reforma v Axejskom i Beotijskom soyuzax (III–II vv. do n.e'.) // *Vlast' i obshhestvo v antichnosti: mat-ly' mezhdunar. konf. antikovedov SPbGU.* SPb., 2001. URL: www.centant.pu.ru/index.html./centrum/publik/confcent/2001-03/sizov_d.htm.
18. *Sizov S.K.* Zagadochny'j rasskaz Pavsaniya o vojne v Peloponnese v seredine III v. do n. e'. *Obzor diskussii i popy'tka interpretacii* // *Vestnik drevnej istorii.* 2011. № 3. S. 123–140.
19. *Sizov S.K.* Istochniki popolneniya gorodskoj i federal'noj kazny' v polisax e'llinisticheskoy Beotii // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* N. Novgorod, 2011. Vy'p. 6 (1). S. 238–244.
20. *Sizov S.K.* O prichinax rasczveta federativny'x gosudarstv v e'llinisticheskoy Grecii // *Vestnik drevnej istorii.* 1992. № 2. S. 72–86.
21. *Sizov S.K.* Prava enktesis i epigamia v federacijax e'llinisticheskoy Grecii // *Antichny'j mir: Problemy' istorii i kul'tury': sb. st. / Pod red. I.Ya. Froyanova.* SPb.: Izd-vo SPbGU, 1998. S. 209–235.
22. *Sizov S.K.* Religiozny'j aspekt federalistskix ob'edinenij Grecii e'llinisticheskogo perioda // *Iz istorii antichnogo obshhestva: sb. nauch. tr. Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo.* Vy'p. 9/10. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. un-ta, 2007. S. 284–295.
23. *Sizov S.K.* Sekretari v federacijax e'llinisticheskoy Grecii // *Iz istorii antichnogo obshhestva: mezhvuz. sb.* Vy'p. 6. N. Novgorod, 1999. S. 112–134.
24. *Sizov S.K.* Tajnaya diplomatiya v gody' Kleomenovoj vojny' // *Iz istorii antichnogo obshhestva.* Gor'kij, 1988. S. 58–71.

25. *Sizov S.K.* Federalizm i religiya v e'llinisticheskoy Grecii // Iz istorii antichnogo obshhestva. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2007. S. 264–285.
26. *Sizov S.K.* Federal'noe sobranie v soyuze akarnanov (III–II vv. do n. e'.) // Iz istorii antichnogo obshhestva. Vy'p. 13. N. Novgorod, 2010. S. 106–124.
27. *Sizov S.K.* Federativnoe gosudarstvo e'llinisticheskoy Grecii: E'tolijskij soyuz / Nizhegorodskij gosudarstvenny'j un-t im. N.I. Lobachevskogo. N. Novgorod, 1990. 80 s.
28. *Sizov S.K.* Federativnye gosudarstva e'llinisticheskoy Grecii: Axejskij i E'tolijskij soyuzy: dis. ... dokt. istor. nauk. SPb., 1993. 659 s.
29. *Tomkarov V.N.* Rim i Makedoniya v spore za E'lladu: varvary' pokoryayut grekov // Antichnaya civilizaciya i varvary'. M., 2006. S. 243–289.
30. *Frolov E'.D.* Yavlenie federalizma v politicheskoy zhizni antichnoj Grecii // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. SPb., 2008. Vy'p. 7. S. 13–22.

I.V. Vasin

Greek Unions Hellenistic Period in Reflection of Modern Russian Historiography (1980–2010)

The article gives a detailed analysis of modern Russian historiography, which is devoted to research on the Achaean and Aetolian Leagues of the Hellenistic period. Based on the review of the historiography, it is possible to present the main features of the federal states of the Hellenistic Greece. Russian antique historiography is increasingly drawn to the problems of development of the Hellenistic federations and mostly views the development of the federal states in the Hellenistic Greece as positive experience of political development of the Hellenes.

Keywords: Achaean League; Aetolian League; federation; historiography; Hellenistic period.

Р.В. Фурцев

Техника противовесов как элемент поддержания баланса сил в системе итальянских государств второй половины XV века

В статье анализируются вопросы развития политических взаимоотношений между государствами Апеннинского полуострова во второй половине XV века. Сложившаяся в тот период система политического равновесия поддерживала баланс сил и интересов между пятью державами Италии и таким образом позволяла избегать крупномасштабных военных конфликтов на полуострове вплоть до начала Итальянских войн. Особое внимание уделено рассмотрению механизмов поддержания равновесия внутри системы наряду со внешними факторами, влиявшими на политическую ситуацию в Италии.

Ключевые слова: Италия; политическая система; равновесие; лига; экспансия.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Вторая половина XV века стала важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В этот период изменяются границы, складываются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Для государств Апеннинского полуострова это время отмечено формированием своеобразной политики сдержек и противовесов, направленной на установление мира в уставшей от бесконечных междоусобиц Италии. В историографии этот уникальный для Средневековья опыт получил название «итальянской системы равновесия», отправной точкой которой стало создание в 1454–1455 годах Итальянской лиги в составе Милана, Венеции, Флоренции, Неаполя и Святого престола. Главным механизмом функционирования этой системы служили противостоящие друг другу двойственные и тройственные союзы, заключаемые итальянскими державами в рамках лиги. Такие альянсы сдерживали территориальные и властные амбиции соперников, ограничивали во времени и в пространстве войны, если до них доходило дело, и тем самым в значительной степени содействовали поддержанию баланса сил в Италии.

Как и прежде, для государств полуострова существовали лишь две альтернативы: или полная изоляция итальянской политики, или же сотрудни-

чество с внешними державами, включая и обращение к ним за содействием. Хитрость политиков, искусство дипломатии, юридические тонкости — все это элементы сложной игры, с помощью которой участники политического процесса стремились получить какую-либо выгоду в запутанной итальянской ситуации или же просто сохранить свою территориальную целостность. Если ориентироваться на принципы, положенные в основу пакта о создании лиги, то может сложиться впечатление, что контрагенты были нацелены на реализацию антифранцузской политики и создание самодостаточной замкнутой системы. Однако это было не совсем так. Изоляция итальянской политики — это только один из возможных критериев, который к тому же был подвержен мутациям по мере изменения политического положения. Ни одному из государств полуострова не принадлежала монополия на идею о достижении баланса сил: она порой поддерживалась всеми, а иногда и вообще никем, в зависимости от обстоятельств и невзирая на взятые на себя ранее обязательства по конкретным вопросам. Это триумф техники противовесов в чистом виде, и нет смысла искать в вытекающем из нее поведении политических игроков какие-либо общие принципы.

Слабым звеном итальянской системы являлось Неаполитанское королевство. Как из-за характера проводимой Арагонской династией политики, так и по причине внутренней структуры государства и тесных связей с Испанией. Экспансионистская политика Альфонса I, а затем и его сына Ферранте, в корне уничтожила всякую пользу от создания лиги. Во время долгого правления Ферранте еще больше обострились недостатки и проблемы, существовавшие в королевстве. Начиная с вопроса о легитимности действующей монаршей власти и заканчивая местной особенностью — перманентными феодальными мятежами. Южная Италия была регионом, где, несмотря на усилия короля по централизации государственного управления, все очевиднее проявлялись признаки политической дезорганизации.

Кроме того, на положение в Неаполитанском королевстве значительно влияли факторы отсутствия промышленного сектора в экономике страны, слабости ремесленничества и прежде всего нехватки финансово крепкого купеческого сословия бюргерского происхождения. Торговля и финансовые операции находились в руках флорентийцев и венецианцев. Сильное экономическое влияние обеих республик практически не позволяло арагонским монархам развернуть в полной мере ту властную политику, о которой они всегда мечтали. Данное обстоятельство предопределяло их враждебное отношение к Венеции и Флоренции в попытке освободиться от этой удушающей экономической опеки. Именно экономические интересы в Средиземноморье порождали жесткое соперничество Неаполя с обеими республиками, которое прекратилось, если можно так сказать, только благодаря усилению турецкого давления, что и обусловило изменение тенденции. Ведь серьезность осман-

ской угрозы беспокоила и Венецию, и Неаполь. Султан Мехмед II даже попытался сблизиться с Ферранте, надеясь на его антивенецианские чувства. Но король ясно отдавал себе отчет в том, что вероятный альянс с турками против республики Святого Марка в тех условиях будет иметь далеко идущие последствия. Способствуя росту турецкого могущества в Средиземноморье в ущерб Венеции, Ферранте наверняка стал бы следующей жертвой своего нового союзника. Проницательность арагонца сказалась как раз в том, что он предпочел достижение договоренности с Венецией сиюминутным выгодам от альянса с турками [9: с. 248–249]. А высадка же османской армии в Отранто в 1480 году дала толчок к сближению Неаполя с другой вечной соперницей — Флоренцией. Итак, необходимость сдерживания турецкой экспансии побудила вчерашних противников искать взаимоприемлемые компромиссы. Следовательно, в течение пары десятилетий политика неаполитанского двора прошла путь от стремления к гегемонии до идеи сохранения статус-кво.

Нестабильность неаполитанской монархии вытекала также и из особых отношений вассалитета, связывавших ее с церковью. Папы претендовали не только на признание себя в качестве источника королевской власти, но и на право вмешательства во внутреннюю политику государства, в чем их охотно поддерживали бароны. Это являлось серьезным ограничением, а в некоторых случаях даже отрицанием самого понятия о суверенной монаршей власти. В плане властных отношений позицию Рима касательно Неаполя можно свести к следующему: неаполитанский король должен был обладать достаточной силой, чтобы обеспечивать защиту Святого престола прежде всего от угрозы со стороны Османской империи, но одновременно не быть слишком могущественным, дабы не представлять опасности для самого папства.

В своем противостоянии римской курии Ферранте регулярно получал поддержку от миланских правителей из семейства Сфорца, опасавшихся усиления власти понтифика и возможных политических осложнений вследствие ослабления Неаполитанского королевства. И в целом можно сказать, что сформировавшаяся ось Милан — Неаполь успешно функционировала в решении широкого круга вопросов, хотя такое сотрудничество формально не нашло своего отражения в каком-либо специальном соглашении. Это взаимодействие брало свое начало из общности интересов обеих династий относительно признания и консолидации их власти, главным образом ввиду французских притязаний [5: с. 165].

Тезис о том, что итальянское равновесие покоилось не столько на всеобщей упорядоченной системе, сколько на отдельных соглашениях, выражавшихся в противостоящих друг другу и легко взаимозаменяемых в зависимости от ситуации альянсах, в сущности говоря, верен. Однако этого недостаточно для прояснения всего комплекса политических проблем и стратегий, имевших место в Италии в конце XV века. Двойственные и тройственные союзы, так

или иначе, очень часто включали в себя и иностранных участников, влияние которых прямо либо косвенно сказывалось на положении отдельных коалиций. Например, тройственному союзу Флоренции, Милана и Венеции, заключенному в ноябре 1474 года, противостоял альянс Рима и Неаполя февраля 1475 года. Но оба блока не были статичными элементами. Ведь неаполитанский монарх развернул обширную брачную политику, посредством которой завязал родственные узы с Феррарой, Венгрией и Арагоном. Смотря по обстоятельствам, матримониальная политика могла изменять или поддерживать баланс сил.

Беспокойство за сохранение статус-кво в Италии усилилось в 1461 году, когда турки разгромили Персию, долгое время служившую надежным противовесом Османской империи. Венеция издавна считала персов важным фактором ради отвлечения Турции от агрессии на западном направлении. Поражение Персии и последующая оккупация Трабзонда побудила республику Святого Марка сконцентрировать все внимание на событиях на Востоке и, следовательно, на обеспечении безопасности тыла на Апеннингах [7: с. 373].

Бургундия Карла Смелого являлась одним из ведущих игроков европейской политики в 60–70-х годах XV века и важным элементом для стабилизации итальянского равновесия, осуществляя функцию противовеса относительно Франции. В этом смысле государства полуострова были заинтересованы в поддержании дружественных отношений с герцогом. Однако был момент, когда Бургундия, казалось, пойдет по иному пути. Речь идет о подписанном 14 октября 1468 года Пероннском трактате между Людовиком XI и Карлом Смелым [3: с. 394]. Этот договор представлял собой настоящую опасность для итальянской системы, ибо Франция, придя к соглашению с Бургундией, освобождалась таким образом от угрозы с северного и восточного флангов, сковывавшей ее политику на других направлениях. Очевидно, что, имея врага в лице Бургундии, Франция не смогла бы предпринять в Италии ни одной крупной операции, а с Пероннским трактатом Людовик XI фактически приобретал свободу действий на полуострове.

Первой по этому поводу забеспокоилась Венеция и поспешила принять контрмеры: она предложила Карлу Смелому заключить союз [7: с. 507–508]. Чем больше портились ее отношения с французским королем, тем больше республика ощущала потребность опереться на бургундского герцога. К тому же в тот период к политическим разногласиям добавились еще и экономические трения из-за ряда мер французской короны, направленных на ограничение венецианской торговли. Отсюда и вытекала жизненная необходимость для Венеции возродить былое соперничество между Францией и Бургундией. Главная суть ее предложений сводилась к следующему: республика оказала бы содействие герцогу в случае, если он был бы атакован каким-либо итальянским государством, в то время как Карл должен был помочь Венеции, если

она в Италии подвергнется нападению со стороны иностранной державы. В реальности случаи, предусмотренные соглашением, выглядели следующим образом: или агрессия Милана против Бургундии в поддержку аналогичной акции Людовика XI, или конфликт между Венецией и Миланом, или же нападение Франции на Венецию либо на ее союзницу Савойю. В последних двух случаях договор практически способствовал сохранению статус-кво на севере полуострова. В самом деле, начиная с 1468 года в Северной Италии сложилась типичная ситуация цепного равновесия по принципу: мой сосед — мой враг, но сосед моего врага — мой друг. Иными словами, Венеция находилась в антагонизме с Миланом, но в согласии с Савойей, враждебной Милану, который, в свою очередь, на тот момент был союзником Франции.

Страхуясь от всевозможных опасностей извне, Ферранте также вынашивал проект заключения альянса с Карлом Смелым. В итоге соглашение было подписано в ноябре 1471 года в Сент-Омере. Вскоре к нему присоединился и Хуан II Арагонский. Итак, складывается тройственный союз антифранцузской направленности, с помощью чего поддерживается баланс сил уже общеевропейского масштаба [9: с. 173]. Актуальность этого союза объяснялась еще и необходимостью уравновесить в Италии профранцузскую позицию Флоренции. Помимо этого в его основе лежали и экономические мотивы. По примеру франко-флорентийских торговых взаимосвязей Неаполь начал выстраивать свои хозяйственные отношения с Бургундией. В договоре стороны условились об особых таможенных льготах для экспорта неаполитанских товаров на территорию герцогства. В свою очередь, Ферранте предоставил Карлу займы и субсидии, чем вызвал недовольство Людовика XI. Между тем протекавшие параллельно переговоры между Венецией и Бургундией вступили в завершающую фазу, и в июне 1472 года в Руайе на основе инструкций, данных Сенатом венецианскому послу Бембо, был подписан двусторонний договор [9: с. 175–177].

Таким образом, и в этот период со всей очевидностью обозначился тот факт, что итальянская система отнюдь не была изолирована. Посредством соглашений, заключенных в Сент-Омере и Руайе, определенные государства полуострова оказались связанными, пусть и в различной степени, с Бургундией. А Карлу Смелому удалось сформировать на Апеннингах надежный противовес Людовику XI и косвенно Милану и Флоренции, тяготевшим к Франции. Следовательно, в итальянском равновесии роль балансировщиков играли не только внутренние, но и внешние элементы, а сама система, так сказать, вышла за пределы полуострова, фактически включив в себя и внеитальянские силы, что, в свою очередь, содействовало поддержанию равновесия в более широких границах. Со своей стороны, апеннинские государства выступали в функции вспомогательных элементов в большом соперничестве между Францией и Бургундией.

До 1472 года политика Карла Смелого почти всецело была обращена в сторону Франции. Затем герцог в поисках союзников в противостоянии Людовику XI обратил свой взор на восточного соседа — Священную Римскую империю. Сближение между Фридрихом III Габсбургом и правителем Бургундии могло представлять для Италии большую опасность, ибо император вследствие брака своего сына Максимилиана и дочери Карла Марии мог рассчитывать на получение огромного бургундского наследства, приобретая тем самым достаточные ресурсы для возобновления имперской политики господства на севере полуострова. Это обстоятельство больше всего тревожило миланского правителя Галеаццо Мария Сфорца, боявшегося, что альянс двух держав одной из целей будет иметь возвращение Милана в имперскую систему без всяких гарантий для дома Сфорца. Для миланской династии, не обладавшей императорской инвеститурой, вновь во всей остроте обозначилась старая проблема легитимности власти.

Фридрих III и Карл Смелый в марте 1473 года собрались в Трире для проведения политических консультаций. Однако встреча на высшем уровне проходила под знаком неопределенности конечных целей: было неясно, к чему в итоге стремятся оба участника [1: с. 149–150]. Но одно было совершенно точно: пока некоторые государства полуострова опасались сближения двух государей в ущерб себе, другие, в первую очередь Венеция, видели в этих переговорах возможность изменить итальянское равновесие в свою пользу. Позиция апеннинских государств относительно трирского саммита независимо от его результатов демонстрирует, насколько в Италии было распространено убеждение, что изменение статус-кво могло быть вызвано как раз соглашениями между европейскими державами, а Италия служила скорее ставкой в большой политической игре. Отсюда и двойственное отношение: или дипломатическими методами пытаться сорвать такие договоренности или же бдительно наблюдать за их осуществлением, дабы в нужный момент извлечь для себя выгоду.

Данная ситуация, разумеется, весьма заботила Людовика XI, и его реакция не заставила себя долго ждать. В период с марта по август 1474 года все враги Карла Смелого по инициативе французского короля объединились в Констанцскую лигу. Герцог ответил на этот маневр попытками вовлечь Англию в борьбу против Франции. Одновременно под давлением Людовика XI Милан, Флоренция и Венеция заключили 2 ноября того же года очередной союз [7: с. 97].

Тем не менее процесс сближения Карла Смелого с Габсбургами неуклонно развивался, хотя герцог в теории продолжал сохранять верность Сент-Омерскому трактату. Причины такого поворота стоит поискать в военных неудачах Карла и главным образом в той серьезной угрозе, которую представляла для него антибургундская коалиция во главе с Францией и швейцарскими

кантонами. Брак дочери герцога и Максимилиана Габсбурга как раз закреплял новый политический курс.

В свою очередь, швейцарцы, заключив с императором мир 6 апреля 1474 года, отказались от многовековой борьбы против Габсбургов и словно в компенсацию за невозможность территориального расширения на восток обратили свой взор на пограничные итальянские земли, принадлежащие Милану. Кантоны Ури, Швиц и Унтервальден стремились обеспечить себе контроль над Сен-Готтардом и завладеть долиной Тичино. Такие поползновения, естественно, вызывали противодействие Милана, который перед лицом угрозы с севера в январе 1475 года заключил альянс с традиционным врагом кантонов — Бургундией. Как видно, ситуация была порядком запутана. Бургундия являлась как бы тем стержнем, вокруг которого вращалось множество элементов сложной игры, где действующими лицами выступали, в частности, и некоторые итальянские государства (Милан, Венеция, Неаполь) в роли участников различных коалиций общеевропейского уровня. Причем этот процесс сопровождался постепенным разложением итальянской системы.

После гибели Карла Смелого в битве при Нанси 5 февраля 1477 года исчезло одно из ключевых звеньев европейского равновесия, что мгновенно отразилось на расстановке сил. Венеция тут же уловила грядущие изменения на внешнеполитическом фронте. В тот момент республика пребывала в тройственном союзе с Миланом и Флоренцией, направленном против Неаполя и Рима. Впрочем, Милан и Флоренция были дружественно настроены по отношению к Людовику XI и не отважились бы совершить против него никаких действий — даже в защиту своей союзницы. Поэтому после исчезновения противовеса в лице бургундского герцога у Франции имелись все предпосылки для активизации своей итальянской политики. Сознывая, что в сложившихся условиях будет невозможно успешно сопротивляться устремлениям короля на Италию, Венеция изменила свою позицию и решила предпринять шаги навстречу Людовику XI [7: с. 97–98]. Во Францию был отправлен посол Доменико Градениго, которому были даны подробнейшие инструкции по ведению переговоров, включая даже тон, который дипломат должен был соблюдать в ходе бесед. Консультации затянулись надолго. Спорные пункты касались прежде всего принципа взаимности по неоказанию помощи агрессорам одного из контрагентов и сохранения тройственного альянса республики с Миланом и Флоренцией, заключенного 2 ноября 1474 года, на котором в определенном смысле зиждилось спокойствие на полуострове. Наконец, 9 января 1478 года в Туре был подписан франко-венецианский договор [3: с. 18], вследствие чего влияние Людовика XI в Италии возросло еще больше. Французский монарх имел теперь все шансы превратиться в арбитра внутриитальянских разногласий [7: с. 115].

Не стоит забывать и о постоянном присутствии Испании в итальянской политике в рассматриваемый период. Необходимо всегда учитывать, что и

в Арагоне, и в Южной Италии, начиная с середины XV столетия, у руля власти находилась одна и та же династия: в Барселоне правил Хуан II, а в Неаполе — его старший брат Альфонс I. После смерти последнего Неаполь, как уже говорилось выше, перешел к его сыну Ферранте, а Сардиния и Сицилия — к Хуану II. Таким образом, Арагонская династия имела непосредственное отношение к происходившим в Италии событиям. В политике обоих монархов превалировало своего рода семейное согласие. Почти с той же степенью интенсивности, с которой Ферранте пытался расширить собственные владения на полуострове, Хуан II вмешивался в итальянские дела. Политическая взаимосвязь Испании и Италии объяснялась не только родственными узами государей, но и экспансионистским характером арагонской политики в Средиземноморье. Одним из проявлений постоянного интереса Арагона к итальянским событиям стал пакт, заключенный 13 марта 1478 года между Хуаном II, папой, Ферранте, Миланом, Феррарой, Флоренцией и Сиеной. Цель соглашения — поддержание статус-кво на Апеннингах [8: с. 255]. Активную итальянскую политику после смерти Хуана II в 1479 году продолжил и его преемник Фердинанд I Католик.

Османская империя также являлась одним из факторов в сложной технике противовесов итальянской системы. Несмотря на географическую удаленность и значительно меньшее участие в западноевропейской политике, она, в отличие от других держав, обладала наибольшим устрашающим эффектом. По отношению к ней позиция западных стран колебалась между идеей организации крестового похода и примирением, между открытой враждой и заигрыванием. Но из-за своей высокой степени опасности турки могли выступать в качестве вспомогательного элемента в определенных обстоятельствах, а именно в том случае, когда обычные средства оказывались не в состоянии эффективно функционировать. Больше всего в такой политической игре были заинтересованы Венеция и Неаполь. Но и другие итальянские государства и даже некоторые представители римской курии были не прочь воспользоваться турецкой помощью.

Прослеживалась определенная взаимообусловленность между политикой Венеции в Италии и ее взаимоотношениями с Османской империей: в зависимости от силы турецкого давления на Востоке республика стремилась к поддержанию статус-кво на полуострове или, наоборот, пыталась изменить его. В свою очередь, положение дел на Апеннингах обратно влияло на отношения Венеции с Турцией. В том смысле, что всякий раз, когда в Италии устанавливается ситуация равновесия, республика проводит более энергичную восточную политику. И, напротив, когда на полуострове для нее вырисовывается прямая угроза, она ищет примирения с традиционным врагом на Востоке. В течение 16 лет, с 1463-го по 1479 год, Венеция была вовлечена в долгий конфликт с турками, характеризовавшийся различными по степени интенсивности военными фазами. Данное об-

стоятельство не позволяло ей в полную силу участвовать в итальянских событиях и вынуждало ее поддерживать статус-кво. Поэтому можно смело утверждать, что напряженность в венециано-турецких отношениях способствовала поддержанию баланса сил на полуострове. Такая ситуация объясняет многие вещи, в том числе и, в целом слабый, энтузиазм касательно идеи проведения крестового похода, начиная со времен Пия II [6: с. 87–88].

Восточная политика Неаполитанского королевства, включавшая в себя довольно широкую гамму интересов на Балканах, после падения Константинополя в 1453 году постепенно ослабевала, перейдя из фазы динамики в статичное состояние. В последующие годы она ограничивалась поддержкой албанцев Георгия Кастриота и мелких деспотов Греции. Но затем, с учетом возросшей мощи новой державы и невозможности сконцентрировать силы европейских стран для борьбы с ней, всякое противодействие со стороны Неаполя прекратилось. К концу XV века неаполитанские правители рассматривали Османскую империю уже как элемент противовеса в отношении своих соперников в Италии, особенно Венеции, что, впрочем, было аналогично действиям самой Республики Святого Марка касательно Неаполя.

Одним из эпизодов, сыгравших поистине определяющую роль в хитро-сплетениях итальянской политики, стала высадка турецкой армии в апулийском Отранто в 1480 году. Этот рейд со всей окружавшей его атмосферой ужаса и страха пришелся как нельзя кстати правительствам государств полуострова, поскольку он был способен сдерживать амбиции Ферранте и затормозить экспансию Неаполя. Многие надеялись извлечь немалые выгоды из бедствия, обрушившегося на голову неаполитанского короля. Дело в том, что турецкая операция хоть и не была настолько масштабной, чтобы представлять опасность для всего полуострова, однако великолепно годилась для того, чтобы служить Ферранте источником постоянного беспокойства и сковывать его силы.

В частности, Рим усматривал в османском присутствии в Отранто благоприятный случай, дабы раз и навсегда решить проблему упорства Ферранте относительно вопроса признания феодальных прав церкви на Южную Италию. Так, в начале ноября 1480 года Джироламо Риарио, племянник папы Сикста IV и весьма влиятельный человек в курии, являвшийся автором многих смелых инициатив по поддержанию мира в Италии, предложил венецианскому послу в Риме Закарии Барбаро объединить силы республики и папства и напасть на Неаполь [4: с. 730]. Но Совет десяти ответил отрицательно, указав, что из подобной акции произошел бы «невероятный вред для всей Италии с несмываемым позором для Святого престола». Данное высказывание крайне любопытно, поскольку дает ответ на извечный вопрос, а не являлась ли Венеция зачинщиком турецкой операции в Апулии. Тем не менее большинство итальянских государств, включая Республику Святого Марка, виде-

ли в ограниченном присутствии турок на юге полуострова один из элементов поддержания баланса сил на Апеннингах.

Меньшим по своим масштабам, но совсем немаловажным было участие Венгрии в итальянской политике. Прежде всего во время правления Маттеуса Корвина венгерское вмешательство в итальянские дела возросло многократно. Его целью было изолировать Венецию, в которой король видел препятствие своей экспансионистской политике в Далмации. Родственные узы, с 1476 года связывавшие Маттеуса с Арагонской династией в Неаполе, способствовали выработке единства мнений обоих государей, в особенности по проблеме обуздания Венеции. С этого периода Венгрия начинает осуществлять функцию антивенецианского противовеса, оказывая давление на восточных границах республики.

Внутриполитические кризисы в итальянских государствах, в первую очередь различные заговоры, также влияли на расстановку сил в Италии в целом. Государства нередко плели друг против друга интриги и провоцировали комплоты. Но не всегда с целью вызвать открытую вражду, а скорее чтобы, действуя тихой сапой, вмешиваться во внутренние дела соперников, стараясь подорвать политическую стабильность, дабы тем самым ослабить их. Отсюда и проистекала поддержка заговоров и феодальной анархии. Иногда по чисто политическим мотивам, а временами немалую роль играли и экономические причины.

Так, во Флоренции оппозиционные Медичи силы главным образом опирались на Венецию, Модену и анжуйцев [9: с. 239]. Впрочем, семейство Аччайуоли пыталось привлечь к борьбе с Медичи еще и неаполитанского короля [2: с. 89]. Следовательно, и заговор Пацци 1478 года не должен рассматриваться как исключительно внутрифлорентийское событие. Он являлся частью широкого международного плана, направленного против правительства республики, первопричиной чего стала экспансионистская политика папы Сикста IV в пользу своих племянников Джироламо Риарио и Джулиано делла Ровере. Амбиции понтифика и его nepotы были устремлены на захват ряда городов Романьи и Умбрии ради создания на этих территориях собственного государства. Флоренция, чувствуя себя уязвимой, в 1474 году вступила в тройственный альянс с Венецией и Миланом, которому противостоял союз Рима и Неаполя 1475 года. Таким образом, равновесие было гарантировано. И как раз из-за того, что в плане наступательных и оборонительных коалиций ситуация не могла никак поменяться, в действие вступил механизм организации заговора. В своей непотистской политике Сикст IV получал финансовую поддержку от семейства Пацци, а значит, был склонен поощрять захват ими власти в тосканской столице в ущерб Медичи.

Кольцо вокруг Медичи сжималось все больше. В мае 1478 года к папе и неаполитанскому королю присоединилась Сиена, чему предшествовала провальная операция Лоренцо Медичи против этой республики. Момент для заговора был выбран крайне удачно, потому что союзники были не в состоянии

оказать Флоренции своевременную, эффективную помощь, ибо Венеция была втянута в очередное противостояние с турками, а в Милане разразился кризис власти после убийства Галеаццо Марии. Поэтому наряду с действиями заговорщиков внутри города планировалась и одновременная акция папских войск извне.

После провала заговора вспыхнула открытая война между Флоренцией и союзом Рима и Неаполя, завершившаяся сенсационным миром, подписанным напрямую между Флоренцией и Неаполем. В 1480 году результат всех этих операций выглядел следующим образом: 25 марта заключается вышеупомянутый договор между Лоренцо и Ферранте, за которым логически последовало сближение между папой и Венецией, оформленное в виде очередной лиги, куда вступил также и Рене Лотарингский, наследник анжуйских притязаний на Неаполь. А Милан вместе с Феррарой в июле того же года присоединился к альянсу Флоренции и Неаполя. Итак, политическая ситуация в Италии снова оказалась сбалансирована посредством двойственного (Венеция, Рим) и тройственного (Флоренция, Неаполь, Милан) союзов, к которым добавлялись соответственно Лотарингия и Феррара. Таким образом, равновесие, пошатнувшееся было вследствие событий вокруг Флоренции, вновь обеспечивалось не при помощи всеобщей системы регулирования, а через отдельные соглашения, что влекло за собой формирование двух противостоящих групп, равных по своему политическому и военному весу. Кроме того, в данном конкретном случае в один из альянсов входит еще и внеитальянский элемент — Лотарингия [8: с. 259].

Совершенно очевидно, что отдельные союзы де-факто уравнивали друг друга, ибо заключение одного альянса неизменно давало толчок к образованию противостоящей ему коалиции. Такие союзы пытались воспрепятствовать властной экспансии государств полуострова и превращению одного из них в гегемона — тот идеал, который неоднократно дисгармонировал с экспансионистскими устремлениями отдельных итальянских держав. Но как бы то ни было система итальянских государств начинает медленно разрушаться — как по причине внутренних изменений, так и из-за все более возрастающего иностранного вмешательства. Компоненты системы объединяются лишь на временной основе и в силу самих обстоятельств стремятся стать элементами более широких коалиций и блоков, неизбежно становясь частью будущей системы европейских государств, которая с трудом начинает складываться как раз в этот период.

Литература

1. *Cusin F.* Impero, Borgogna e politica italiana//Nuova rivista storica, XIX. Roma, 1935. P. 135–159.

2. *Delabourde H.F.* L'expédition de Charles VIII en Italie. Histoire diplomatique et militaire. Paris: Furmin-Didot, 1888. 652 p.

3. *Dumont J.* Corp universel du droit des gens. Т. III. P. II. La Haye, 1728. 481 p.
4. *Egidi P.* La politica del regno di Napoli negli ultimi mesi dell'anno 1480 // Archivio storico per le province napoletane, XXXV. Napoli, 1910. P. 725–739.
5. *Ilardi V.* The Italian League, Francesco Sforza and Charles VII (1454–1461) // Studies in the Renaissance 6. London, 1959. P. 109–162.
6. *Lopez R.* Il principio della guerra veneto-turca nel 1463 // Archivio Veneto. XV. Venezia, 1934. P. 76–92.
7. *Perret P.* Histoire des relations de la France avec Venise du XIII siècle a l'avene-ment de Charles VIII. V. 2. Paris, Welter, 1896. 398 p.
8. *Pontieri E.* L'eta dell'equilibrio politico in Italia (1454–1494). Napoli: Einaudi, 1969. 305 p.
9. *Pontieri E.* Ferrante d'Aragona re di Napoli. Napoli: Libreria Scientifica Editrice, 1969. 267 p.

R. V. Furtsev

**Technique of Balances as Part of Maintaining the Balance of Power
in the System of Italian States in the Second Half of 15th Century**

The article analyzes the issues of political relations between the states of the peninsula in the second half of the XV century. Developed in the mechanics of the political balance of forces and maintain a balance of interests between the five nations of Italy, and thus allows to avoid large-scale military conflict on the peninsula until the beginning of the Italian Wars. Particular attention is paid to the mechanisms for maintaining equilibrium in the system along with the foreign factors influencing the political situation in Italy.

Keywords: Italy, the political system, balance, league, expansion

А.А. Манухин

К вопросу о характере двусторонних отношений США и России в начале 2000-х годов

В статье рассматриваются корни напряженности, возникшей в российско-американских отношениях в первые годы XXI века. Дается оценка внешнеполитических концепций, разрабатывавшихся государственными институтами и академическими сообществами обеих стран в предшествовавшее десятилетие. Показано значение как реалистических, так и идейных факторов отчуждения.

Ключевые слова: Россия; США; конфликт; кризис; вовлечение.

Рубеж тысячелетий застал двух главных противников по «холодной войне» в качестве государств, существенно отличающихся по их месту в системе международных отношений. США являлись крупнейшей экономикой мира, возглавляли НАТО, динамично развивающийся военно-политический блок, который в 1999 году принял в свой состав Польшу, Чехию и Венгрию и готовился к дальнейшему расширению. Россия продолжала переживать болезненные последствия распада СССР и перехода к рыночной экономике, что резко снизило ее влияние на другие страны и военно-политическую обстановку по периметру своих границ.

Данные обстоятельства не могли не накладывать отпечаток на процессы осмысления приоритетов в двусторонних отношениях. Американскими независимыми и партийными экспертами утверждалось, что Россия «будет продолжать слабеть, причем не только в глобальном, но и в региональном отношении» [17: р. 68]. Вывод, который следовал из данного прогноза, был таким: не стоит придавать слишком большого значения каким-либо действиям России по наращиванию своей мощи. Однако дальнейшие практические рекомендации, которые делали на основе этих прогнозов аналитики каждой из партий, существенно различались.

Действующая администрация президента У. Клинтона и «мозговые центры» Демократической партии в основном продолжали следовать подходу по «вовлечению» (*engagement*) России в структуры однополярного, американоцентричного мира [14: с. 8]. Основой для данного курса была разработанная еще в начале 1990-х годов концепция «расширения демократии», автором которой являлся первый руководитель СНБ при Клинтоне Э. Лейк, яркий представитель такого течения в американской внешнеполитической мысли, как

«либерально-демократический идеализм». Эксперты-демократы предполагали, что к России применим тот же подход, что был использован в отношении ФРГ и Японии после Второй мировой войны [14: с. 8].

Что касается мнения представителей американского политического и научно-исследовательского истеблишмента, традиционно наиболее показательными в нашей стране считались взгляды З. Бжезинского. К слову, теперь они таковыми уже не являются, так как не вызывают в самих США большого резонанса. В середине 1990-х годов он сформулировал свое видение геополитического статуса России после «холодной войны» — как «черной дыры» Евразии. Россия потеряла способность выстраивать коалиции, направленные против США, так как главные потенциальные партнеры в этом направлении (Китай, Индия, Иран) «не готовы связать свою судьбу с нестабильной и слабой Россией» [5: с. 141]. Аналогично России не удастся создать блок с Германией и Францией, хотя она и может надеяться достичь этого за счет объективных трудностей, возникающих на пути к европейской интеграции и определению будущей модели НАТО [5: с. 142].

Во внешнеполитических планах демократов важное место занимало дальнейшее развитие сотрудничества, которое сложилось в 1990-е годы. Важную роль на протяжении 90-х годов играла деятельность Совместной российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству («комиссии Гор – Черномырдин»). Стратегия национальной безопасности США от 1999 года отмечала участие России в программе НАТО «Партнерство ради мира» с 1994 года, подписание Основополагающего акта о взаимных отношениях, партнерстве и безопасности в 1997 году и работу Совета Россия — НАТО, сотрудничество в рамках ОБСЕ, развитие «программы Нанна-Лугара» по финансированию утилизации сокращаемых российских ядерных арсеналов [19: р. 29–30].

Последнее порой фигурировало как приоритетная задача в отношениях с Россией. Ожидалось, что «неконтролируемый регионализм» на территории РФ, нарушение механизмов управления и коррумпированность ее армии могут привести к утечке ядерных материалов или даже несанкционированной политическими властями атаке [21: р. 55].

Такой пессимистический настрой дополнялся выводами о том, что экономики России и других бывших союзных республик все еще относятся к «переходным» в сторону рыночных. В политической системе подобных государств наблюдается усиление авторитаризма, сохраняются проблемы в области охраны окружающей среды, соблюдения прав человека, борьбы с преступностью и коррупцией [19: р. 32; 17: р. 69]. Эксперты-демократы рекомендовали больше финансировать программу сокращения ядерного оружия и безопасности российских ядерных объектов, перейти с не оправдавших себя кредитов на более эффективно работающие гранты [16: с. 222]. Большинство экспертов-демократов видели в России скорее пассивную, нежели активную угрозу для национальной безопасности США [2: с. 270].

Республиканские аналитики, отмечая те же негативные черты развития России, выносили прямо противоположные рекомендации. В ходе предвыборной кампании 2000 года неоконсерваторы из фонда «Наследие» представили в штаб Дж.У. Буша комплект предложений по внешней политике. Россия в нем рассматривалась как враг, стремящийся к восстановлению былой мощи. Подчеркивалось право США на развитие односторонней программы ПРО, поскольку Россия не могла считаться правопреемницей СССР в Договоре по ПРО 1972 года [16: р. 214].

Значительное место в докладах фонда на рубеже веков занимали оценки возможных действий России по установлению сферы исключительной ответственности на территории СНГ пересмотра границ [2: с. 309]. Данная перспектива рисовалась как республиканскими, так и демократическими экспертами, но именно республиканцы делали из нее наиболее однозначные тактические выводы. В рекомендациях для штаба Буша отмечалось, что Россию стоит лишить доступа к кредитам МВФ, обязать ее предоставить информацию о вооружениях и технологиях двойного назначения, проданных «государствам-изгоям», настаивать на «сохранении гражданского общества в странах СНГ» [16: с. 213]. В частности, корифей теории и практики американской дипломатии, один из «законодателей мод» среди приверженцев политического реализма, Г. Киссинджер писал, что Западу не следует «приближать границы НАТО вплотную к России» но «равным образом у Запада есть обязательство побудить Россию отказаться от своих намерений доминировать над соседями» [9: с. 70–71].

В России также происходила корректировка модели поведения в международных отношениях. Хронологически она была связана с приходом к руководству МИД команды Е.М. Примакова в 1996 году и прекращением попыток выстраивания «нового стратегического партнерства» со сверхдержавой. Новые внешнеполитические ориентиры предполагали «диверсификацию» международных отношений России, по словам А.Г. Арбатова, за счет дополнения активного сотрудничества с США и ЕС мерами по укреплению безопасности на постсоветском пространстве и «поиска друзей на Юге и Востоке» [1: с. 32, 37–39].

В практических шагах, которые стала предпринимать Россия на международной арене, особенное значение приобрели меры по укреплению отношений с Китаем и Ираном, в том числе и продажа последнему ядерных технологий, несмотря на сопротивление США и ЕС. Применительно к США российские эксперты предлагали использовать «стратегию выравнивания»: 1) поддержание постоянного диалога по контролю над вооружениями; 2) отстаивание свободы маневра России в вопросах о конфликтах близ ее границ; 3) четкое международно-правовое закрепление понятий «права человека» и «государственный суверенитет» (что было актуально после применения силы НАТО в Косовском конфликте); 4) избавление от финансовой зависимости от Запада; 4) расширение экономического сотрудничества с США [6: с. 27–28].

Во многом формирование более ясного представления о приоритетах в национальных интересах было обусловлено улучшением общего положения страны. Выход из экономического кризиса совпал с выходом из политического тупика 1998 – 1999 годов и консолидацией власти после перехода президентства к В.В. Путину. В этих условиях идеи экспертного сообщества нашли отражение в Концепции внешней политики России от 28 июня 2000 года [10].

Главным положением Концепции стало утверждение о многополярной природе современного миропорядка; этот тезис стал краеугольным камнем всей дальнейшей внешней политики страны вплоть до настоящего времени. Осуждалось стремление США к проведению односторонней внешней политики, исходя из их собственных представлений об однополярном характере мира [10]. Утверждалось, что ставка во всем на «западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН» может «дестабилизировать международную обстановку» [10]. Тем самым Россия заявляла о себе как о государстве с консервативной внешней политикой прежде всего в силу своего последовательного отстаивания прежней роли ООН, что диаметрально расходилось с тенденцией США на целенаправленное «размывание» понятия государственного суверенитета с приданием функций главного международного инструмента механизму «Большая семерка – НАТО». Российский «континентализм» противостоял американскому «атлантизму».

Непосредственным выражением таких ориентиров внешней политики России стало противостояние курсу США на закрепление «плюралистической однополярности», т. е. «доминирования небольшой группы наиболее развитых и мощных государств (преимущественно Запада) над остальным миром в форме обретения и удержания особых возможностей», причем для него характерно отсутствие жесткого деления мира на противостоящие друг другу блоки [15: с. 239–240].

Согласно американским прогнозам, в условиях нового миропорядка характер внутренней и внешней политики всех стран серьезно изменится. Государственные институты, как следовало из прогноза Национального совета по разведке от 2000 года, в долгосрочной перспективе будут все меньше способны контролировать потоки информации, распространение технологий, а также миграцию, эпидемии, локальные асимметричные военные конфликты. Задачей США должно стать создание «глобального компакта», ответственного за регулирование мировых процессов [17: р. 8–15].

Проблема заключалась в том, что Россия с самого окончания «холодной войны» весьма ограниченно участвовала в складывании и поддержании этого нового миропорядка, так как он мало отвечал ее долгосрочным интересам. С точки зрения американских стратегов, она попадала в разряд «сильных стран за пределами западного мира» (вместе с Китаем и Индией) [11: с. 27–29]. По мнению М. Макфола, тогдашнего члена Совета по международным отношениям, «даже при самом лучшем раскладе Россия в ближайшем будущем

вряд ли станет союзником США, полностью включенным в НАТО или другие структуры» [18: р. 314, 316].

Усиление наступательного компонента во внешней политике США после прихода к власти республиканцев создавало объективные сложности для российско-американских отношений. Краеугольным камнем оборонной стратегии США стало принятие Конгрессом Закона о национальной противоракетной обороне в 1999 году [7: с. 4–5]. Во многом оно обосновывалось концепцией «асимметричной войны»: основное внимание сосредотачивалось именно на «странах-изгоях», стремящихся к овладению ядерным оружием [12: с. 5; 14].

Место России в таком видении национальной безопасности США было глубоко тактическим. На встречах с В.В. Путиным летом 2001 года в Генуе и Любляне президент Буш заявил, что США «не считают Россию врагом» и намерены создать «новые стратегические рамки» [12: с. 48]. В то же время «Четырехгодовой оборонный обзор» от 30 сентября 2001 года отмечал, что «существует возможность для сотрудничества с Россией», поскольку она «не представляет крупномасштабной конвенциональной военной угрозы для НАТО» и «имеет ряд тех же проблем безопасности, что и США, включая уязвимость для ракетных ударов со стороны региональных агрессоров, опасность случайных или несанкционированных запусков стратегических ракет, а также проблему международного терроризма» [22: р. 4–5]. При этом указывалось, что «некоторые действия, предпринимаемые Россией на международной арене, противоречат интересам США» [22: р. 5]. Под этим подразумевались ее действия по укреплению отношений внутри СНГ, а также наметившаяся тенденция к налаживанию «континентальных» связей с государствами Европы и Азии.

В этой ситуации российское руководство избрало практически единственно возможную для него линию поведения, сразу же заявив о поддержке американской операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, предоставив воздушные коридоры и данные разведки. Москва согласилась на предоставление Киргизией и Туркменистаном аэропортов и военных баз для Международных сил содействия безопасности, оговорив, что не приемлет какое-либо непосредственное участие России в афганской интервенции. Между тем важно отметить, что это решение России объективно позволило США и НАТО получить плацдарм для увеличения своего влияния в регионе Центральной Азии [8: с. 83–84].

Ограниченное сотрудничество по Афганистану на время создало благоприятный международный климат вокруг России и подтолкнуло ее к поиску решения ряда старых проблем с США. Так, осенью 2001 года была сделана попытка реанимировать работу Совместного постоянного совета Россия — НАТО. Конгресс США в специальном документе «Российско-американские отношения: новые времена, новое начало» указывал, что переговоры должны «выйти за узкие рамки военных проблем», перейдя к реальному экономическому сотрудничеству. Тогда же Конгрессом было списано 3,5 млрд долл. российских долгов [12: с. 63–64].

Тем не менее провал переговоров по ПРО, проходивших в ноябре 2001 года в Москве и Вашингтоне, позволил администрации Буша заявить о намерении совершить односторонний выход из Договора. Выход США из Договора по ПРО в июне 2002 года означал, что США на деле готовы встать на путь «унилатерализма». Важную роль играло представление о слабости России, которая в новой редакции Стратегии национальной безопасности США от 2002 года официально признавалась главной помехой для сотрудничества с ней [20: р. 26–27]. Многократно увеличались размеры финансовой помощи со стороны США странам постсоветского пространства на их «демократизацию» [4: с. 19–22; 13: с. 53]. Началось свертывание почти всех программ реального двустороннего сотрудничества: по сокращению стратегических вооружений, региональным проблемам, нераспространению ядерного оружия, торговле и инвестициям [3: с. 19].

Таким образом, во внешнеполитических ценностях и ориентирах России и США обозначились фундаментальные различия. США явно недооценивали стремление своего восточного оппонента к обеспечению собственных стратегических интересов путем формирования «континентальной» системы отношений. Оно проявилось в создании в 2000–2002 годах ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ для укрепления экономических и военно-политических отношений со странами СНГ и Китаем, а также в сближении с ведущими странами ЕС. По мере того как продолжала разворачиваться «доктрина Буша», Россия все чаще не оправдывала надежд республиканцев на ее самоустранение из глобальной и особенно региональной политики. Весьма симптоматичным стало американское вторжение в Ирак в марте 2003 года, вызвавшее солидаризацию части европейских стран с позицией России, осудившей действия Вашингтона. Все это свидетельствовало не только о сложности миропорядка нового тысячелетия, но и делало практически неизбежным дальнейший рост напряженности в двусторонних отношениях.

Литература

1. *Арбатов А.Г.* Российская национальная идея и внешняя политика. Мифы и реальности. М.: МНФ, 1998. 125 с.
2. *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы России в работах американских авторов (1992–2007 гг.). М.: РОССПЭН, 2009. 384 с.
3. *Батюк В.И.* Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». М.: Прометей, 2008. 212 с.
4. *Батюк В.И.* Российско-американский диалог по региональным проблемам в XXI веке: итоги и перспективы // США, Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 8. С. 17–32.
5. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2006. 256 с.
6. *Богатуров А.Д.* «Стратегия выравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 20–29.

7. Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. М.: Спецкнига, 2012. 78 с.
8. *Ермаков С.М.* Политика США и НАТО на постсоветском пространстве // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. С. 79–91.
9. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. 352 с.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28.06. 2000 г. // Сайт президента РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html>.
11. Политика США в меняющемся мире. М.: ИСК РАН, 2004. 336 с.
12. *Рогов С.М.* 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: ИСК РАН, 2001. 88 с.
13. *Самуйлов С.М.* Агентство по международному развитию: перенацеливание на «продвижение демократии» // США, Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 6. С. 51–64.
14. *Самуйлов С.М.* «Мозговые центры» демократов и республиканцев: сравнение подходов к России // США, Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 2. С. 3–21.
15. *Сетов Р.А.* Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М.: Три квадрата, 2010. 386 с.
16. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке: дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002 гг.). М.: ИСК РАН, 2002. 442 с.
17. Global Trends 2015: A Dialogue about the Future with Nongovernment Experts. Wash., D.C.: National Intelligence Council, 2000. 98 p.
18. *McFaul M.* Realistic Engagement. A New Approach to American-Russian Relations // Current History. Vol. 100. № 648. 2001. October. P. 313–317.
19. A National Security Strategy for a New Century. Wash., D.C: White House, 1999. 49 p.
20. The National Security Strategy of the United States of America. Wash., D.C: White House, 2002. 31 p.
21. *Nunn S., Stulberg A.N.* The Many Faces of Modern Russia // Foreign Affairs. Vol. 79. № 2. 2000 (March – April). P. 45–62.
22. Quadrennial Defense Review Report. September 30, 2001. Wash., D.C.: Department of Defense, 2001. 71 p.

References

1. *Arbatov A.G.* Rossijskaya nacional'naya ideya i vneshnyaya politika. Mify' i real'nosti. M.: MNF, 1998. 125 с.
2. *Batalov E'.Ya., Zhuravleva V.Yu., Xozinskaya K.V.* «Ry'chashhij medved'» na «dikom Vostoke». Obrazy' Rossii v rabotax amerikanskix avtorov (1992–2007 gg.). M.: ROSSPE'N, 2009. 384 с.
3. *Batyuk V.I.* Trudnoe partnerstvo. Dvustoronnie rezhimy' i instituty' v rossijsko-amerikanskix otnosheniyax posle okonchaniya «xolodnoj vojny'». M.: Prometej, 2008. 212 s.
4. *Batyuk V.I.* Rossijsko-amerikanskij dialog po regional'ny'm problemam v XXI veke: itogi i perspektivy' // SShA, Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2009. № 8. S. 17–32.
5. *Bzhezinskij Z.* Velikaya shaxmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geo-strategicheskie imperativy'. M: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2006. 256 s.

6. *Bogaturov A.D.* «Strategiya vy'ravnivaniya» v mezhdunarodny'x otnosheniyax i vneshnej politike SShA // *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. 2001. № 2. S. 20–29.
7. *Desyat' let bez dogovora po PRO. Problema protivoraketnoj oborony' v rossijsko-amerikanskix otnosheniyax*. M.: Speczkniga, 2012. 78 s.
8. *Ermakov S.M.* Politika SShA i NATO na postsovetском prostranstve // *Problemy' nacional'noj strategii*. 2010. № 1. S. 79–91.
9. *Kissindzher G.* Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika? M.: Lodomir, 2002. 352 s.
10. *Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii*. 28.06. 2000 g. // Sajt prezidenta RF. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html>.
11. *Politika SShA v menyayushhemsya mire*. M.: ISK RAN, 2004. 336 s.
12. *Rogov S.M.* 11 sentyabrya 2001 g.: reakciya SShA i posledstviya dlya rossijsko-amerikanskix otnoshenij. M.: ISK RAN, 2001. 88 s.
13. *Samujlov S.M.* Agentstvo po mezhdunarodnomu razvitiyu: perenacelivanie na «prodvizhenie demokratii» // *SShA, Kanada: e'konomika, politika, kul'tura*. 2008. № 6. S. 51–64.
14. *Samujlov S.M.* «Mozgovy'e centry'» demokratov i respublikancev: sravnenie podxodov k Rossii // *SShA, Kanada: e'konomika, politika, kul'tura*. 2011. № 2. S. 3–21.
15. *Setov R.A.* Sovremenny'j miroporyadok i gosudarstvenny'e interesy' Rossii. Terminy', teorii, prognozy'. M.: Tri kvadrata, 2010. 386 s.
16. *Shakleina T.A.* Rossiya i SShA v novom mirovom poryadke: diskussii v politiko-akademicheskix soobshhestvax Rossii i SShA (1991–2002 gg.). M.: ISK RAN, 2002. 442 s.
17. *Global Trends 2015: A Dialogue about the Future with Nongovernment Experts*. Wash., D.C.: National Intelligence Council, 2000. 98 p.
18. *McFaul M.* Realistic Engagement. A New Approach to American-Russian Relations // *Current History*. Vol. 100. № 648. 2001. October. P. 313–317.
19. *A National Security Strategy for a New Century*. Wash., D.C: White House, 1999. 49 p.
20. *The National Security Strategy of the United States of America*. Wash., D.C: White House, 2002. 31 p.
21. *Nunn S., Stulberg A.N.* The Many Faces of Modern Russia // *Foreign Affairs*. Vol. 79. № 2. 2000 (March – April). P. 45–62.
22. *Quadrennial Defense Review Report*. September 30, 2001. Wash., D.C.: Department of Defense, 2001. 71 p.

A.A. Manukhin

Toward the Essence of Russian-American Relations at the Beginning of the 21st Century

The article deals with the roots of the tensions that rose in Russian-American relations in the first years of the 21st century. Assessment is given to the concepts of foreign policy that state agencies and academic communities of both countries had been developing over the previous decade. Both realistic and idealistic factors of the alienation are shown.

Keywords: Russia; United States; conflict; crisis; engagement.

М.А. Рябота

Британская политика в Османской империи в последней трети XIX века (историографический аспект)

В данной статье освещены основные направления историографии вопроса состояния Османской империи во второй половине XIX – начале XX века и внешней политики Великобритании по отношению к Османской империи и всего ближневосточного региона в рассматриваемый период. Изложены основные тенденции в изучении данной тематики в отечественной и зарубежной историографии.

Ключевые слова: Османская империя; Великобритания; внешняя политика; зарубежная и российская историография.

История Османской империи XIX – начала XX века изучена достаточно хорошо: издано множество научных трудов, документы, карты. Причем, в отличие от методической литературы по географическому детерминизму, отечественные разработки представлены множеством книг и статей по истории интересующего нас региона.

Из книг на русском языке необходимо отметить трехтомное научное издание А.Д. Новичева [17] — самый объемный и до сих пор не потерявший свою актуальность труд по рассматриваемой теме.

Также из общих работ на русском языке заслуживает внимания книга известного английского журналиста и историка Лорда Кинросса [12]. Исследуемый период освещен автором работы достаточно подробно, однако с проанглийской позиции. Кроме того, в книге содержится значительное количество неточностей и ошибок, так что к материалу следует подходить осторожно. Лорд Кинросс обращает особое внимание на положительный фактор вестернизации политики и экономики Османской империи, зачастую оставляя без внимания отрицательные черты этого явления.

Один из основных трудов, на который стоит опираться при исследовании данной темы, — книга ведущего российского историка Турции В.И. Шеремета [24]. В книге, помимо социального и экономического, обращается внимание на культурологический эффект реформ в Османской империи в последней трети XIX века. В книге социокультурная проблематика тесно связана с геополитическими исследованиями, особенно это касается противостояния

Восток – Запад (Балканы – Малая Азия) в Османской империи во второй половине XIX века.

Танзимат и последующая за ним эпоха зулюма освещены в работе известных востоковедов И.Е. Петросян и Ю.А. Петросян [18]. Работа отличается тщательным анализом идеологии и практики реформ в свете международных событий, характеристикой личностей реформаторов.

Из турецких исследований в первую очередь хотелось бы отметить выпущенный к 500-летию Османской империи двухтомник [33]. Первый том посвящен подробному изложению взглядов турецких историков на политическую историю Османской империи. Второй является прекрасно составленным справочником по различным вопросам истории Турции: экономике, политике, праву, культуре, обществу. Наиболее ценными сведениями стало историко-географическое описание всех провинций Османской империи в отдельности с данными по населению, местности, особенностям налогообложения и лояльности по отношению к центру.

Особо отметим монографию И.Л. Фадеевой [21], в которой прослеживается зарождение и развитие официальной доктрины османизма и попытки ее осуществления в контексте реформ в отношении немусульманского населения Османской империи. Здесь же поднимается вопрос о роли великих держав в политике проведения реформ в связи со становлением панисламистского движения в последней трети XIX века. Особое внимание автор уделяет проблеме сочетания элементов османизма и панисламизма во внутренней политике младотурецкой партии.

Наконец, из работ современных западных ученых интересно исследование профессора Кельнского университета Андреаса Каппелера [11]. И хотя понятно по названию, что речь идет о России, но по своему характеру и построению работа близка к нашему исследованию, в котором рассматривается сравнительно небольшой период развития Османской империи. Автор рассматривает историю России с позиций строительства континентальной империи. Россия предстает перед нами в первую очередь с точки зрения расширения географического пространства, а экономика, межнациональные отношения и религия являются лишь факторами, непосредственно влияющими на эволюцию геополитического пространства империи. Профессор Каппелер предполагает наличие двух типов колониализма, причем, по его мнению, развитие России и Османской империи проходило по континентальному пути. Заметно множество корреляций в межнациональных отношениях, религиозной и социальной политике, проводимой империями. Было бы весьма интересно с научной точки зрения применить методы исследования, предложенные Каппелером, к Османской империи и сравнить полученные выводы.

Основу исследования выбранной проблематики составляют работы историков. Среди них следует отметить хронистов и ученых Ашик Паша-оглу [22],

Э. Карала [31], Я. Йери [34] и др. Кроме турецких историков, соответствующие проблемы изучали в разное время и зарубежные авторы: С. Додд [29], М. Коллас [14], Ш. Мардин [32] и др.; из отечественных ученых назовем М.А. Гасратяна [6], Д.Е. Еремеева [9], Н.Г. Киреева [13], А.Ф. Миллера [16], В.И. Шеремета [25].

Развитию турецкой государственности в конце XIX – начале XX века посвящены труды Ю.А. Петросяна [19], А. Тер-Арутюмова [20], Р. Деве-рѐ [28]. В них показаны конституционные нововведения, в том числе учреждение парламента, закрепление прав и свобод турецких граждан.

Развитию турецкой государственности в конце XIX – начале XX века также посвящено довольно много работ.

Работа Ю.А. Петросяна [19] посвящена исследованию движения «Молодая Турция», члены которого поставили своей задачей учреждение в стране конституционного строя. Петросян показывает, насколько трудным был путь к провозглашению Конституции 1876 года и учреждению парламента и как быстро все достигнутое оказалось потерянным. Анализируются также автором и конституционные положения.

А.Р. Исазаде в своей работе [10] также останавливается на анализе нововведений Конституции 1876 года и изменения формы правления государства. В его монографии подробно изучены вопросы системы органов государственной власти, административно-территориального устройства, правовой системы государства.

Говоря об историографии вопроса политики Великобритании в Османской империи в последней трети XIX века, нужно выделить несколько важных моментов.

В советской довоенной историографии получила развитие концепция, в соответствии с которой характеристика внешней политики Англии на Ближнем Востоке в рассматриваемый период носила в научной литературе негативный оттенок.

В послевоенный период дипломатическая деятельность Англии по-прежнему рассматривалась крайне отрицательно, заострялось внимание на ее территориальных устремлениях.

В 1990-х годах российские историки постарались восполнить некоторые пробелы в изучении внешней политики Англии, а также России в регионе. В трудах крупнейшего специалиста по внешней политике Великобритании В.Н. Виноградова впервые в отечественной историографии была целостно представлена политика этой страны на Балканах, проанализированы причины англо-российских противоречий в этом регионе [1–3]. Разработкой вопросов отношений и противоречий между ведущими европейскими державами в период Восточного кризиса занимались К.Б. Виноградов [4–5], В.М. Хевролина [23] и другие отечественные историки.

Значительный интерес представляют исследования, рассматривающие политику Англии на Балканах через призму отношения к ней британских политических партий. Этому направлению в отечественной историографии, а также отдельным аспектам образа Англии в России посвящены работы Т.Н. Геллы [7–8].

Английская историография также внесла свой вклад в изучение британской внешней политики, хотя в анализе развернувшегося соперничества двух стран (России и Англии) преобладает общая тенденция представить политику Англии как исключительно положительную для дальнейшего развития региона.

В 1960–1980-е годы по истечении срока давности были открыты дипломатические английские архивы, и появилась литература, отражающая рассматриваемый период более объективно и содержательно. Лишь в некоторых трудах предпринималась попытка доказать, что Англия в условиях Восточного кризиса проводила не только «бескорыстную», но и «оборонительную» политику.

Источники по рассматриваемой проблеме можно разделить на несколько основных групп.

1. Опубликованные сборники дипломатических документов, в первую очередь, документы английского МИД, изданные после Первой мировой войны в Англии и после Второй мировой в США.

Центральное место в данной группе источников принадлежит серии сборников «British documents on the origins of the war 1898–1914» [27], впервые изданных в Англии вскоре после окончания Первой мировой войны. Многотомное издание представляет собой публикацию архивных документов английского МИД, дипломатическую переписку, инструкции, посылаемые английским послам, донесения послов в Лондон. Изучение данного сборника документов оставляет противоречивое впечатление. С одной стороны, очевидна научная ценность многих опубликованных документов. С другой, не вызывает сомнения и явно пристрастный, выборочный характер публикаций. Тем самым ставится задача представить внешнюю политику Англии в максимально выгодном для нее свете, переложив всю ответственность за возникающие на мировой арене проблемы на другие государства. Кроме того, в данном сборнике опубликованы лишь документы дипломатического характера. Документы военно-политические и экономические в него не вошли. Ценным материалом для изучения являются и опубликованные отчеты о заседаниях британского парламента. Анализ борьбы различных политических партий, группировок в парламенте относительно внешнеполитических вопросов позволяет понять расклад сил внутри политической элиты Англии в вопросах внешней политики.

Все сказанное выше (типичный недостаток — пристрастный, необъективный характер публикуемых дипломатических документов) в полной мере относится, например, к опубликованным сборникам немецких [30] и рус-

ских [15] дипломатических документов. Большую ценность представляют собой дипломатические документы из архивов английского МИД, опубликованные после Второй мировой войны в США [26]. Подборки документов построены по страноведческому принципу, т.е. в них помещены материалы, освещающие отношения Англии с отдельными государствами. Основное достоинство данной группы документов и их отличие от упомянутых выше сборников – наличие в них не только дипломатических бумаг, но и статистических материалов, например, данных о состоянии торговли Британии с разными странами.

2. Английская пресса рассматриваемого периода — газеты «The Times», «Daily Mail», «Daily News», «Standart» и др.

Данный вид источников – основной при изучении общественного мнения Англии интересующего нас периода. Центральное место в этой группе занимает общенациональная газета «The Times», в то время, как и сегодня, — наиболее солидное и авторитетное издание в Англии. Наибольший интерес представляют помещавшиеся на страницах газеты и его еженедельного приложения «The Times Weekly ed.» статьи по вопросам внешней политики Англии. Стоит подчеркнуть их серьезный, аналитический характер, стремление детально разобраться в сложных проблемах глобальной политики. Особенно следует отметить независимый характер статей, зачастую содержащуюся в них критику в адрес английских политиков и дипломатов. Не меньшую ценность представляют и так называемые толстые журналы — «National Review», «Saturday Review», «Contemporary Review». Эти журналы интересны в первую очередь статьями по ключевым вопросам внешней политики.

3. Заключительный вид источников — мемуарная литература, воспоминания, переписка и т. д.

Данная группа документов, на наш взгляд, представляет незначительную ценность для изучаемой темы. Основной недостаток этого вида источников — их крайне субъективный, тенденциозный характер, стремление авторов изобразить то или иное событие в нужном свете, зачастую искажая при этом факты.

В этом смысле полезнее обратиться к биографическим работам, посвященным изучению жизни и деятельности английских и османских государственных деятелей, вышедшим после Второй мировой войны. Характерная черта этих работ — серьезный подход к проблеме, стремление дать не поверхностное описание событий, а их серьезный и глубокий анализ. Принципиальным отличием от биографий, написанных в межвоенный период, было стремление авторов остановиться не столько на жизнеописании или карьере того или иного политика, сколько на анализе политической ситуации в целом, с учетом роли конкретного исторического персонажа.

Таким образом, проанализировав состояние историографии вопроса внешней политики Великобритании в отношении Османской империи в последней

трети XIX – начале XX века можно с уверенностью утверждать, что история конкретно Османской империи этого периода изучена достаточно хорошо как в зарубежной, так и в отечественной историографии, в то время как внешнеполитическое взаимодействие Турции с мировыми державами (кроме русско-турецких отношений — в отечественной историографии), в том числе с Великобританией, еще нуждается в исследовании и в более глубоком анализе, так как рассматриваемый вопрос (политика современных мировых держав на Ближнем Востоке) приобретает актуальность и в наши дни.

Литература

1. *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М.: Наука, 2005. 318 с.
2. *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991. 159 с.
3. *Виноградов В.Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877–1878 // Новая и новейшая история. М., 1978. № 2. С. 108–119; № 3. С. 104–123.
4. *Виноградов К.Б.* Мировая политика 60–80-х годов XIX века: события и люди. Л.: ЛГУ, 1991. 166 с.
5. *Виноградов К.Б.* Очерки английской историографии нового и Новейшего времени. Л.: ЛГУ, 1959. 98 с. (2-е изд.: Л.: ЛГУ, 1975. 224 с.)
6. *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. Ереван: Ереванский университет, 1986. 402 с.
7. *Гелла Т.Н.* Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX века. Орел: ОГУ, 2009. 170 с.
8. *Гелла Т.Н.* У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. Орел: ОГУ, 2008. 295 с.
9. *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в Средние века и Новое время. М.: МГУ, 1992. 246 с.
10. *Исазаде А.Р.* Государственный строй и правовая система Турции. Баку: Азербайджан, 2005. 345 с.
11. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
12. *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-Пресс, 1999. 695 с.
13. *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век. М.: Крафт+, Институт Востоковедения РАН, 2007. 608 с.
14. *Коллас М.* История Турции. М.: ЕВРОЛИНЦ, 2003. 331 с.
15. Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов (1871–1957 гг.). М.: Международные отношения, 1957. 430 с.
16. *Миллер А.Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М.: Наука, 1989. 277 с.
17. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. II. Л.: ЛГУ, 1968. 279 с.
18. *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX вв.). М.: Наука, 1993. 185 с.
19. *Петросян Ю.А.* Новые османы и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М.: Восточная литература, 1958. 157 с.

20. *Тер-Арутюмов А.* Политические партии в современной Турции // Русская мысль. М.; СПб.: 1908. № 9. С. 15–22.
21. *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи: Османизм-панисламизм, XIX – начало XX в. М.: Наука, 1985. 271 с.
22. *Хайбуллаева Ф.Х.* Новый турецкий источник по истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 2001. № 8. С. 362–365.
23. *Хевролина В.М.* Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864–1876 гг.) // Новая и новейшая история. М., 2003. № 6. С. 36–58.
24. *Шеремет В.И.* Война и бизнес: Власть, деньги и оружие: Европа и Ближний Восток в Новое время. М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. 712 с.
25. *Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX в. М.: Наука, 1986. 307 с.
26. British documents on foreign affairs — reports and papers from the Foreign Office confidential print. Washington: Library of Congress, 1967.
27. British documents on the origins of the war. 1898–1914. Vol. 1–11. London: by G.P. Gooch & Harold Temperley, 1926–1938.
28. *Devereux R.* The First Ottoman Constitutional Period. A Study of the Midhat Constitution and Parliament. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1963. 264 p.
29. *Dodd C.H.* Politics and Government in Turkey. Manchester: Manchester University Press, 1969. 107 p.
30. German diplomatic documents 1871–1914. Vol. 1–4. New York-London: Harper & Brothers, 1928.
31. *Karal E.Z.* Osmanli tarihi. Ankara: Armaoğlu, 1960. 421 p.
32. *Mardin S.* Religion and Secularism in Turkey // The Modern Middle East: A Reader. Berkeley: University of California Berkeley and Los Angeles Press, 1993. P. 347–374.
33. *Oztuna Y.* Osmanli Devleti Tarihi. Ankara: Ötüken Neşriyat, 2007. 483 p.
34. *Yeri Y.* Turkiye tarihi. Ankara: TTK, 1992. 247 p.

References

1. *Vinogradov V.N.* Balkanskaya e'popeya knyazya A.M. Gorchakova. M.: Nauka, 2005. 318 s.
2. *Vinogradov V.N.* Britanskij lev na Bosfore. M.: Nauka, 1991. 159 s.
3. *Vinogradov V.N.* Dizrae'li, Gladston i Shuvalov v kanun rusko-tureckoj vojny' 1877–1878 // Novaya i novejschaya istoriya. M.: 1978. № 2. S. 108–119; № 3. S. 104–123.
4. *Vinogradov K.B.* Mirovaya politika 60–80-x godov XIX veka: soby'tiya i lyudi. L.: LGU, 1991. 166 s.
5. *Vinogradov K.B.* Ocherki anglijskoj istoriografii novogo i Novejshego vremeni. L.: LGU, 1959. 98 s. (2-e izd.: L.: LGU, 1975. 224 s.)
6. *Gasratyan M.A., Oreshkova S.F., Petrosyan Yu.A.* Ocherki istorii Turcii. Erevan: Erevanskij universitet, 1986. 402 s.
7. *Gella T.N.* Geopoliticheskie interesy' Velikobritanii i anglijskie politicheskie partii v konce XIX – nachale XX veka. Orel: OGU, 2009. 170 s.
8. *Gella T.N.* U. Gladston, liberaly' i Britanskaya imperiya v poslednej treti XIX veka. Orel: OGU, 2008. 295 s.

9. *Eremeev D.E., Mejer M.S.* Istorija Turcii v Srednie veka i Novoe vremya. M.: MGU, 1992. 246 s.
10. *Isazade A.R.* Gosudarstvenny'j stroj i pravovaya sistema Turcii. Baku: Azerbajdzhan, 2005. 345 s.
11. *Kappeler A.* Rossiya — mnogonacional'naya imperiya. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 342 s.
12. *Kinross L.* Raszvet i upadok Osmanskoj imperii. M.: Kron-Press, 1999. 695 s.
13. *Kireev N.G.* Istorija Turcii. XX vek. M.: Kraft+, Institut Vostokovedeniya RAN, 2007. 608 s.
14. *Kollas M.* Istorija Turcii. M.: EVROLINCz, 2003. 331 s.
15. Mezhdunarodny'e otnosheniya i vneshnyaya politika SSSR. Sbornik dokumentov (1871–1957 gg.). M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1957. 430 s.
16. *Miller A.F.* Turciya. Aktual'ny'e problemy' novoj i novejshej istorii. M.: Nauka, 1989. 277 s.
17. *Novichev A.D.* Istorija Turcii. T.II. L.: LGU, 1968. 279 s.
18. *Petrosyan I.E., Petrosyan Yu.A.* Osmanskaya imperiya: reformy' i reformatory' (konecz XVIII – nachalo XX vv.). M.: Nauka, 1993. 185 s.
19. *Petrosyan Yu.A.* Novy'e osmany' i bor'ba za konstituciyu 1876 g. v Turcii. M.: Vostochnaya literatura, 1958. 157 s.
20. *Ter-Arutyumov A.* Politicheskie partii v sovremennoj Turcii // Russkaya my'sl'. M.; SPb.: 1908. № 9. S. 15–22.
21. *Fadeeva I.L.* Oficial'ny'e doktriny' v ideologii i politike Osmanskoj imperii: Osmanizm-panislamizm, XIX – nachalo XX v. M.: Nauka, 1985. 271 s.
22. *Xajbullaeva F.X.* Novy'j tureczkij istochnik po istorii Kryma // Materialy' po arxeologii, istorii i e'tnografii Tavrii. Simferopol': Tavriya, 2001. № 8. S. 362–365.
23. *Xevrolina V.M.* Rossijskoe posol'stvo v Konstantinopole i ego rukovoditel' N.P. Ignat'ev (1864–1876 gg.) // Novaya i novejschaya istoriya. M., 2003. № 6. S. 36–58.
24. *Sheremet V.I.* Vojna i biznes: Vlast', den'gi i oruzhie: Evropa i Blizhnij Vostok v Novoe vremya. M.: Texnologicheskaya shkola biznesa, 1996. 712 s.
25. *Sheremet V.I.* Osmanskaya imperiya i Zapadnaya Evropa, vtoraya tret' XIX v. M.: Nauka, 1986. 307 s.
26. British documents on foreign affairs — reports and papers from the Foreign Office confidential print. Washington: Library of Congress, 1967.
27. British documents on the origins of the war. 1898–1914. Vol. 1–11. London: by G.P. Gooch & Harold Temperley, 1926–1938.
28. *Devereux R.* The First Ottoman Constitutional Period. A Study of the Midhat Constitution and Parliament. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1963. 264 p.
29. *Dodd C.H.* Politics and Government in Turkey. Manchester: Manchester University Press, 1969. 107 p.
30. German diplomatic documents 1871–1914. Vol. 1–4. New York-London: Harper & Brothers, 1928.
31. *Karal E.Z.* Osmanli tarihi. Ankara: Armaoğlu, 1960. 421 p.
32. *Mardin S.* Religion and Secularism in Turkey // The Modern Middle East: A Reader. Berkeley: University of California Berkeley and Los Angeles Press, 1993. P. 347–374.
33. *Oztuna Y.* Osmanli Devleti Tarihi. Ankara: Ötüken Neşriyat, 2007. 483 p.
34. *Yeri Y.* Turkiye tarihi. Ankara: TTK, 1992. 247 p.

M.A. Ryabota

**British Policy in Rivalry of Great States in Ottoman Empire
in the Last 3^d Part of the XIX Century
(Historiographic Aspect)**

This article considers historiography's main directions of the issue state of Ottoman Empire in the 2nd half of XIX-early XX centuries and British foreign policy for relations with Ottoman Empire and the entire Middle East region in the period under review. Besides, there are considered the main trends in the study of this subject in the domestic and foreign historiography.

Keywords: Ottoman Empire; Great Britain; foreign policy; foreign and Russian historiography.

С.А. Агуреев

Развитие советско-эфиопских дипломатических и культурных отношений в 1920–1950 годы

Статья посвящена аспектам развития советско-эфиопских дипломатических культурных связей в период 1920–1950 годов. Автор прослеживает особенности формирования межгосударственных отношений двух стран от взаимного недоверия к установлению дипломатических и культурных отношений, прослеживает особенности изменения внешнеполитических доктрин и принципов СССР и Эфиопии.

Ключевые слова: доктрина; внешнеполитические связи; советско-эфиопское сотрудничество; «холодная война».

История установления и развития российско-эфиопских дипломатических отношений и культурных связей уходит своими корнями в XIX век, когда Эфиопия смогла сохранить свою независимость и активно нуждалась в расширении внешних связей, помощи и поддержке со стороны России, что, в свою очередь, стало залогом развития дружественных отношений между двумя странами.

Однако после революции 1917 года все дипломатические отношения были прерваны, поскольку эфиопская монархия осудила преобразования, происходящие в Советской России, и выражала моральную поддержку свергнутой российской монархии. Но в самом начале 1920-х годов советское государство предпринимает целый ряд шагов по налаживанию отношений с африканскими странами, в том числе и с Эфиопией. В июне 1921 года в Эфиопию был направлен с дипломатической миссией один из организаторов Народного комиссариата иностранных дел, советский дипломат И. Залкинд, которому удалось, минуя запреты французских колониальных властей, добраться из Джибути до Аддис-Абебы с помощью эфиопских дипломатов [7: с. 11]. В эфиопской столице И. Залкинд вел переговоры с фитаурари Хабтэ-Гийоргисом об установлении дипломатических отношений с Советской Россией, однако из-за активного противодействия держав Антанты переговоры не увенчались успехом, и советский дипломат, проведя около двух месяцев в Эфиопии, в 1922 году вернулся в СССР. Результатом этой поездки стала публикация И. Залкиндром под псевдонимом И. Ванин статьи «Абиссиния» в журнале «Новый Восток». Автором излагались собственные взгляды относительно развития эфиопского государства. Перед Эфиопией, полагал И. Ва-

нин, стоял выбор: «...испытать все стадии... колонизации» или пойти по пути «тех стран, где уже победили новые формы социального строя» [4: с. 541].

В 1923 году Эфиопия становится членом Лиги Наций и стремится к укреплению своего международного положения. В 1924 году эфиопская делегация во главе с регентом расам Тафари (будущий император страны Хайле Селасие) посещает Англию, Францию и Италию. К развитию двухсторонних связей стремился и Советский Союз. Так, нарком СССР Г. В. Чичерин рекомендовал советским представителям в Италии, Англии и Греции вступить в переговоры с представителями эфиопской дипломатии в этих странах. Однако единственная такая встреча состоялась лишь в Греции, но из-за противодействия империалистических держав закончилась безрезультатно [7: с. 12]. Следующая попытка развития советско-эфиопских отношений, также не имевшая успеха, была предпринята в 1925 году в Хиджасе — переговоры с эфиопской стороной происходили «в абсолютной тайне во избежание кампании со стороны Антанты» [9: с. 728–729].

Наряду с инициативами по развитию советско-эфиопских отношений советская сторона предпринимала шаги и по развитию общественных связей двух стран. Так, в 1927 году в Эфиопии работала советская агроботаническая экспедиция Н.И. Вавилова, обнаружившая новый очаг domestikации растений [2; 3].

Попытки установления советско-эфиопских дипломатических и торговых отношений предпринимались и в 1930-е годы, однако из-за противодействия английских и французских правящих кругов, тщательно оберегавших свои интересы в зоне Африканского Рога, и влияния местной старозэфиопской элиты, не заинтересованной в распространении советского влияния в стране, они так и остались не реализованными. Еще одной немаловажной особенностью развития советско-эфиопских отношений в эти годы было и то обстоятельство, что эфиопское руководство, как доказывают исследования Д.А. Макеева, использовало контакты с Советским Союзом «в качестве демонстративного воздействия на общественность своей страны и во взаимоотношениях с капиталистическими державами» [12: с. 45].

Однако уже с 1930-х годов экономические потребности эфиопского государства и ухудшение экономической конъюнктуры национального и внешних рынков, а также интерес к СССР со стороны эфиопской общественности, поддержка, оказанная Советским Союзом Эфиопии в годы итало-фашистской оккупации, привели к новому периоду в развитии двусторонних отношений. Еще в 1931 году в страну была организована первая поставка нефтепродуктов и начались переговоры с уполномоченными эфиопского правительства и национального общества торговли и промышленности, закончившиеся подписанием соглашения о большой партии нефти из СССР. Для развития торговых отношений в 1932 году в Аддис-Абебу прибыла советская торговая делегация, и начались поставки сельскохозяйственных орудий и небольших партий про-

мышленных изделий, а в Советский Союз стал импортироваться эфиопский кофе [6: с. 127–128].

Развитие торговых связей двух стран активно способствовало активизации политических контактов в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений. Переговоры об установлении дипломатических отношений активно велись в 1935–1936 годы в Москве и Париже, когда сторонами была достигнута договоренность: до обмена дипломатическими представителями официальные отношения между СССР и Эфиопией будут осуществляться посольством Советского Союза и дипломатической миссией Эфиопии в Париже. Однако осуществлению этих планов помешала итальянская агрессия против Эфиопии. Переговоры были прерваны в мае 1936 года [7: с. 16].

Обвинив Эфиопию в провокации агрессии, итальянское правительство потребовало официальных извинений. В ответ на недружественные действия Италии император Эфиопии Хайле Селассие I обратился с жалобой в Лигу Наций, однако итальянская сторона игнорировала всякие попытки международного вмешательства.

В октябре 1935 года итальянские войска без объявления войны вторглись на территорию Эфиопии из Эритреи и Сомали. На стороне колонизаторов был огромный перевес в различных родах наступательного вооружения — танках, артиллерии, самолетах. Вопреки условиям Женевской конвенции, запрещавшей использование химического оружия в международных конфликтах, итальянский диктатор Б. Муссолини лично отдал приказ о применении отравляющих веществ, направив телеграмму командующему итальянскими войсками генералу Грациани, в которой уполномочил последнего «применять даже в широком масштабе какой-либо газ и огнеметы» [1: с. 207].

Из всех государств мира только Советский Союз занял в итало-эфиопских событиях принципиальную антиимпериалистическую позицию, решительно и последовательно поддерживая справедливую борьбу эфиопского народа за сохранение независимости, осудив агрессивные устремления Италии. СССР потребовал от всех государств, входящих в Лигу Наций, осуждения итальянской агрессии в Северо-Восточной Африке и введения коллективных санкций в отношении империалистов.

С решительным осуждением итальянской колониальной политики в Северо-Восточной Африке выступила и советская пресса. 5 октября 1935 года в газете «Правда» была опубликована статья «Война в Восточной Африке».

«Война, начавшаяся в Восточной Африке, — писала “Правда”, — является после захвата Японией Маньчжурии крупнейшим событием, показывающим, насколько обострены противоречия в лагере империализма, насколько велика опасность новой, еще более кровопролитной, еще более опустошительной мировой империалистической бойни» [15: с. 3]. Возвращаясь к этой теме в другом номере, 11 октября 1935 года газета недвусмысленно выразила

отношение СССР к происходящим событиям: «Наше государство заняло отрицательную позицию по отношению к империалистическим вождениям итальянского фашизма. Советский Союз также не может поддержать предложения о протекторате над Абиссинией ввиду его явного империалистического характера» [15: с. 3]. Реакция «Правды» нашла поддержку «Известий», где в своем интервью известный коммунист Карл Радек выступил с критикой колониальной агрессии Италии в Эфиопии и агрессивной сущности фашизма, «направленной на передел колоний и на завоевание позиции, соответствующей его великодержавным стремлениям» [10: с. 2].

Итальянская колониальная агрессия в отношении Эфиопии рассматривалась советской прессой, как начало нового передела мира фашистскими агрессорами, и получила решительное осуждение.

Под давлением Советского Союза и демократической общественности других стран правительства Англии и Франции вынуждены были созвать 4 октября чрезвычайную сессию Совета Лиги Наций. Благодаря усилиям советской делегации Лига Наций была вынуждена признать факт нарушения Италией устава Лиги и объявить ее агрессором [5: с. 85].

И все же предпринятые СССР попытки по сохранению независимости эфиопского государства не смогли воспрепятствовать оккупации страны, завершившейся к концу 1936 года, когда в Эфиопии был установлен жесточайший режим колониального правления с массовыми репрессиями и казнями в отношении местного населения.

Однако колониальное правление итальянцев в Эфиопии оказалось непродолжительным. В 1941 году после начавшегося мощного наступления английских войск итальянские колонизаторы были вытеснены с территории страны, а зимой 1942 года были ликвидированы последние очаги их сопротивления [14: с. 164].

Лишь с окончанием периода итало-фашистской оккупации был возобновлен политический диалог между двумя странами и принято решение об установлении дипломатических отношений. Начался этап широкого и углубленного советско-эфиопского сотрудничества.

Период 1940–1950 годов также стал важным этапом становления советско-эфиопских дипломатических и общественных отношений в условиях разгоравшейся «холодной войны», когда определялись заново многие ориентиры внешней политики обеих стран, предпринимались попытки к активизации культурных связей. Мощным импульсом к развитию общественных связей стала организация Советским Союзом в 1935–1941 годах дипломатической помощи Эфиопии, подвергшейся нападению со стороны фашистской Италии, а накопленный в эти годы положительный потенциал в политических связях двух стран привел к возобновлению дипломатических отношений в 1943 году. Отмечая это событие, официальная правительственная газета «Зи Итиопиэн

Геральд» писала в июне 1944 года: «Наша страна помнит, что, несмотря на отсутствие официальных отношений между Эфиопией и СССР, последний не колебался встать на защиту интересов Эфиопии в Лиге Наций» [11: с. 186]. А в апреле 1945 года эфиопская сторона предоставила Советскому Союзу 10 тысяч фунтов стерлингов на восстановление разрушенного войной хозяйства в районах, подвергшихся фашистской оккупации.

Как показывают исследования отечественных историков А.В. Денисова и А.Ю. Урнова [8], активному развитию дипломатических и культурных отношений СССР с Эфиопией способствовало и общее изменение доктринальных основ советской внешней политики со второй половины 1950-х годов, когда, в отличие от сталинского периода, были даны качественно новые оценки национально-освободительным движениям в странах Азии и Африки, взят курс на поддержку национальной независимости этих стран, как будущей платформы для строительства социализма. Была отвергнута теоретическая схема о неизбежности войн при существовании капитализма, на смену ей пришла идея сосуществования двух систем с возможностью использования достижений мирового технического прогресса в интересах социализма [13]. При таком понимании страны африканского континента перестали быть периферией советских интересов, превратившись в еще один немаловажный вектор советской внешней политики.

Правительство Эфиопии обратилось к восприятию советского опыта развития экономики, введя с 1945 года первые отраслевые планы, что позитивно отразилось на составлении программы промышленного развития страны, расширении торговли и привело к росту сельскохозяйственного производства [16: с. 70]. Активизации отношений двух стран способствовало и чувство сопричастности в борьбе против фашизма в годы Второй мировой войны, что особо подчеркивалось эфиопскими дипломатами.

И все же, несмотря на успехи в развитии дипломатических отношений с эфиопской стороной, следует избегать их излишней идеализации, так как правительство императора Хайле Селассие в условиях разгоравшейся «холодной войны» продолжало ориентироваться в своей политике на Запад, а сам он недвусмысленно заявлял: «Мы имеем глубокую ориентацию на Запад» [19: с. 68], подразумевая Великобританию и США. Советская сторона нередко обвиняла эфиопского монарха в сотрудничестве с западными правительствами и объявляла «агентом Антанты». Однако подобная оценка не в полной мере отражает реальную политическую расстановку сил на Африканском Роге. В 1941–1955 годах Эфиопия предприняла активные шаги по расширению внешних связей, активизировав свою политику, которая теперь не ограничивалась отношениями только с Англией, Францией и Италией, как в 1920–1930-е годы, а стремилась «строить отношения с иностранными державами на основе тактики «сбалансированных позиций», заключающейся в том, чтобы ни одна из них не занимала преимущественного положения» [20: с. 175].

Поэтому эфиопское правительство не всегда поддерживало Вашингтон, что проявилось, например, в таких международных вопросах, как участие страны в движении неприсоединения, создании Организации Африканского Единства (ОАЕ) и т. д. Огромную роль в развитии дипломатических отношений играли и личные контакты с представителями эфиопской администрации разных уровней и лично эфиопским императором, совершившим четыре официальные поездки в СССР (1959, 1967, 1970, 1973 годы). Заметное влияние на развитие советско-эфиопских отношений оказывала и ориентация СССР на поддержание независимости Эфиопии, идеи сохранения территориальной целостности, помощь в развитии хозяйства и борьбе с экономической отсталостью. А эфиопская сторона использовала развитие этих отношений в качестве своего рода политического баланса на внешней арене с западными державами. Во многом определяющее влияние на динамику советско-эфиопских отношений оказывал лично император страны Хайле Селассие, без одобрения которого не принималось ни одно решение, касающееся внутренней или внешней политики Эфиопии. Оставаясь расчетливым политиком и дипломатом, император стремился контролировать все стороны жизни своей страны, оставаясь последовательным сторонником идеи перехода Эфиопии от «феодализма к демократии» при сохранении национального суверенитета и верности традиционным принципам эфиопской монархии. Иными словами, не допускалось возможности «отказаться от этноконфессиональных, социально-психологических и исторических принципов, когда император рассматривался как защитник независимости страны и олицетворение ее государственного достоинства» [19: с. 64].

Работавший в Эфиопии в 1950–1960 годы советский дипломат С.Я. Сеницын отмечал в своих мемуарах: «Существовавший тогда в Эфиопии «культ личности» Хайле Селассие с его портретами, статуями, публичными прославлениями и хорошо скрываемыми жестокими методами правления, столь знакомый по своим внешним проявлениям по нашей собственной истории, носил глубоко идеологизированный характер, опирался на мифологические предания, освященные религией, на вековые традиции, юридически и политически закрепленные и в Конституции 1955 года» [18: с. 46]. Не менее впечатляющей оказалась и «глубокая социальная пропасть» внутри эфиопского общества, что проявлялось в образе жизни немногочисленной правящей феодальной верхушки, строго державшейся своих вековых аристократических традиций и исповедовавшей принципы отношений «слуги и господина» внутри страны. Это также требовалось учитывать советским дипломатам. Приходилось считаться и со всемогущей эфиопской церковью, пользовавшейся огромным авторитетом и поддержкой государства.

Другой немаловажной особенностью деятельности зарубежных дипломатов, как указывает С.Я. Сеницын, являлся тот факт, что «влияние зарубежных

миссий на население Эфиопии было заметно слабее, чем в других африканских странах» из-за политики местных властей и ортодоксальной церкви, подозрительно относившихся к иностранцам. К тому же развитие двухсторонних отношений происходило на фоне усиливающегося противостояния СССР и стран Запада, когда советским дипломатам внутри страны приходилось не только преодолевать недоверие монархически настроенной эфиопской элиты, но и бороться с возрастающим противодействием западной дипломатии, стремившейся ограничить советское влияние в Эфиопии [18: с. 10]. Крайне сложным был и общий международный политический фон развития советско-эфиопских дипломатических отношений: Суэцкий кризис и последовавшая за ним агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта, остановленная лишь после вмешательства СССР, печально известные венгерские события 1956 года, начало гонки вооружений со странами Запада.

Также следует отметить, что Эфиопия изначально занимала весьма скромное место в международной политике СССР, а повышение внимания к этой стране со стороны советского руководства и необходимость увеличения интенсивности политических и торговых связей была обусловлена подъемом освободительного движения на Ближнем Востоке, определялась стратегическим положением Эфиопии на Африканском Роге, стремлением не допустить увеличения западного влияния и обеспечить защиту собственных политических интересов в регионе.

Более активное развитие дипломатические отношения двух стран получили в середине 1950-х годов. В 1956 году правительства СССР и Эфиопии достигли соглашения о преобразовании дипломатических миссий в Аддис-Абебе в посольства. С этого времени стали успешно развиваться экономические и культурные связи СССР с Эфиопией. В июле 1959 года было подписано советско-эфиопское торговое и экономическое соглашение, по которому эфиопская сторона получала долгосрочный кредит в размере 90 млн рублей под низкие проценты для развития сельского хозяйства и промышленности страны [7: с. 16].

Одновременно с развитием дипломатических и торговых отношений между СССР и Эфиопией происходило интенсивное развитие культурных и общественных связей. Так, с 1945 года в Аддис-Абебе начала свою работу постоянная выставка Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, а в 1948 году по просьбе эфиопской стороны открылась больница обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Особенно активную роль в распространении сведений о Советском Союзе стала играть советская миссия в Эфиопии, с 1946 года начавшая выпускать бюллетень статей на английском языке, ставших серьезным источником информации для местного населения. При выставке работали курсы русского языка. Огромный общественный интерес вызвало и открытие 13 августа 1946 года выставки «Москва», проводившейся в помещении постоянной экспозиции,

на открытии которой присутствовали члены эфиопского правительства, представители зарубежной прессы и дипломаты, а численность посетителей в день открытия составила 200 человек [17]. В 1950-е годы культурное сотрудничество дополнилось организацией при советском посольстве в Аддис-Абебе просмотров советских фильмов, с которыми представители посольства объездили целый ряд эфиопских провинций.

Основными формами культурного сотрудничества СССР и Эфиопии служили обмен визитами и делегациями, сотрудничество в области литературы и кинематографии, организация и проведение выставок и курсов изучения русского и амхарского языков [17]. Еще до подписания соглашения о культурном сотрудничестве, накануне визита императора Эфиопии Хайле Селассие I в Москву в 1959 году, состоялись первые культурные обмены делегациями. В мае 1957 года группа советских артистов посетила Эфиопию. Состоялась встреча с артистами Эфиопского Национального театра, представителями общественности. В этом же году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве присутствовала делегация из Эфиопии. С 1958 года в страну приезжали делегации советских артистов с различными концертными программами. Оживление культурных контактов двух стран привело к подписанию соглашения о культурном сотрудничестве СССР с Эфиопией накануне визита в нашу страну императора Эфиопии Хайле Селассие. Был принят план культурного обмена на 1959–1961 годы.

В последующие годы, благодаря накопленному положительному потенциалу в развитии советско-эфиопских отношений, происходит углубление торгово-экономических и культурных контактов, обогащение научных связей двух стран: переводились на амхарский язык произведения русских классиков, тысячи эфиопских студентов учились в СССР, закладывались прочные основы для укрепления межгосударственных отношений двух стран в 1960–1970-е годы.

Литература

1. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. 368 с.
2. Вавилов Н.И. Пшеницы Абиссинии и их положение в общей системе пшениц. Л., 1931. С. 13–18.
3. Вавилов Н.И. Путешествие в Абиссинию // Цветок Мэскаэля. Слово об Эфиопии. М., 1990. С. 60–73.
4. Ванин И. Абиссиния // Новый Восток. 1922. № 2. С. 525–542.
5. Вобликов Д.Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости (1860–1960). М., 1961. 217 с.
6. Громыко А.А. Африка: прогресс, трудности, перспективы. М., 1981. 272 с.
7. Громыко А.А. Советско-эфиопские отношения. Изучение Эфиопии в СССР. М., 1979. 18 с.
8. Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. 2010. №12. С. 15–20.
9. Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М., 1964. С. 728–729.

10. Известия. (5. X. 1935). С. 2.
11. *Кассе Ныгусие Микаэль*. Император Хайле Селассие и внешняя политика Эфиопии (1916–1952). М., РУДН, 2005. 272 с.
12. *Макеев Д.А.* Становление советско-эфиопских межгосударственных отношений // Международные отношения на Ближнем Востоке и Северо-Восточной Африке в новейшее время. Владимир. 1985. С. 28–45.
13. *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Отечественная история. 1995. № 1. С. 3–27.
14. *Никольский А.В.* Итало-эфиопская война 1935–1936 (41 гг.). СПб., 2001. 231 с.
15. Правда. (5.X., 11. X. 1935). С. 3.
16. *Рябчикова Л.Н.* Из истории становления советско-эфиопского сотрудничества (1917–1943 гг.) // Двустороннее сотрудничество СССР с освободившимися странами. М., 1987. С. 65–71.
17. *Рябчикова Л.Н.* Культурные связи между СССР и Эфиопией: исторический аспект (1943–1974 гг.) // Мир и политика. 2010. URL: <http://mir-politika.ru/269-kulturnye-svyazi-mezhdu-sssr-i-efiopiey-istoricheskiy-aspekt-1943-1974-gg.html>
18. *Синицын С.Я.* Миссия в Эфиопии. Эфиопия, Африканский Рог и политика СССР глазами советского дипломата 1956–1982 гг. М., 2001. 308 с.
19. *Ягья В.С.* Хайле Селассие I // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 62–77.
20. *Ягья В.С.* Эфиопия в Новейшее время. М., 1978. 327 с.

References

1. *Belousov L.S.* Mussolini: diktatura i demagogiya. M., 1993. 368 s.
2. *Vavilov N.I.* Psheniczy' Abissinii i ix polozhenie v obshhej sisteme pshenicz. L., 1931. S. 13–18.
3. *Vavilov N.I.* Puteshestvie v Abissiniyu // Czvetok Me'skae'lya. Slovo ob E'fiopii. M., 1990. S. 60–73.
4. *Vanin I.* Abissiniya // Novy'j Vostok. 1922. № 2. S. 525–542.
5. *Voblikov D.R.* E'fiopiya v bor'be za soxranenie nezavisimosti (1860–1960). M., 1961. 217 s.
6. *Gromy'ko A.A.* Afrika: progress, trudnosti, perspektivy'. M., 1981. 272 s.
7. *Gromy'ko A.A.* Sovetsko-e'fiopskie otnosheniya. Izuchenie E'fiopii v SSSR. M., 1979. 18 s.
8. *Denisov A.V., Urnov A.Yu.* SSSR i dekolonizaciya Afriki // Aziya i Afrika segodnya. 2010. №12. S. 15–20.
9. Dokumenty' vneshnej politiki SSSR. T. VIII. M., 1964. S. 728–729.
10. Izvestiya. (5. X. 1935). S. 2.
11. *Kassae Nygusie Mikae'l'.* Imperator Xajle Selassie i vneshnyaya politika E'fiopii (1916–1952). M., RUDN, 2005. 272 s.
12. *Makeev D.A.* Stanovlenie sovetsko-e'fiopskix mezhgosudarstvennyx otnoshenij // Mezhdunarodny'e otnosheniya na Blizhnem Vostoke i Severo-Vostochnoj Afrike v novejshee vremya. Vladimir. 1985. S. 28–45.
13. *Nezhinskij L.N., Chelyshev I.A.* O doktrinal'ny'x osnovax sovetskoj vneshnej politiki v gody' «xolodnoj vojny'» // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 1. S. 3–27.
14. *Nikol'skij A.V.* Italo-e'fiopskaya vojna 1935–1936 (41 gg.). SPb., 2001. 231 s.
15. Правда. (5.X., 11. X. 1935). S. 3.

16. *Ryabchikova L.N.* Iz istorii stanovleniya sovetско-e'fiopskogo sotrudnichestva (1917–1943 gg.) // Dvustoronnee sotrudnichestvo SSSR s osvobodivshimisya stranami. M., 1987. S. 65–71.
17. *Ryabchikova L.N.* Kul'turny'e svyazi mezhdru SSSR i E'fiopiej: istoricheskij aspekt (1943–1974 gg.) // Mir i politika. 2010. URL: <http://mir-politika.ru/269-kulturnye-svyazi-mezhdru-sssr-i-efiopiey-istoricheskij-aspekt-1943-1974-gg.html>.
18. *Siniczy'n S.Ya.* Missiya v E'fiopii. E'fiopiya, Afrikanskij Rog i politika SSSR glazami sovetского diplomata 1956–1982 gg. M., 2001. 308 s.
19. *Yag'ya V.S.* Xajle Selassie I. // Voprosy' istorii. 1990. № 10. С. 62–77.
20. *Yag'ya V.S.* E'fiopiya v Novejshee vremya. M., 1978. 327 s.

S.A. Agureev

The Development of Soviet-Ethiopian Diplomatic and Cultural Relations in 1920–1950

The article is devoted political and cultural relations between the Soviet Russia and the monarchic Ethiopia. This period was the hard time for diplomatic relations because in Russia was the October Revolution, and the Ethiopian political elite depend on British Empire and Italy. But the time of 1940-1950 was made many important steps to development diplomatic and cultural contacts, because the Ethiopian elite want to receive political and economical acknowledgment.

Keywords: doctrine, foreign policy; Soviet-Ethiopian collaboration; «The Cold War».

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

**Ф.А. Михайловский,
С.Н. Новикова**

Изучение «Законов Хаммурапи» в 5 классе в свете требований ФГОС

Статья содержит методические рекомендации к уроку по истории в 5 классе основной школы, посвященному древнеавилонскому законодательству.

Ключевые слова: методика преподавания истории; учебники; ФГОС; Хаммурапи.

«**З**аконь Хаммурапи» представляют собой важнейший исторический документ — самое древнее, почти полностью сохранившееся законодательство в истории человечества (более древние законы известны лишь фрагментарно).

Текст законов был найден французской археологической экспедицией, раскапывавшей Сузы (древнюю столицу Элама), в 1901–1902 годах. Черный, сужающийся к верху базальтовый столб с законами оказался расколот на три части. Он имеет 2,25 метра высоты, 1,65 метра в верхней окружности и 1,90 метра в нижней. На лицевой стороне памятника в верхней закругленной его части имеется рельефное изображение двух человеческих фигур: сидящего бога солнца, света и справедливости Шамаша и стоящего перед ним царя Хаммурапи, самого законодателя. Бог Шамаш восседает на троне, имеющем стилизованную форму зиккурата (храма). Бог вручает стоящему перед ним в молитвенной позе царю знаки высшей судебной власти — жезл и обруч.

Передняя сторона плоского обелиска ниже рельефа и вся обратная сторона покрыты клинописным текстом, состоящим примерно из пятидесяти колонок. При этом знаки в каждой колонке читаются справа налево, от верха колонны к ее основанию [4: с. 14]. Семь колонок оказались выскоблены. Вероятно, это было сделано по приказу какого-то эламского царька, увезшего обелиск с законами в качестве трофея в Сузы после успешного набега на Вавилонию, как полагают исследователи, в XII в. до н.э. [13: с. 209, 274]. Возможно, удачливый захватчик намеревался высечь на столбе надпись в честь своих побед,

законы вавилонского царя его явно не интересовали. Найденный археологами столб с законами первоначально находился в Сиппаре [13: с. 208], а Элам никогда не входил в Древнеавилонское царство.

Клинописный текст делится на три части: введение, статьи законов и заключение. В оригинале статьи законов не нумеруются, порядковая нумерация была введена учеными, изучавшими памятник. В соответствии с ней общее число присвоенных законам номеров – 282, но на найденном в Сузах памятнике их сохранилось только 247 [4: с. 14; 7: с. 167]. Французский ученый Венсан Шейль (первый публикатор текста законов) в свое время допустил, что в выскобленном месте надписи, начиная с 66-й статьи, содержалось пять колонок с 35-ю статьями. В дальнейшем исследователям удалось восполнить лауну на столбе благодаря тому, что были обнаружены копии законов на обломках глиняных табличек позднеавилонского времени из Ниневийской библиотеки Ашшурбанапала. Они почти полностью воспроизводят статьи 66, 71, 78, 96 и частично статьи 3–33, 42 и многие другие. При этом стало понятно, что В. Шейль несколько ошибся, зарезервировав слишком много номеров для утраченных на памятнике статей. Этим объясняются сбои в порядковой нумерации законов.

Знакомство с данным памятником традиционно входит в школьный курс «Истории Древнего мира», о «Законах Хаммурапи» рассказывается в той или иной мере во всех современных учебниках для основной школы.

В учебнике Ф.П. Коровкина, по которому несколько десятилетий учились школьники СССР, деятельности вавилонского царя и его законодательству посвящена большая часть § 16 «Вавилонское царство» — два из трех пунктов (смысловых блоков, на которые делятся параграфы учебников) [9: с. 59–62]. Кроме того, в третьем пункте § 16 рассказывается о Нововавилонском царстве, хотя оно образовалось через тысячу лет после Древнеавилонского.

В основном тексте сказано о возвышении Вавилона при царе Хаммурапи, приведено краткое описание памятника. Затем следует утверждение: «Законы царя Хаммурапи оберегали жизнь и имущество рабовладельцев, укрепляли их господство над рабами и беднотой» [9: с. 60].

Ключевое положение о классовом характере законодательства подтверждается адаптированными извлечениями из самого источника, помещенными в дополнительный текст к параграфу. Приведенный текст повторяет структуру памятника: в него включен отрывок из Введения, девять законов и отрывок из Заключения. К тексту поставлено семь вопросов, на которые учащимся предложено дать ответ [9: с. 61–62].

Большинство законов и вопросов к ним касаются положения рабов, поскольку в учебнике последовательно обосновывалась марксистская концепция исторического развития, согласно которой все древние цивилизации развивались как рабовладельческие. Примечательно, что 117 статья «Законов Хаммурапи», ограничивающая долговое рабство тремя годами, была приве-

дена не полностью. Опущено указание, что на четвертый год долговой раб должен быть освобожден [9: с. 62; ср.: 7: с. 177]. Не случаен и вопрос, предложенный в учебнике к этой статье: «Как закон обеспечивал возвращение долга?» Тем самым данные источника искажались. Получалось, что законодатель не ограничивал долговое рабство, а, напротив, устанавливал его как меру наказания должников. Из других приведенных в учебнике законов следовало, что рабы приравнивались к имуществу, суровые наказания грозили тем, кто помогал рабам освободиться, кроме того законы оберегали имущество царя, храмов и вообще рабовладельцев.

В период «перестройки» учебник Ф.П. Коровкина был значительно переработан в методическом плане О.И. Бахтиной и Г.И. Годером, хотя его общая концепция (марксистская формационная теория) осталась без изменения. Рассказ о правлении Хаммурапи и его законах теперь оказался в одном пункте переработанного § 16 «Образование классов и государств в Южном Междуречье» [10: с. 75–76]. Положение о классовом характере законов в основном тексте было убрано. Также исчезли вопросы к адаптированным извлечениям из законов. В сами извлечения, по-прежнему помещаемые в дополнительный текст, было внесено важное изменение: статья 117 приведена полностью. Материал о Нововавилонском царстве был перенесен в § 18 «Новое возвышение Вавилона. Образование Персидского царства». В то же время в параграф был включен материал о Южном Междуречье в IV–III тыс. до н. э. В итоге Хаммурапи и его законам в учебнике теперь уделялось меньше внимания. История Древневавилонского царства перестала быть темой урока, а превратилась всего лишь в его заключительный вопрос. О «Законах Хаммурапи» в основном тексте сказано буквально два предложения, содержание законов не раскрывается. Приведенный текст памятника лишен методического сопровождения. Относительно Хаммурапи и его законов в конце параграфа предложен только один вопрос: «Как Хаммурапи использовал религию для укрепления своей власти и рабовладельческого государства?»

В 1995 году на смену учебнику Ф.П. Коровкина пришел учебник А.А. Вигасина, Г.И. Годера и И.С. Свенцицкой, который до сих пор остается основным, применяемым в большинстве школ страны [3]. В нем уже нет марксистской концепции исторического развития. Хаммурапи и его судебнику посвящен отдельный § 14 «Вавилонский царь Хаммурапи и его законы» [3: с. 69–73]. О древневавилонском законодательстве рассказано намного подробнее. В основном тексте излагаются и объясняются некоторые законы. Кроме того, адаптированные извлечения из источника помещены в дополнительный текст к параграфу, к которому предложено два вопроса. Статья 117 «Законов Хаммурапи» получила правильную трактовку, выделенную жирным шрифтом: «Так царь Хаммурапи защищал своих подданных от обращения в рабство» [3: с. 73].

В других многочисленных учебниках по истории Древнего мира «Законам Хаммурапи» также уделено заметное внимание, хотя настолько полного и систем-

ного изложения материала по данному вопросу, как в учебнике А.А. Вигасина, Г.И. Годера и И.С. Свенцицкой, в них нет. «Законы Хаммурапи» служат лишь одним из вопросов параграфа, в который авторы включают также значительный материал о религии и храмах Междуречья [1; 8; 12]. Бывает, что по-прежнему в параграф включается и материал о Нововавилонском царстве [1]. Понятно, что авторы расширяют цель и задачи урока, но это, безусловно, идет в ущерб изучению законов вавилонского царя. Между тем в практике преподавания изучить только правление Хаммурапи и его законодательство — объемная задача, на которую даже самым опытным учителям нередко не хватает времени. Ведь на уроке необходимо также проводить опрос по ранее изученной теме. Об этом писал крупнейший методист и заслуженный учитель Г.И. Годер [5: с. 96–97].

Как представляется, изучению истории Древневавилонского царства следует посвящать отдельный параграф учебника, при этом центральным вопросом темы должно служить изучение «Законов Хаммурапи».

Главное, что объединяет все названные учебники, за исключением учебника Ф.П. Коровкина [9], — они предлагают учащимся готовые выводы, содержание законов объясняется в основном тексте, а сами законы служат лишь иллюстрацией тех или иных положений. К извлечениям из законов, помещаемым в дополнительный текст, предлагаются один-два вопроса или задания [1; 3; 12], бывает, что вопросов нет вообще [6] или же нет извлечений из текста законов [8].

Между тем, согласно требованиям ФГОС (<http://standart.edu.ru>), на первое место в обучении выходит необходимость развития у обучающихся способности к самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового опыта на основе имеющихся фундаментальных знаний и умений. Преподавание истории в современной школе должно строиться на основе деятельностного подхода. Обучающиеся должны учиться самостоятельно добывать знания, овладеть навыками научного поиска. Иначе говоря, главная задача образования — научить учиться, а это подразумевает в том числе работу с источниками. Школьников необходимо учить извлекать прямую и косвенную информацию из исторических источников, что соответствует компетентностному подходу к образованию. Работа с документами, поиск ответа на вопросы развивает критическое мышление обучающихся.

Как представляется, в 5 классе есть возможность изучить «Законы Хаммурапи» в форме практического занятия, разбирая и обсуждая текст источника на уроке под руководством учителя; при этом текст законов и вопросы к ним могут быть помещены в основной текст параграфа [11: с. 55–61].

Основная часть урока проводится по учебнику — по источнику и вопросам к тексту источника. Пункт параграфа не рассчитан на самостоятельное изучение обучающимися, но исключительно на работу в классе под руководством учителя. Подобранные и адаптированные выдержки из законодательства представляют определенную логическую систему.

Во-первых, материал расположен в соответствии со структурой памятника: отрывки берутся из Введения, из Законов, из Заключения. Это позволяет дать наглядное представление об источнике (приступая к изучению источника, обучающихся можно спросить: «На какие три части делится текст, высеченный на каменном столбе?»).

Во-вторых, подборка текстов подчинена задаче научить школьников извлекать из источника прямую и косвенную информацию. Вопросы, сформулированные к тексту Введения к законам, ориентированы на извлечение *прямой информации*. Вопросы к тексту самих законов построены так, чтобы учить извлечению не только прямой, но и *косвенной информации*. Вопросы к Заключению требуют от обучающихся оценочных суждений.

В-третьих, изучаемые статьи законодательства подобраны так, чтобы в определенной логической последовательности выявить информацию по наиболее существенным для характеристики социально-экономического развития Древневавилонского царства моментам.

Изучение памятника начинаем с чтения отрывка из Введения к законам. Кто-либо из учеников читает вслух первый абзац текста из Введения к законам (в дальнейшем весь изучаемый текст источника также читают обучающиеся):

Я, Хаммурапи, царь, поставленный богами, потомок Сумула-Эля, сильный наследник Синмубаллита, вечный царственный отпрыск, солнце Вавилона, приведший к послушанию четыре стороны света.

Объясняем, что, прочитав надпись, ученые узнали имя законодателя: Хаммурапи. Спрашиваем: «Кем был законодатель? Каким образом Хаммурапи получил царскую власть? Как звали царя, правившего в Вавилоне перед Хаммурапи? А как звали основателя династии?» Школьники должны найти в тексте соответствующую информацию. Поскольку царь называет себя *«наследником Синмубаллита»*, он получил власть по наследству.

Разумеется, сама по себе информация о предшественниках Хаммурапи не важна. Запоминать имена царей не требуется. В данном случае важен только пример, позволяющий научить пятиклассников извлекать из источника прямую информацию.

Ставим вопрос: «Чем, кроме законов, гордится Хаммурапи?» Если требуется, даем уточнение: «Что означает выражение “*приведший к послушанию четыре стороны света*”?» Выясняем, что царь гордится своими завоеваниями. Значит, Хаммурапи вел завоевательные войны и создал могущественное государство.

Продолжаем чтение текста Введения:

Чтобы сильному не притеснять слабого, чтобы погубить незаконных и злых, я вложил правду и справедливость в уста страны и дал благоденствие людям.

Ставим вопрос: «С какой целью Хаммурапи составил свои законы?»

Спрашиваем: «Предположите, кто такие слабые и сильные?»

Пятиклассники уже имеют представление о социальной структуре древних обществ [11: с. 34–35; 44–45]. Они могут предположить, что это — либо свободные и рабы, либо богатые и бедные, либо знатные и простолюдины. Объясняем, что из текста источника неясно, кто именно имеется в виду, необходимо его дальнейшее изучение.

Обращаемся ко второй части памятника. Всего рассматриваются 14 статей законодательства, к которым предложено 17 вопросов [11: с. 58–60].

Подобранные группы законов соответствуют следующей схеме, состоящей из пяти смысловых блоков: 1. Ирригационные сооружения — основа земледелия; их сооружали свободные люди, соседи-общинники; 2. Между общинниками существовало имущественное неравенство; 3. Свободные за долги попадали в рабство, но законодатель не был заинтересован в увеличении числа долговых рабов; 4. Рабы в Вавилонии не были совершенно бесправны; 5. Люди не были равны перед законом.

Работа с текстом законов позволяет обучить учащихся извлечению как прямой, так и косвенной информации.

При изучении первого смыслового блока используются две статьи законов, к которым ставятся четыре вопроса.

Если человек не укрепил плотину на своей земле и вода прорвала плотину, затопила поля общины, пусть виновный возместит хлеб, который он погубил.

Если он не может возместить хлеб, следует продать все его имущество и его самого, а полученное серебро пусть соседи разделят между собой.

Спрашиваем: 1. Что такое община? (Если не помните, посмотрите § 4). 2. О каком виде общины – соседской или родовой – идет речь в законе? Почему вы так считаете? 3. Кто строил и ремонтировал плотины и другие водные сооружения — рабы или свободные люди? 4. Зачем были нужны водные сооружения?

То, что имеется в виду соседская община, следует из ситуации, тем более что во втором законе прямо сказано о «соседях». В статьях не упоминается о том, что ирригационные сооружения строили рабы. Речь идет о свободных людях, о крестьянах-общинниках. Царь заботится об общем деле — о поддержании в надлежащем порядке ирригационных сооружений, что было основой экономики. Вся эта информация — косвенная, прямо в источнике эти сведения не излагаются.

Два следующих закона посвящены арендным отношениям. Они показывают, что между общинниками не было равенства (поскольку одни вынуждены арендовать землю у других). При этом аренда сада с финиковыми пальмами стоит дороже. Для объяснения этого обстоятельства учащиеся должны использовать материал, изученный на предыдущем уроке [11: с. 49]. На это ориентирует вопрос: Что давала финиковая пальма людям?

Переходя к следующему смысловому блоку, спрашиваем: Какое наказание налагалось на крестьянина, который не мог возместить общине ущерб от прорыва плотины на его участке? Обучающиеся вновь обращаются к соответствующему закону и указывают, что такого крестьянина продавали за серебро (прямая информация). Объясняем, что человек, не имеющий возможности расплатиться с долгом, становился рабом. Затем читаем 117 статью законов. Она показывает, что население делилось на свободных и рабов и что законодатель ограничил долговое рабство тремя годами. Значит, Хаммурапи не был заинтересован в увеличении числа рабов. Этот вывод подтверждается и следующей статьей:

Если человек купит во враждебной стране раба или рабыню и окажется, что эти раб или рабыня — вавилоняне, то следует отпустить их на свободу.

Спрашиваем: 1. Откуда еще, кроме долговой кабалы, брались рабы в древности? 2. Заинтересован ли царь в том, чтобы свободные люди превращались в рабов?

После этого поясняем: в Древнеавилонском царстве кроме рабов-должников были и рабы, купленные в других странах, захваченные на войне или рабы по рождению. О положении этих рабов сообщается в следующих четырех законах. Они показывают, что таких рабов клеймили (прямая информация) и они приравнивались к имуществу, каким служил домашний скот (косвенная информация).

Спрашиваем учащихся: «Можно ли считать, что рабы в Вавилонском царстве были бесправны?» Пятиклассники, скорее всего, ответят утвердительно: ведь они выяснили, что в законодательстве раб приравнен к волу, ослу или овце.

Однако чтение двух следующих статей показывает, что раб не был вещью. Оказывается, раб мог жениться на свободной женщине, и их дети становились свободными. Это еще раз доказывает, что Хаммурапи не был заинтересован в росте рабства. Другая статья свидетельствует, что раб мог оспорить свое положение.

Если раб скажет своему господину: «Ты не мой господин», то господин должен доказать, что это его раб, а потом может отрезать рабу ухо.

Здесь можно пояснить, что рабу в наказание отрезали именно ухо, а не пальцы или язык, чтобы не лишать его возможности трудиться и отвечать на вопросы хозяина.

Изучение заключительного блока законов показывает, что среди свободного населения было не только имущественное неравенство, но также правовое.

Если человек ударит по щеке равного, он должен заплатить штраф.

Если человек ударит по щеке высшего по положению, должно ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи.

К этим статьям законодательства ставим вопросы: 1. Все ли были равны перед законом и почему? 2. Кого в Вавилоне считали «высшими по положению»?

На последний вопрос информации в приведенном тексте источника нет. Но учащиеся могут применить свои знания, полученные на предыдущих уроках, и указать на знать и жречество.

Наконец, из обширного Заключения к законам берутся только две фразы:

Я, Хаммурапи, царь справедливый, которому Шамаш даровал законы. Мои слова превосходны, мои дела бесподобны.

Предлагаемые вопросы, как указывалось, требуют от обучающихся оценочных суждений. 1. Хаммурапи считал свои законы «справедливыми» и «превосходными». Как вы думаете, кто в Вавилоне был согласен с царем, а какие подданные так не считали? 2. Как вы думаете, помогли законы поддерживать порядок в царстве и «дать благоденствие людям»?

Таким образом, изучение данного важнейшего памятника в виде практического занятия по источнику становится особым методическим приемом на этапе объяснения нового материала. Извлекаемая из источника информация позволяет сделать немало важных выводов, увязать между собой различные факты, повторить материал предыдущих параграфов.

В соответствии с требованиями ФГОС, на данном этапе занятия (практическая работа) у обучающихся формируются навыки учебной деятельности, развитие которых предусмотрено программой курса, что позволяет им достигать важных образовательных результатов.

Предметные результаты выражаются в способности обучающихся осуществлять основные виды учебной деятельности (Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения — <http://standart.edu.ru>), опираясь на знания, полученные на уроках истории.

При выполнении практической работы школьники учатся: характеризовать роль царя Хаммурапи в истории Древневавилонского царства, демонстрировать знание содержания судебного царя, оценивать законодательство Хаммурапи, высказывать суждение о значении законов Хаммурапи, проводить поиск информации в отрывках исторических текстов, описывать условия существования, основные занятия, образ жизни людей в древности, раскрывать характерные, существенные черты государственного устройства и положения основных групп населения Древней Вавилонии.

Личностные результаты, формирующиеся на данном занятии, проявляются в готовности обучающихся к саморазвитию и самообразованию на основе мотивации к изучению предмета, в развитии гражданской позиции, интереса к истории и культуре древних народов. Школьники осознают важную роль исторических источников.

Метапредметные результаты выражаются в способности осуществлять познавательные, личностные, регулятивные и коммуникативные универсальные учебные действия (УУД) [2], которые формируются у школьников в процессе обучения. На данном занятии особое внимание уделяется развитию:

- *познавательных УУД*: умению осуществлять смысловое чтение, работать с текстом, отличать главное от второстепенного, устанавливать причинно-следственные связи между фактами и делать выводы;
- *личностных УУД*: умению применять полученные знания в практической деятельности, уважительному отношению к мнению одноклассников;
- *регулятивных УУД*: умению организовать выполнение заданий учителя, развитию навыков самооценки и самоанализа;
- *коммуникативных УУД*: умению слушать одноклассников и учителя, строить речевые высказывания, аргументировать свою точку зрения.

Литература

1. *Андреевская Т.П., Белкин М.В., Ванина Э.В.* История Древнего мира. 5 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2007. 304 с.
2. *Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Карабанова О.А., Салмина Н.Г., Молчанов С.В.* Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2010. 159 с.
3. *Вигасин А.А., Годер Г.И., Свенцицкая И.С.* История Древнего мира. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013. 303 с.
4. *Волков И.М.* Законы вавилонского царя Хаммураби. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. 85 с.
5. *Годер Г.И.* Методическое пособие по истории Древнего мира. 5 класс: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2003. 352 с.
6. *Данилов Д.Д., Сизова Е.В., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Николаева А.А.* Всеобщая История. История Древнего мира: учебник для 5-го класса основной школы. М.: Баласс, 2010. 288 с.
7. История Древнего Востока. Тексты и документы: учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. шк., 2002. 719 с.
8. *Колтаков С.В., Селунская Н.А.* История Древнего мира: учебник для 5 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Дрофа; Веди-принт, 2002. 320 с.
9. *Коровкин Ф.П.* История Древнего мира. 6-е изд. М.: Просвещение, 1967. 239 с.
10. *Коровкин Ф.П.* История Древнего мира: учебник для 6 класса средней школы. 4-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1990. 254 с.
11. *Михайловский Ф.А.* Всеобщая история. История Древнего мира: учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений. 2-е изд. М.: ООО Русское слово-учебник, 2013. 296 с.
12. *Уколова В.И., Маринович Л.П.* Всеобщая история. История Древнего мира. 5 класс: учебник для общеобразовательных организаций. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 2013. 320 с.
13. *Шарпен Д.* Хаммурапи, царь Вавилона / Пер. с фр. Б.Е. Александрова. М.: РГГУ, 2013. 312 с.

References

1. *Andreevskaya T.P., Belkin M.V., Vanina E.V.* Istoriya Drevnego mira. 5 klass: uchebnik dlya uchashhixsya obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. M.: Ventana-Graf, 2007. 304 s.

2. *Asmollov A.G., Burmenskaya G.V., Volodarskaya I.A., Karabanova O.A., Salmina N.G., Molchanov S.V.* Formirovanie universal'ny'x uchebny'x dejstvij v osnovnoj shkole: ot dejstviya k my'sli. Sistema zadaniy: posobie dlya uchitelya. M.: Prosveshhenie, 2010. 159 s.
3. *Vigasin A.A., Goder G.I., Svenciczskaya I.S.* Istoriya Drevnego mira. 5 klass: uchebnik dlya obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 2013. 303 s.
4. *Volkov I.M.* Zakony' vavilonskogo czarya Xammurabi. M.: T-vo Skoropechatni A.A. Levenson, 1914. 85 s.
5. *Goder G.I.* Metodicheskoe posobie po istorii Drevnego mira. 5 klass: posobie dlya uchitelya. M.: Prosveshhenie, 2003. 352 s.
6. *Danilov D.D., Sizova E.V., Kuznecov A.V., Kuzneczova S.S., Nikolaeva A.A.* Vseobshhaya Istoriya. Istoriya Drevnego mira: uchebnik dlya 5-go klassa osnovnoj shkoly'. M.: Balass, 2010. 288 s.
7. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty' i dokumenty': ucheb. posobie / Pod red. V.I. Kuzishhina. M.: Vy'ssh. shk., 2002. 719 s.
8. *Kolpakov S.V., Selunskaya N.A.* Istoriya Drevnego mira: uchebnik dlya 5 klassa obshheobrazovatel'ny'x uchebny'x zavedenij. M.: Drofa; Vedi-print, 2002. 320 s.
9. *Korovkin F.P.* Istoriya Drevnego mira. 6-e izd. M.: Prosveshhenie, 1967. 239 s.
10. *Korovkin F.P.* Istoriya Drevnego mira: uchebnik dlya 6 klassa srednej shkoly. 4-e izd., dorab. M.: Prosveshhenie, 1990. 254 s.
11. *Mixajlovskij F.A.* Vseobshhaya Istoriya. Istoriya Drevnego mira: uchebnik dlya 5 klassa obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. 2-e izd. M.: OOO Russkoe slovo-uchebnik, 2013. 296 s.
12. *Ukolova V.I., Marinovich L.P.* Vseobshhaya istoriya. Istoriya Drevnego mira. 5 klass: uchebnik dlya obshheobrazovatel'ny'x organizacij. 2-e izd., ispr. M.: Prosveshhenie, 2013. 320 s.
13. *Sharpen D.* Xammurapi, czar' Vavilona / Per. s fr. B.E. Aleksandrova. M.: RGGU, 2013. 312 s.

*F.A. Mikhailovsky,
S.N. Novikova*

Study of «Laws of Hammurapi» in the 5th Grade according to the Requirements of the FGOS

The article contains methodical recommendations for the history lesson in the fifth grade in secondary school, devoted to Old Babylonian Laws.

Keywords: methods of teaching History; textbooks; FGOS; Hammurapi.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

А.А. Орлов

**Иностранцы — это вред или польза?
Рецензия на книгу: Тихонова А.В.
«Надлежаще посмотреть...». Надзор
за иностранцами в Российской империи
(1801–1861) (Смоленск: Смол. ГУ;
Свиток, 2013. 256 с.)**

На всех переломных этапах российской истории высшая власть стремилась реформировать экономику государства. При этом политические новшества, особенно в период существования крепостного права, значительно отставали от экономических новаций. Определяющим в политике власти было желание модернизировать производство, чтобы на равных конкурировать с ведущими западными державами (в XIX веке — Англией и Францией, в XX–XXI веках — США), но при этом не утратить собственных позиций, избежать революционных потрясений в стране.

Модернизация не могла быть проведена без приглашения в Россию иностранных специалистов. Но поскольку условия развития ведущих стран Западной Европы (конституционные монархии и буржуазные отношения) и России (самодержавие и крепостничество) в первой половине XIX века были разными, российские власти чаще всего воспринимали иностранцев как «необходимое зло». Этим принципом и определялось направление правительственной политики эпохи правления императоров Александра I и Николая I по отношению к приезжающим в страну специалистам или путешественникам.

Естественно, что на протяжении столь длительного периода правящие круги России вносили коррективы в свою миграционную политику, руководствуясь пониманием необходимости внутренних реформ или откликаясь на какие-либо международные события. В итоге был накоплен значительный (позитивный и негативный) опыт государственного регулирования правил пребывания иностранцев на территории империи. Изучая его, можно полу-

читать важные сведения не только об условиях политического, экономического и культурного развития России в первой половине XIX века, но и увидеть со стороны, глазами иностранцев, жизнь страны во многих ее проявлениях. Кроме того, история контактов россиян и подданных разных стран Западной Европы дает ученому богатейший материал для изучения повседневной жизни, психологии, ментальности тех и других, а также особенностей их взаимовосприятия.

Именно этой теме посвящена монография кандидата исторических наук, доцента Смоленского государственного университета А.В. Тихоновой. Целью ее труда является изучение особенностей надзора за иностранцами в России с начала XIX века и до эпохи Великих реформ Александра II. Автор анализирует деятельность российских властей высшего (император, центральные министерства и ведомства, III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии) и регионального уровня (в основном на примере Смоленской губернии). Такой подход позволяет изучить особенности функционирования всей вертикали государственной власти, от монарха до уездного исправника. В монографии А.В. Тихоновой исследованы проблемы надзора не только за иностранцами, приезжавшими в Россию добровольно, но и за военнопленными и членами их семей, оказавшимися на территории империи в периоды масштабных военных конфликтов, таких как Отечественная война 1812 года или Крымская война 1853–1856 годов (с. 9).

Заявленная цель предопределила следующие направления исследования: 1) условия въезда иностранцев в Россию с начала XIX века до Отечественной войны; 2) изменения государственной политики в отношении иностранцев в связи с началом военной кампании 1812 года; 3) реакция российских властей на факты сотрудничества иностранцев с оккупантами; 4) отношение российских органов управления всех уровней к военнопленным Великой армии Наполеона и членам их семей; 5) совершенствование паспортного режима; 6) взаимодействие III Отделения, министерств, местных властей в организации и осуществлении контроля над иностранцами до середины 1840-х годов и в последующее время; 7) правительственные меры и их реализация в отношении пленных в ходе Крымской войны; 8) изменения условий въезда иностранцев в Россию и новые нормативно-правовые акты, принятые в преддверии реформ Александра II (с. 19–20).

Поставленные автором задачи были реализованы на основе анализа значительного комплекса источников и научной литературы. А.В. Тихонова изучила опубликованные и архивные документы, причем последние были найдены в фондах федеральных архивов (Государственного архива РФ, Российского государственного исторического архива в Петербурге), архивохранилища МИД (Архив внешней политики Российской империи), региональных архивов (Центра хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива г. Москвы, Государственного архива Смоленской области и его филиала в г. Вязьме, Госу-

дарственного архива Орловской области) (с. 16). Всего был обследован 21 фонд с большим количеством архивных дел (с. 219–221). Обзор современной русской и иностранной (английской и швейцарской) литературы по теме «Иностранцы в России» (с. 6–16) убеждает в том, что «вопросы надзора за иностранными подданными до сих пор относятся к малоизученным» (с. 16).

В основной части монографии автор аргументированно отвечает на поставленные во Введении вопросы. В первой главе «*Контроль над иностранными подданными гражданских профессий (1801–1826)*» изучены условия въезда иностранцев в Россию до 1812 года, выявлены причины ужесточения надзора за ними с началом Отечественной войны и приведены сведения о так называемом «разборе иностранцев» (выяснении мест их проживания, занятий и «нравственности», т. е. лояльности властям) в столицах и на местах, рассказано о деятельности следственных комиссий об иностранцах, добровольно или вынужденно служивших в оккупационной администрации, дана информация о применении паспортного режима к иностранцам до 1826 года (с. 22–63).

Во второй главе «*Действия российских властей в отношении военнопленных и членов их семей после Отечественной войны 1812 года*» (с. 64–114) автор оценивает отношение представителей властей разного уровня и местного населения к военнопленным Великой армии Наполеона. Отдельный параграф посвящен судьбам, чаще всего трагическим, женщин и детей из числа попавших в плен в 1812 году иностранцев. «Оценивая российскую политику в отношении военнопленных, следует подчеркнуть ее определенную гуманность, направленную на сохранение жизни и здоровья пленных. В реальности же местным властям по многим причинам это удавалось с трудом из-за значительного количества пленных. Большие материальные издержки, связанные с пребыванием военнопленных на территории конкретных губерний, являлись тяжелым бременем для бюджета, а губернаторам приходилось решать множество каждодневных вопросов, связанных с обеспечением помещением, продовольствием, одеждой, обувью, конвоированием, улаживанием конфликтов между местным населением и пленными и внутри самого сообщества военнопленных», — пишет А.В. Тихонова (с. 99). Относительно второй проблемы она отмечает: «...если положение военнопленных в Российской империи нашло отражение в разработанной законодательной базе, то каждый конкретный случай, связанный с пленными женщинами и детьми, рассматривался особо. Верховная власть в лице государя и члены императорской семьи были настроены гуманно. Тем не менее на местах разбирательства “тонули” в бюрократической волоките. <...> Подлинный гуманизм чаще проявляли не власти, а обычные россияне, которые помогали обездоленным, вне зависимости от их национальности и социального статуса» (с. 113–114).

В этой главе читатель найдет интересные факты, которые ранее не были известны исследователям или отходили на второй-третий план в работах об Оте-

чественной войне 1812 года. «Непосредственно перед началом и в первые дни войны российским военным и гражданским чиновникам уже пришлось заниматься перебежчиками и дезертирами из Великой армии». Еще до начала войны (4 июня 1812 года) виленский гражданский губернатор выдал билет на проезд в Смоленск «валтижеру войск французских» дезертиру Масле. Дезертирство из рядов Великой армии в начале войны не было массовым явлением, русские документы называют таковыми всего 44 человека, но все же это добавляет яркую краску в рассказ о вторжении Наполеона в Россию (с. 64–65). Следует сказать также о том, что в декабре 1812 года секретный Комитет финансов предлагал императору использовать квалифицированных мастеров из числа военнопленных на российских фабриках и заводах с оплатой труда, равной той, что получали русские мастера. Пленные из числа крестьян могли бы, по мнению членов Комитета, получить участки земли для поселения (с их согласия) в Саратовской и Екатеринославской губерниях. Других пленных рекомендовалось привлечь к восстановлению разрушенных войной городов. А.В. Тихонова пишет: решения Комитета диктовались желанием сгладить проблемы с обеспечением военнопленных самым необходимым и сократить казенные расходы на их содержание...» (с. 79). Признавая справедливость такого утверждения, отмечу: на мой взгляд, и здесь проявилось стремление российского правительства использовать труд иностранцев для модернизации отечественной экономики. Конечно, мало кто из этих невольных гостей России захотел остаться в стране после окончания Наполеоновских войн. Большинство предпочли вернуться на родину. В связи с этим, по словам автора, опиравшегося в своих выводах на работы петербургского историка Б.П. Милюдова [2: с. 163–190], «попытки задействовать военнопленных на строительстве и в сфере производства в целом оказались малоэффективными» (с. 99). Мне представляется, что вопрос оценки степени влияния мастеров из числа военнопленных на развитие русской промышленности остается еще не до конца исследованным.

В третьей главе «*Надзор за иностранцами (1826–1861)*» (с. 115–215) прослежены изменения в политике и практике надзора за иностранными подданными с середины 1820-х до середины 1840-х годов; изучен процесс осуществления контроля над иностранцами во второй половине 1840-х – начале 1850-х годов; дана оценка действиям центральных и местных властей в отношении пленных (англичан, французов, сардинцев и турок) в период Крымской войны; проанализированы новые правила въезда и особенности пребывания иностранцев в России в период реформ 1860–1870-х годов. Автор установила, что политика в отношении иностранцев смягчалась в те периоды, когда властям необходимо было решать насущные проблемы модернизации страны. Если же Западную Европу сотрясали народные волнения или революции, Россия отвечала на это ужесточением миграционного режима. Политика в отношении допуска в страну иностранцев была значительно смягчена после прихода к власти Александра II, вынашивавшего планы кардинальных буржуазно-либеральных реформ (с. 206). Но, «несмотря

на появление либеральных тенденций в российском законодательстве относительно пребывания иностранных подданных в стране, III Отделение действовало прежними методами, опираясь в проведении негласного надзора на агентуру, а гласного — на жандармских чиновников и местную полицию», — отмечает А.В. Тихонова (с. 215).

На мой взгляд, читателям будет особенно интересен материал о надзоре за иностранными учителями (с. 143–152, 180–185, 188–190, 206) и врачами (с. 153–155, 190–191), так как они по долгу профессии были обязаны отвечать за нравственное и физическое здоровье своих подопечных, следовательно, государство старалось держать их под постоянным бдительным контролем. В этой главе монографии впервые на материалах Смоленской губернии освещены вопросы пребывания в империи иностранных офицеров и солдат, взятых в плен во время Крымской войны (с. 191–205).

Подводя итоги своего исследования, автор обращает внимание на то, что в изученный ею период времени «государственная политика в отношении иностранцев была направлена то на стимулирование, то на сдерживание миграционного потока из-за рубежа. Российское правительство все время находилось перед дилеммой: иностранцы — это вред или польза? Решение было гибким в зависимости от ситуации: международной обстановки, потребностей страны в специалистах» (с. 216). В то же время, отвечая на вопрос о действенности правительственного контроля за иностранцами, А.В. Тихонова пишет: «Несмотря на, казалось бы, жестко выстроенную вертикаль власти, указания III Отделения и министерств, транслировавших волю государя и даже повеления его самого и членов правящей династии, исполнялись несвоевременно, иногда в течение нескольких лет (из-за чиновничьей волокиты на губернском и уездном уровнях). К тому же учет всех иностранцев, проживавших в губерниях, далеко не всегда осуществлялся с “надлежащим усердием”» (с. 217–218). Экономическая заинтересованность государства в привлечении иностранных специалистов стала главной причиной изменения миграционного законодательства в середине 1850-х годов. «Иностранцам, занимавшимся торговлей, земледелием и промышленностью были дарованы равные права с русскими подданными. Приток мигрантов поставил перед надзорными органами империи новые задачи». В целом же, по мнению автора монографии, «центральные и местные органы власти в указанный период времени (1801–1861 гг. — А.О.) проводили целенаправленную политику в отношении иностранцев, считая приоритетными национальные интересы России» (с. 218).

Автор постаралась охватить в своей работе большое количество проблем на сравнительно небольшом временном периоде. Неудивительно, что некоторые принципиально важные вопросы при этом были обозначены тезисно или даже упомянуты вскользь. Например, говоря о Крымской войне, А.В. Тихонова пишет: война привела к гибели Венской системы международных

отношений, сложившейся после Наполеоновских войн (с. 202). Между тем это дискуссионный вопрос. Одни историки придерживаются данной точки зрения. В англо-американской историографии с 1960-х годов существует термин «Крымская система», обозначающий сложившуюся в 1856 году новую расстановку сил в Европе (см., например, работу английского историка В.Ю. Моссе «Возникновение и распад Крымской системы 1855–1871 гг.» [7]). Но существует другая точка зрения, которой придерживаюсь и я. Она заключается в следующем: Крымская война была локальной войной, ведшейся на периферии Европы. Англия и Франция приняли участие в этом конфликте, потому что желали ослабить военно-экономический потенциал николаевской России и защитить от нее слабеющую Турцию, связанную по рукам и ногам режимом «капитуляций». Однако Россия была ослаблена только временно, она не перестала быть великой державой. Баланс сил в Европе не был серьезно изменен. Венская система продолжала существовать вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 году (такую точку зрения отстаивал, в частности, английский историк А. Тэйлор в своей работе «Борьба за господство в Европе 1848–1918 гг.» [8]).

В первой главе своей работы автор упоминает высылку в 1825 году греков («азиатских христиан») с территории России в Османскую империю. Она объясняет это тем, что, «не желая военного конфликта с Турцией, правительство пыталось сдерживать российские общественные настроения в пользу греков, поднявших в 1821 году антитурецкое восстание» (с. 61). Объяснение выглядит на первый взгляд странно, поскольку все читатели, мало-мальски знакомые с историей России XVIII–XIX веков, знают: греки всегда были союзниками русских монархов в их борьбе с турками, надеясь на восстановление независимости своей родины. Здесь, как мне кажется, надо было сказать о том, что Александр I после окончания Наполеоновских войн действовал в духе доктрины легитимизма (защиты существующих монархических режимов, в том числе и власти турецкого султана, от внутренних революций при условии соблюдения правящим монархом дарованных подданным законов). Он считал, что такая политика предотвратит на будущее время катастрофические перевороты, подобные Французской революции 1789 года. Ради достижения этой великой цели император отказался от политики Екатерины II в отношении поддержки борьбы греков против султана, полностью отдав их во власть турок. Это решение сильно подорвало авторитет императора внутри страны.

В монографии проявляется стремление А.В. Тихоновой изучать прежде всего судьбы швейцарцев в России, хотя название книги настраивает читателя на то, что речь в ней пойдет об иностранцах вообще. Но это объясняется давним и плодотворным интересом автора к теме российско-швейцарских связей [1; 3–6].

Наконец, скажу о том, что из-за путаницы в архивных документах (фамилии некоторых персонажей даются в разном написании, по-разному указывается их подданство)¹ читателю не всегда понятно, о ком именно идет речь. В тексте несколько раз упоминаются польские сыровары Иван Массин и Бернард Массин, работавшие в Вяземском и Сычевском уездах Смоленской губернии. На с. 176 говорится об итальянских сыроварах Иване и Бернарде Массимо. Автор делает вывод: «...так как в фамилиях, а иногда и в подданстве, [в русских документах] допускались ошибки, можно предположить, что это те же иностранцы — люблинский уроженец Иван Массин и поляк Бернард Массин...». А на с. 179–180 снова появляется итальянский (сардинский) сыровар Иван Массимо, который в 1851 году принял российское подданство. Кратко рассказано о его жизни в России уже без всякого упоминания о польском однофамильце.

Несмотря на эти замечания, монография А.В. Тихоновой является новым ценным вкладом в изучение проблем многообразных связей Российской империи со странами Западной Европы в первой половине XIX века. Думается, что это исследование может быть с успехом продолжено на материале других хронологических периодов.

Литература

1. Козлов О.В., Тихонова А.В. Швейцарские учителя и гувернёры в Смоленской губернии первой половины XIX в. // Российская история. 2013. № 2. С. 127–133.
2. Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: мат-лы XVI международной научной конференции (6–7 сентября 2010 г.) / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2011. С. 163–190.
3. Тихонова А.В. Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX – начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 82–102.
4. Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.
5. Тихонова А.В. Паспортный режим в Российской империи в отношении швейцарских граждан (первая половина XIX в.) // История государства и права. 2011. № 17. С. 39–43.
6. Тихонова А.В. Эмиграция из Швейцарии в первой половине XIX в. // Новая и Новейшая история. 2011. № 1. С. 203–209.
7. Mosse W.E. The Rise and Fall of the Crimean System 1855–1871. The Story of a Peace Settlement. L. – N.Y., 1963.
8. Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford, 1957 (рус. пер.: М., 1958).

¹ Бюрократическая ошибка могла надолго испортить человеку жизнь. Так произошло в случае со шведом Иваном Рейсом, служившим в поместье гр. Н.П. Панина при сыне графа «дядькой». В 1793 г., когда Рейс приехал в Россию, в паспорте его ошибочно назвали французом, посчитав Стокгольм французским городом. Несчастный швед пережил множество неприятностей во время русско-французских войн конца XVIII – начала XIX в. (с. 44).

References

1. *Kozlov O.V., Tixonova A.V.* Shvejczarskie uchitelya i guvernyory' v Smolenskoj gubernii pervoj poloviny' XIX v. // Rossijskaya istoriya. 2013. № 2. S. 127–133.
2. *Milovidov B.P.* Ispol'zovanie voennoplenny'x 1812 g. na rabotax: tendencii pravitel'stvennoj politiki // Otechestvennaya vojna 1812 goda: Istochniki. Pamyatniki. Problemy': mat-ly XVI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (6–7 sentyabrya 2010 g.) / Sost. A.V. Gorbunov. Mozhajsk, 2011. S. 163–190.
3. *Tixonova A.V.* Shvejczarskie predprinimateli i sozdanie promy'shlennogo sy'rovareniya v Smolenskoj gubernii v XIX – nachale XX v. // E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2008. M., 2009. S. 82–102.
4. *Tixonova A.V.* Shvejczarskie uchitelya v Rossii pervoj poloviny' XIX v. // Voprosy' istorii. 2011. № 9. S. 142–147.
5. *Tixonova A.V.* Paspornny'j rezhim v Rossijskoj imperii v otnoshenii shvejczarskix grazhdan (pervaya polovina XIX v.) // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 17. S. 39–43;
6. *Tixonova A.V.* E'migraciya iz Shvejczarii v pervoj polovine XIX v. // Novaya i Novejshaya istoriya. 2011. № 1. S. 203–209.
7. *Mosse W.E.* The Rise and Fall of the Crimean System 1855–1871. The Story of a Peace Settlement. L. – N.Y., 1963.
8. *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford, 1957 (рус. пер.: М., 1958).

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2014, № 1 (13)**

Агеев Сергей Егорович — соискатель кафедры отечественной истории МГПУ (ageev-1965@yandex.ru).

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (stas.agureev@mail.ru).

Бравина Марина Алексеевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории и социально-политического образования Ульяновского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (bravina@mail.ru).

Васин Иван Вячеславович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (rome2009@list.ru).

Давыдова Алла Борисовна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра египтологических исследований Российской академии наук (dawidov@mail.ru).

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций МГПУ (isakov-va@yandex.ru).

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Kasarov@mgpu.ru).

Манухин Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры СГН-1 «История» факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э. Баумана (warcraftdouble@yandex.ru).

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Новикова Светлана Николаевна — ведущий редактор-методист издательства «Русское слово», учитель высшей категории (serentina@yandex.ru).

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории МГТУ им. М.А. Шолохова (arkigolkin@yandex.ru).

Рябота Мария Александровна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (rma312@rambler.ru).

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии Московского городского педагогического института (marinaio0707@rambler.ru).

Черножуков Алексей Сергеевич — соискатель кафедры истории МГПУ (tchernoz@mail.ru).

**Authors / MCTTU Vestnik,
Series «Historical studies», 2014, № 2 (14)**

Ageev Sergei Yegorovich — Applicant for Ph.D. of History of Russia department, MCTTU (ageev-1965@yandex.ru).

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Ph.D. in History, Associate Professor of World History department, MCTTU (stas.agureev@mail.ru).

Bravina Marina Alekseevna — Ph.D. in History, head of History and social-political department, UIPKPRO (Uljanovsk) (bravina@mail.ru).

Vasin Ivan Vjacheslavovich — Post-graduate of World History department, MCTTU (rome2009@list.ru).

Davydova Alla Borisovna — Ph.D. in History, research fellow of the Centre of Egyptology Researches of Russian Academy of Sciences (dawidov@mail.ru).

Kasarov Georgi Georgievich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (Kasarov@mgpu.ru).

Manukhin Aleksei Anatoljevich — Ph.D. in History, assistant of SHN-1 «History» department, Bauman MSTU (warcraftdouble@yandex.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor, head of World History department, MCTTU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Novikova Svetlana Nikolaevna — editor-in-chief, methodologist of publishing firm «Russian Word», teacher of higher category (sepentina@yandex.ru).

Orlov Aleksandr Anatoljevich — Doctor of History, full professor, head of World History department, Sholokhov MSHU (arkigolkin@yandex.ru).

Ryabota Maria Alexandrovna — Post-graduate of World History department, MCTTU (rma312@rambler.ru).

Furtsev Roman Vitalievich — Ph.D. in History, Senior Lecturer of Romance Philology department, MCTTU (marinaio0707@rambler.ru)

Chernozhukov Aleksei Sergeevich — Applicant for Ph.D. of History department, MCTTU (tchernoz@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (14), 2014

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВПО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 04.07.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.